

ISSN 2409-3793

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя D. ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

Выходзіць два разы ў год

1 (53)
2019

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар);
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (нам. галоўнага рэдактара);
д-р экан. навук прафесар Н.У. Макоўская (старшыня рэдакцыйнага савета серыі D);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Эканоміка:

д-р экан. навук прафесар Л.У. Пакуш (Горкі)
д-р экан. навук прафесар С.А. Канстанцінаў (Горкі)
канд. экан. навук дацэнт Т.Ф. Балашова (Магілёў)

Сацыялогія:

д-р сацыял. навук прафесар Ю.М. Бубнаў (Магілёў)
д-р сацыял. навук прафесар Н.М. Беляковіч (Мінск)
д-р сацыял. навук дацэнт М.Я. Ліхачоў (Магілёў)
канд. сацыял. навук дацэнт С.М. Ліхачова (Магілёў)

Право:

д-р юрыд. навук прафесар В.М. Бібіла (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар А.Г. Цікавенка (Мінск)
канд. юрыд. навук дацэнт Л.Ф. Лазуціна (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А.І. Пліско (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А.Ф. Свіб (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс "Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.А. Куляшова" ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

ПАКУШ Л. В., БОСАК В. В. Оценка инвестиционного климата страны	4
МАКОВСКАЯ Н. В., ЧЕГЕРОВА Т. И. Академические кадровые стратегии белорусских университетов	12
СЕРГЕЙКО А. Н. Зарубежный опыт эффективного управления государственной и муниципальной собственностью	18
КАШТЕЛЯН Т. В. Ориентиры воспроизводственных процессов лесного сектора Беларуси в свете теории “переходной” экономики	32
СЕРГИЕНЯ О. С. Миграция потребительских культур в современной мировой экономике: причины и факторы активизации	42
БАРАНОВСКИЙ Н. А. Современная белорусская государственность: сущность и перспективы развития	47
ЛИХАЧЕВ Н. Е. Сельская повседневность в социологическом измерении	57
ОСТРОВСКАЯ А. А. Социально-гуманитарные знания в междисциплинарном подходе к профессиональному развитию специалистов	63
ШЕВКО Р. В. Музыка как элемент социализации молодежи	73
МАРТИНОВИЧ В. А. Динамика идентификации новых религиозных движений в печатных СМИ	81
ЛАЗУТИНА Л. Ф. Санкция прокурора и компетенции суда о применении меры пресечения – заключения под стражу: национальный и международный опыт	89
ПАНТЕЛЕЕВА Н. В. Отдельные принципы развития предпринимательской деятельности в Республике Беларусь	94
СОРКИН Г. С. Криминологические аспекты личности лица, впервые заключенного под стражу	102
ИВАНЧИКОВА Л. Д. Сущность и содержание административной ответственности несовершеннолетних	107
ХОВРАТОВА С. Н. Особенности правового регулирования имущественных отношений супругов в Республике Беларусь	113
ГОНЧАРОВ В. В. О некоторых проблемах, связанных с определением перечня субъектов общественного контроля в Российской Федерации и их полномочий (конституционно-правовой анализ).....	118

ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

УДК 336.71

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА СТРАНЫ

Л. В. Пакуш

доктор экономических наук, профессор

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

В. В. Босак

аспирант

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Инвестиционный климат определяется сопоставлением объективных возможностей региона или страны (инвестиционный потенциал) и условий деятельности инвестора (инвестиционный риск).

Для обобщенной оценки инвестиционного климата страны предлагается методика (метод шкалирования), в рамках которой расчет индекса инвестиционного климата страны проводится на основе показателей, характеризующих инвестиционный потенциал, инвестиционные риски и специальную инвестиционную составляющую. Использование метода шкалирования с применением равных удельных весов факторов позволяет дать точную оценку инвестиционного климата страны.

Ключевые слова: инвестиционный климат, инвестиционный потенциал, инвестиционный риск, методики оценки.

Введение

Анализ путей совершенствования инвестиционного климата страны и регионов играет особую роль в вопросе привлечения инвестиций. Оценка инвестиционного климата проводится при помощи различных методик инвестиционных рейтингов.

История сравнительных оценок инвестиционного климата стран мира насчитывает более 40 лет. Исследование, осуществленное сотрудниками Гарвардской школы бизнеса, было одним из первых в данной области. В основу сопоставления была положена экспертная шкала, включавшая следующие характеристики каждой страны: а) законодательные условия для иностранных и национальных инвесторов; б) возможность вывоза капитала; в) устойчивость национальной валюты; г) политическая ситуация; д) уровень инфляции; е) возможность использования национального капитала.

Данный набор показателей был недостаточно детальным для адекватного отображения всего комплекса условий, принимаемых во внимание инвесторами. Поэтому в дальнейшем развитие методик сравнительной оценки инвестиционного климата различных стран пошло по пути расширения и усложнения системы оцениваемых экспертами параметров и введения количественных (статистических) показателей (объем ВВП, обеспеченность природными ресурсами, состояние инфраструктуры и др.) [1–5].

Появление в конце 80-х гг. XX ст. группы стран с переходной экономикой и специфическими условиями инвестирования потребовало особых методических подходов. В начале 90-х гг. XX ст. применительно к этим странам рядом экспертных групп (консультационная фирма PlanEcon, журналы Fortune и Multinational Business) независимо друг от друга были подготовлены упрощенные методики сравнительной оценки инвестици-

онного климата. Они учитывали не только условия, но и результаты инвестирования, близость страны к мировым экономическим центрам, масштабы институциональных преобразований, демократические традиции, состояние и перспективы проводимых реформ, количество трудовых ресурсов.

Основная часть

Инвестиционный климат включает объективные возможности региона или страны (инвестиционный потенциал) и условия деятельности инвестора (инвестиционный риск) и позволяет сопоставить эти показатели. В том случае, если инвестиционный потенциал превышает инвестиционный риск, можно говорить о его инвестиционной привлекательности.

Инвестиционный потенциал представляет собой характеристику возможностей данной территории, с точки зрения вложений капитала.

Инвестиционный потенциал включает в себя следующие частные потенциалы:

- 1) ресурсный потенциал (запасы минерального топлива, гидроэнергетические ресурсы, запасы руд черных и цветных металлов, запасы сырья для химической промышленности, запасы нерудных полезных ископаемых, лесной фонд, площадь сельскохозяйственных угодий и др.);
- 2) производственный потенциал (валовой национальный продукт, численность занятых в экономике, число предприятий и организаций и др.);
- 3) инфраструктурный потенциал (плотность железнодорожной сети, плотность автодорог, степень телефонизации и др.);
- 4) инновационный потенциал (число организаций, выполняющих научные разработки; число промышленных предприятий, занимающихся инновационной деятельностью; объем расходов на НИОКР и др.);
- 5) институциональный потенциал (число коммерческих банков и их филиалов, число малых предприятий, число страховых компаний и др.);
- 6) финансовый потенциал (сумма поступлений по налоговым платежам и другим доходам, прибыль предприятий и организаций и др.);
- 7) потребительский потенциал (соотношение доходов населения и стоимости потребительской корзины; сумма вкладов населения в банковские учреждения и др.);
- 8) трудовой потенциал (число лиц с высшим и средним профессиональным образованием в численности населения трудоспособного возраста, число лиц с высшим и средним профессиональным образованием в численности занятых в экономике и др.) [6].

Совокупность этих факторов характеризует возможность ведения инвестиционной деятельности в данном регионе или стране.

Вторая составляющая – инвестиционный риск. Под инвестиционным риском понимается вероятность возникновения непредвиденных потерь в ситуации неопределенности условий инвестиционной деятельности [7].

При оценке инвестиционного климата инвестиционный риск чаще всего рассчитывают как средневзвешенную сумму следующих видов рисков: экономического, финансового, политического, социального, экологического, законодательного, криминального и др.

Подробная структура инвестиционного климата с точки зрения рискового подхода представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Структура инвестиционного климата страны

В настоящее время комплексные рейтинги инвестиционных климатов стран мира периодически публикуются ведущими экономическими журналами. К числу наиболее известных западных систем оценок инвестиционного климата относятся рейтинги Euromoney, Business Environment Risk Index (BERI), Moody's, Standard & Poor's Corp., The Economist, Institutional Investor, доклад "Ведение бизнеса", публикуемый Всемирным Банком, и другие. В качестве составляющих данных рейтингов постепенно стали рассматриваться не только оценки отдельных элементов инвестиционных потенциалов, но и оценки инвестиционных рисков [1; 6; 7].

Каждая из представленных методик имеет как преимущества, так и недостатки. Для оценки инвестиционного климата страны и всех сопутствующих факторов заинтересованным лицам приходится прибегать к комплексной оценке, руководствоваться не какой-то одной определенной методикой, а по возможности, анализируя потенциальную страну приложения капитала по ряду методик, оценивающих как количественные, так и качественные факторы, что зачастую приводит к значительным временным и материальным издержкам.

Для разработки качественно новой методики, учитывающей достоинства рассмотренных ранее методик, а также характеризующейся элементом новизны, в первую очередь, необходимо дать определение и выявить структурные элементы инвестиционного климата страны.

Как было отмечено ранее, понятие инвестиционный климат является очень емким и имеет множество подходов к определению его элементов. Как правило, оно включает в себя благоприятствующие (преимущества страны-реципиента, ее потенциал) и препятствующие составляющие инвестирования (риски) (рис. 2).

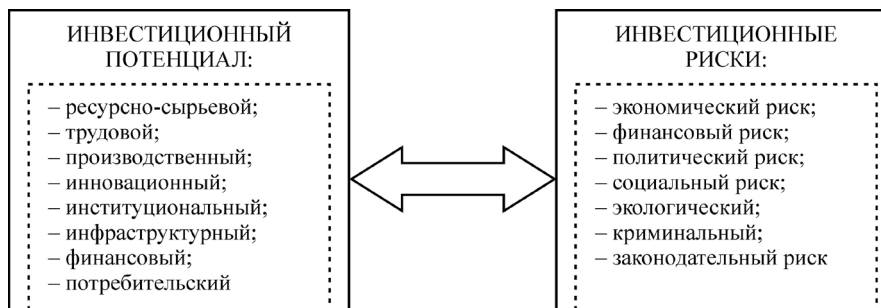

Рисунок 2 – Инвестиционный потенциал и инвестиционные риски

Инвестиционный потенциал страны характеризуется совокупностью экономических, финансовых, социальных показателей, а также наличием и соотношением факторов производства, развитостью инфраструктуры. Инвестиционный потенциал – это количественная характеристика инвестиционного климата.

Инвестиционный риск страны характеризуется уровнем неопределенности прогноза относительно получения прибыли от инвестиций в будущем. Инвестиционный риск, как правило, включает политическую, экономическую и социальную составляющие. Инвестиционный риск – это качественная оценка инвестиционного климата привлекательности.

Дополнительно можно выделить третью составляющую инвестиционного климата – *специальная инвестиционная составляющая* страны – комплекс организационно-правовых и институциональных мер, целенаправленно реализуемых государством для создания благоприятных условий для инвестирования. Среди подобных мер можно выделить предоставление инвесторам льгот и преференций, защита инвестиций, а также организация работы агентств по привлечению инвестиций.

Исходя из вышеуказанного, *инвестиционный климат* – это совокупность сложившихся в стране политических, социально-культурных, финансово-экономических и правовых условий, определяющих качество бизнес-среды и эффективность инвестирования, а также степень возможных рисков при вложении капитала.

Инвестиционный потенциал и *специальная инвестиционная составляющая* страны образуют инвестиционную привлекательность страны. *Инвестиционная привлекательность* и *инвестиционные риски* страны формируют инвестиционный климат страны. Как правило, чем более благоприятный инвестиционный климат, тем выше инвестиционная активность в данной стране (рис. 3).

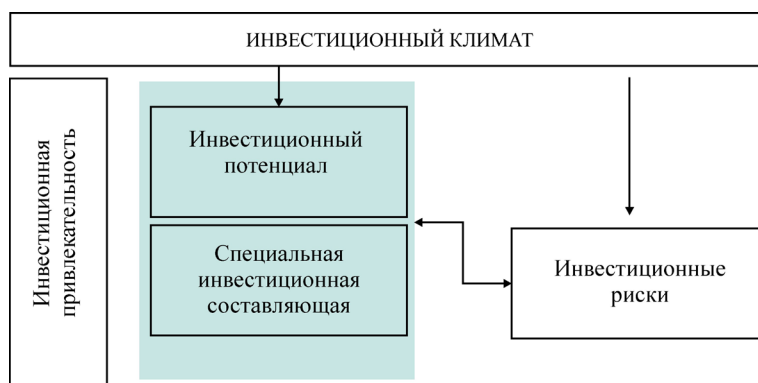

Рисунок 3 – Инвестиционный климат страны

В целях обобщенной оценки инвестиционного климата страны предлагается методика, в рамках которой предполагается расчет индекса инвестиционного климата страны на основе показателей, характеризующих инвестиционный потенциал, инвестиционные риски и специальную инвестиционную составляющую.

Система показателей, характеризующих *инвестиционный потенциал*, содержит четыре группы индикаторов:

- 1) финансово-экономический (включая рыночный, производственный, налоговый и внешнеторговый);
- 2) инфраструктурный;
- 3) политико-правовой;
- 4) социальный (включая трудовой, интеллектуальный).

Первая группа включает в себя такие показатели, как размер рынка; темп роста рынка; объем ВВП на душу населения; уровень торговой открытости; доступ к кредитованию; система налогообложения.

Вторая группа – показатели развития внутренней инфраструктуры: качество транспортной, телекоммуникационной инфраструктуры и системы энергоснабжения.

Третья группа – политическая стабильность, верховенство закона, исполнение контрактов, процедура создания предприятий.

Четвертая группа – стоимость и производительность труда, качество системы образования, уровень развития инноваций.

Система показателей, характеризующих *инвестиционные риски*, содержит также три группы индикаторов:

Первая группа – политико-правовой риск (краткосрочный политический риск, долгосрочный политический риск, уровень бюрократии, уровень контроля коррупции, риск экспроприации).

Вторая группа – экономический риск (уровень инфляции, транзакционный риск, уровень внешней задолженности, трансфертный риск, риск международной ликвидности, затраты на открытие бизнеса).

Третья группа – социальный риск (уровень безработицы, уровень преступности, риск нарушения гражданских свобод).

Система показателей, характеризующих *специальную инвестиционную составляющую*, содержит также следующие индикаторы:

– система льгот и преференций для инвесторов (включая сеть преференциальных режимов, специальный налоговый режим, систему дотаций и грантов);

– защита инвестиций;

– эффективность деятельности агентств по привлечению инвестиций (АПИ).

Информационной базой для вычисления индекса инвестиционного климата страны выступают данные ведущих международных организаций: Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), ВЭФ, WAIPA (табл. 1) [8–13].

Таблица 1 – Система показателей для расчета индекса инвестиционного климата страны

Факторы	Источник данных	Примечание
1. Инвестиционный потенциал		
<i>1.1 Финансово-экономический потенциал</i>		
– размер рынка;	ВБ	
– темп роста рынка;	ВБ	
– объем ВВП на душу населения;	ВБ	
– уровень торговой открытости;	ВБ	
– доступ к кредитованию;	ВБ (Doing Business)	
– система налогообложения.	ВБ (Doing Business)	
<i>1.2 Инфраструктурный потенциал</i>		
– качество внутренней инфраструктуры (транспортной, телекоммуникационной и системы энергоснабжения).	ВЭФ	CASE Belarus
<i>1.3 Политико-правовой потенциал</i>		
– политическая стабильность;	ВБ	
– верховенство закона;	ВБ	
– исполнение контрактов;	ВБ	
– процедура создания предприятий.	ВБ	
<i>1.4 Социальный потенциал</i>		
– стоимость и производительность труда;	ВЭФ	
– качество системы образования;	HDI	CASE Belarus
– уровень развития инноваций.	WIPO	

Окончание таблицы 1

2. Инвестиционные риски 2.1 Политико-правовой риск – краткосрочный политический риск; – долгосрочный политический риск; – уровень бюрократии; – уровень контроля коррупции; – риск экспроприации. 2.2 Экономический риск – уровень инфляции; – транзакционный риск; – уровень внешней задолженности; – трансфертный риск; – риск международной ликвидности; – затраты на открытие бизнеса. 2.3 Социальный риск – уровень безработицы; – уровень преступности; – риск нарушения гражданских свобод.	CG CG BF HF CG BF CG BF CG BF BF BF OOH THF	
3. Специальная инвестиционная составляющая – система льгот и преференций для инвесторов; – защита инвестиций; – эффективность деятельности АПИ.	внутреннее законодательство BF WAIPA	

Для оценки каждого из показателей применяется принцип шкалирования, когда каждому из абсолютных показателей присваивается значение в баллах согласно заранее установленной шкале. Данный принцип применяется в ряде ведущих мировых методик, среди которых можно выделить методику оценки инвестиционных рисков ICRG.

Для расчета индекса инвестиционного климата страны с использованием метода шкалирования и равных удельных весов применялись следующие шкалы с учетом максимального, минимального и медианного значения каждого из показателей по странам мира.

Максимальная сумма баллов для категорий “Инвестиционный потенциал” и “Инвестиционные риски” составляют 70 баллов для каждой, для категории “Специальная инвестиционная составляющая” – 30 баллов. Итоговый индекс инвестиционного климата страны варьируется в диапазоне от -70 до 100 баллов, где:

- отрицательные значения – неблагоприятный инвестиционный климат;
- 0–25 баллов – средний уровень инвестиционного климата;
- 25–50 баллов – благоприятный инвестиционный климат;
- 50 и более баллов – очень благоприятный инвестиционный климат.

Оценка инвестиционного климата отдельных стран, согласно методике, отображена в таблице 2.

Всем показателям присваиваются равные веса. Данный метод применяется в том случае, если предполагается, что детерминанты ПИИ имеют одно и то же влияние на итоговый индекс инвестиционного климата страны или в том случае, если существует неопределенность по поводу того, какой из показателей оказывает наибольшее влияние на принятие инвестиционных решений конкретным инвестором. Как итог, все показатели имеют равный вес a_i :

$$a_i = \frac{1}{n},$$

где n – количество факторов (показателей), учитываемых при расчете индекса.

Данный метод прост в использовании и снижает субъективность оценки. Равные веса позволяют единообразно оценивать все детерминанты инвестиционного климата, а также не приводят к завышению доли отдельных составляющих в расчете индекса.

При этом стоит отметить, что метод имеет недостаток, который связан с возможным искажением фактического уровня влияния отдельных частных факторов на итоговый индекс.

Таблица 2 – Оценка инвестиционного климата отдельных стран

Страна	Инвестиционный потенциал	Инвестиционные риски	Специальная инвестиционная составляющая	ИТОГО
Швейцария	50,0	6,5	24,0	67,5
Чехия	45,5	8,5	24,0	61,0
Словакия	42,0	17,0	24,0	49,0
Польша	41,0	14,5	24,0	50,5
Венгрия	43,0	23,5	23,0	42,5
Россия	36,5	35,5	22,0	23,0
Казахстан	37,0	42,0	24,0	19,0
Армения	35,5	40,0	20,0	15,5
Беларусь	37,0	46,0	21,0	12,0
Кыргызстан	32,0	42,5	20,0	9,5

Тем не менее, методика может быть с легкостью модифицирована заинтересованными лицами с использованием весовых коэффициентов в зависимости от того, какие показатели играют наибольшую роль для данных лиц при принятии инвестиционных решений. Использование метода шкалирования с применением равных удельных весов факторов позволяет дать достаточно точную оценку инвестиционного климата страны.

Заключение

Объективная оценка инвестиционного климата страны, которая включает объективные возможности региона или страны (инвестиционный потенциал) и условия деятельности инвестора (инвестиционный риск) при возможности сопоставления этих показателей, является важнейшим инструментом привлечения иностранных инвестиций.

В настоящее время к числу наиболее известных западных систем оценок инвестиционного климата относятся рейтинги Euromoney, Business Environment Risk Index (BERI), Moody's, Standard & Poor's Corp., The Economist, Institutional Investor, доклад "Ведение бизнеса", публикуемый Всемирным Банком, и другие.

В целях обобщенной оценки инвестиционного климата страны предлагается методика (метод шкалирования), в рамках которой предполагается расчет индекса инвестиционного климата страны на основе показателей, характеризующих инвестиционный потенциал, инвестиционные риски и специальную инвестиционную составляющую.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Литвинова, В. В.** Теоретические и методологические аспекты оценки инвестиционного климата региона / В. В. Литвинова // Молодой ученый. – 2011. – № 4, Т. 1. – С. 161–169.
2. **Муха, Д. В.** Макроэкономическая эффективность привлечения прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Д. В. Муха. – Минск, 2016. – 28 с.
3. **Шмарловская, Г. А.** Инвестиционный климат Республики Беларусь и стратегия привлечения иностранных инвестиций / Г. А. Шмарловская, Е. Н. Петрушкевич. – Минск : Дикта, 2012. – 159 с.
4. **Шмарловская, Г. А.** Стратегия реформирования инвестиционного климата Республики Беларусь / Г. А. Шмарловская, Е. Н. Петрушкевич // Вестник БГЭУ. – 2010. – № 2. – С. 5–11.
5. **Юсубов, Ф.** Пути улучшения инвестиционного климата Республики Беларусь / Ф. Юсубов // Вестник БГЭУ. – 2018. – № 1. – С. 12–20.
6. **Максимов, И. Б.** Инвестиционный климат: методика оценки / И. Б. Максимов. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2002. – 132 с.

7. **Валинурова, Л. С.** Инвестирование / Л. С. Валинурова, О. Б. Казакова. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 448 с.
8. DataBank // The World Bank Group [Electronic resource]. – Mode of access: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?year_high_desc=false. – Date of access: 15.11.2018.
9. Doing Business 2018 // The World Bank Group [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.doingbusiness.org/data/exploretopics/getting-credit>. – Date of access: 15.11.2018.
10. Indicators // The Global Economy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theglobaleconomy.com/rankings/>. – Date of access: 15.11.2018.
11. The Global Competitiveness Report 2017–2018 / K. Schwab [et al.]. – Geneva : World Economic Forum, 2017. – 381 p.
12. Education Index // Wikipedia, the free encyclopedia [Electronic resource]. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Education_Index. – Date of access: 15.11.2018.
13. Countries / Regions for External Debt: % of GDP // CEIC [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/switzerland/external-debt--of-nominal-gdp>. – Date of access: 15.11.2018.

Поступила в редакцию 03.01.2019 г.

Контакты: pakush1943@mail.ru (Пакуш Лариса Владимировна)

bosak1@tut.by (Босак Виктор Викторович)

Pakush L., Bosak V. ASSESSING COUNTRY'S INVESTMENT CLIMATE.

The investment climate is determined by comparing the objective capabilities of a region or country (investment potential) and the investor's business environment (investment risk).

For a generalized assessment of a country's investment climate, the methodology of the scaling method used to calculate a country's investment climate index based on indicators characterizing investment potential, investment risks and a special investment component is proposed. Using the scaling method with equal weights of factors allows giving an accurate assessment of the country's investment climate.

Keywords: investment climate, investment potential, investment risk, assessment methodologies.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ КАДРОВЫЕ СТРАТЕГИИ БЕЛОРУССКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Н. В. Маковская

доктор экономических наук, профессор
Белорусский государственный экономический университет

Т. И. Чегерова

кандидат технических наук, доцент
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье представлены результаты научного скрининга современных академических стратегий белорусских университетов. Выявлены основные направления функционирования академических стратегий. Определена роль и значения системы вознаграждений в белорусских университетах. Дана оценка возможности введения академических контрактов.

Ключевые слова: академическая стратегия, университет, преподаватель, заработная плата, контракт, академическая свобода

Введение

Современная система высшего образования в Беларуси переживает этап трансформации, который связан с появлением современных трендов индустриализации. Среди основных направлений такой трансформации следует выделять: неформальное деление вузов на столичные и региональные; реорганизация университетов путем внутреннего объединения подразделений; организация жесткого государственного контроля распределения ресурсов. Первыми образовательными структурами, которые несут все риски такой трансформации, являются региональные университеты, не имеющие ведущих позиций в белорусском образовательном пространстве. Институциональным оформлением трудовых отношений в белорусских университетах является контракт. Но структура и содержание белорусского академического контракта представляется неоптимальными. Это значит, что размер вознаграждения зависит преимущественно от учебной работы, а длительность контрактов (фактически – краткосрочные) не создают позитивных стимулов для преподавателей. Решение проблемы требует либо поиска собственной модели вознаграждения (размер, структура, продолжительность), либо частичного заимствования сложившихся зарубежных институтов в сочетании с модернизацией собственных.

На постсоветском академическом пространстве за последнее время появились альтернативные примеры стимулирования труда, позволяющие существенно повысить результативность труда вузовских работников: (сборник научных статей “Контракты в академическом мире” (под ред. М.М. Юдкевич; М., 2011); работы М.В. Курбатовой, С.Н. Левина, И.Н. Назаровой [1–2; 3], Г.В. Андрушака, М.М. Юдкевич, И. Прахова и др.[4]), в которых дан институциональный анализ содержания и практики заключения контрактов с преподавателями.

Основная часть

Методология исследования

В рамках теории контрактации отдельно выделяют теорию академических контрактов, которая обосновывает взаимосвязи заработной платы и результативности труда работников вуза. По структуре теория академических контрактов состоит из трех направлений:

- размер вознаграждений работников вуза зависит от неблагоприятных эффектов (неправильный отбор, снижение конкуренции и размывание академических стандартов, эффект восприятия, связанный со снижением значимости работы в университете и интереса к ней);
- продолжительность контрактов (бессрочные и срочные) зависит от конъюнктуры рынка образовательных услуг и от результативности труда преподавателей, что позволяет менеджмен-

ту вузов увеличивать срочность контрактов. Теория указывает и на то, что срочность контракта не учитывает последствия, среди которых – повышенная тревожность работников, неустойчивость их положения и нежелание отстаивать свою точку зрения, снижение производительности за счет поиска другого рабочего места с большим объемом гарантий. Но длительные и бессрочные контракты несут риск снижения мотивации и производительности работников;

– учет в структуре вознаграждения национально-культурных особенностей конкретной страны и ее трудового законодательства. В этой связи система вознаграждения преподавателей, сложившаяся в большинстве зарубежных вузов, предполагающая высокую долю постоянного вознаграждения, не может быть напрямую использована в Беларуси по причине существования иных требований к заключению трудового договора и иных академических практик.

Академический контракт как инструмент управления человеческими ресурсами высшей школы связан с концепцией когнитивного развития, которая предпринимает попытку обосновать эффективность взаимодействия университетов с преподавателями. При этом под академическим контрактом понимаются “специфические правовые или иные соглашения, которые определяют условия академической занятости” (Юдкевич, 2012. С. 11) [4]. Совершенствование теории академических контрактов не получило в научной концепции эффективного контракта вуза с преподавателем (Я. Кузьминов) [5]. В центре внимания концепции эффективного контракта оказываются не сроки трудового контракта, а размеры относительной заработной платы преподавателей.

Белорусская институциональная среда является специфичной для введения эффективных академических контрактов, так как современные белорусские университеты представляют собой такой социальный институт, который пытается оптимизировать расходы на высшее образование путем сокращения всех материальных расходов и лоббирования бюджетных средств для осуществления образовательной деятельности. Все это ведет к усилению бюрократического давления на вузы и преподавателей и усилению вмешательства государства в их функционирование.

В целях исследования формирования институциональной среды и определения стратегий вознаграждения преподавателей в академическом сообществе Беларуси была сформирована база данных по профессорско-преподавательскому составу белорусских университетов. Такая база данных создана впервые. База данных формировалась на основе экспертного опроса, инструментом которого стала анкета (идея и автором анкеты является д.э.н., проф. Т.Ю. Стукен Россия, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского), позволяющая дать оценку кадровых стратегий и академическому вознаграждению в Беларуси.

Исследовательская выборка представлена экспертным мнением более 23% профессорско-преподавательского состава белорусских университетов. Охвачены практически все вузы регионов Беларуси (исключение составила Гродненская область). Данное распределение учитывает половой признак респондентов, принявших участие в опросе: мужчины (26%), женщина (74%). Средний возраст преподавателей составил 40–45 лет. Выборкой охвачено больше всего преподавателей, которые проработали в вузе в среднем 15 лет (около 40%) и более 25 лет (20%). Такая представительность выборки по стажу работы позволяет полученные ответы сделать более репрезентативными, в силу того, что преподаватели с таким стажем более адекватно оценивают свое положение в университете и способны давать ответы в относительном сравнении.

Результаты оценки кадровых стратегий белорусских университетов

Оценка стратегии деятельности университета может представлять собой как всесторонний комплексный процесс, так и оценку отдельных элементов по достижению целей. Исследуя эффективность реализации стратегии, необходимо учитывать, насколько она отвечает требованиям внешней среды и ее динамики. Оценка эффективности стратегии может строиться на учете определенных критериев эффективности, а может базироваться на анализе факторов, влияющих на эффективность развития университета. В качестве базового фактора, влияющего на развитие университета, выступают стратегии поведения преподавателей.

В качестве характеристик трудового поведения преподавателей, ориентированных на стратегическое развитие, выделены: результативность, лояльность, вовлеченность, мотивация. Эти характеристики преподавателей используются для обеспечения академических свобод в академическом контракте. К факторам (независимым переменным), формирующим поведения преподавателей отнесены: характеристики работника (бинарные переменные пола, возраста, квалификации, стажа работы, результативности труда).

Оценка результативности. Зависимыми переменными результативности деятельности были определены все виды деятельности, которые выполняют преподаватели (рисунок 1). Построена логит-модель с набором независимых переменных (пол, возраст, стаж работы, наличие ученой степени). Причем, в модели был использован статистический показатель OR (отношение шансов), который позволил описать в численном выражении, то, насколько варианты развития связаны с присутствием (или отсутствием) определенного фактора.

Так, модель позволила оценить следующие параметры:

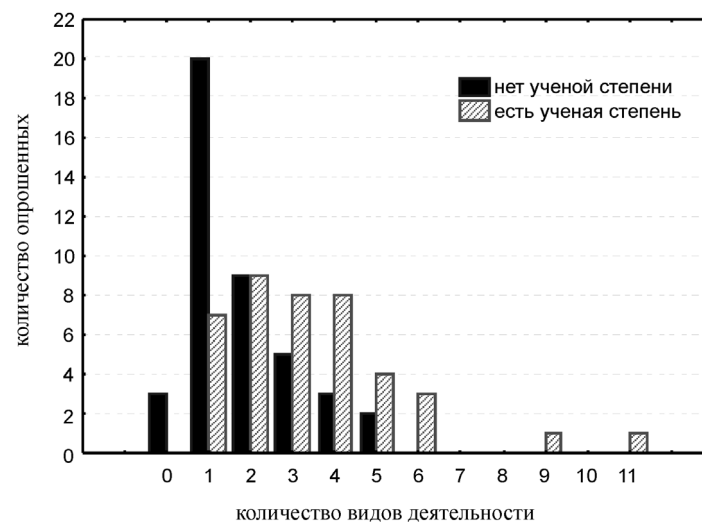
- опубликование статьи в журнале из списка Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь и приравненных к нему списков зависит от возраста преподавателей (-0,76). Чем, старше преподаватели, тем они менее склонны готовить статьи для таких изданий. Но наличие ученой степени положительно связано с количеством статей и ее наличие увеличивает вероятность таких публикаций в 4,3 раза;

- издание учебника, учебного или учебно-методического пособия, наоборот, определяет возраст преподавателя (0,99), чем он старше, тем более вероятно, что такой вид деятельности для него является активным;

- издание монографий определяет наличие ученой степени у преподавателей, вероятность такого рода деятельности в 17 раз выше для преподавателей с ученой степенью;

- такие виды деятельности ППС, как публикации статей в изданиях, индексируемых в Web of Science и Scopus не связаны ни с одним оцениваемым фактором. Предполагаем, что это связано с тем, что данный вид деятельности не является приоритетным для стратегии университетов Беларуси. Однако участие в индексируемых изданиях в мировой системе высшего образования является главным критерием участия в академических контрактах.

Для того чтобы определить общую результативность работ (суммарное количество всех видов активности) и ее зависимость от факторов было построено уравнение множественной линейной регрессии ($R^2 = 0,17$, $F = 17,52$, $p = 0,000071$), которое выявило только зависимость результатов работ преподавателей от наличия у них ученой степени. Это же подтверждается различием (статистически достоверны $F = 17,53$ $p = 0,000071$) в частотном распределении видов деятельности у преподавателей с научной степенью и без степени (рисунок).

Распределение количества видов работ в группах у преподавателей с научной степенью и без степени.

1. Публикация статьи в изданиях, индексируемых в Web of Science. 2. Публикация статьи в изданиях, индексируемых в Scopus. 3. Публикация статьи в журнале из списка ВАК и приравненных к нему списков. 4. Издание монографии. 5. Издание учебника, учебного или учебно-методического пособия. 6. Выполнение научного проекта в качестве руководителя или исполнителя. 7. Участие в международных проектах. 8. Разработка и реализация дополнительных образовательных программ. 9. Участие в совместных проектах с работодателями. 10. Участие в разработке сетевых образовательных программ. 11. Участие в составе рабочих групп по решению иных задач развития вуза.

Таким образом, ученая степень в вузах Беларуси является главным результирующим фактором, определяющим модель трудового поведения преподавателей университетов.

Оценка лояльности. Под лояльностью понимаем приверженность корпоративным правилам университета, его принципам и традициям. Лояльность предполагает то, что преподавателю нравится университет, и он готов трудиться здесь еще долгое время, оставаясь преданным работником, но при этом, не прилагая лишних усилий. В качестве критериев лояльности использовали: а) мнения преподавателей по поводу их отношения к ситуации, когда преподаватели, занимающие одинаковые должности, имеют разный объем учебной работы на ставку; б) желание преподавателей перейти в другой вуз.

Результат такой оценки следующий:

1) мнения респондентов по поводу их отношения к ситуации, когда преподаватели, занимающие одинаковые должности и имеют разный объем учебной работы на ставку, не выявили определенных зависимостей, характеризующих их лояльность;

2) оценка желания преподавателей перейти в другие университеты показала, что появляется это желание в случаях, когда отсутствуют должные условия для научной деятельности. Отсутствие лояльности связано с тем, что все виды научной работы преподавателей положительно связаны (0,54) с условиями труда для научной деятельности в университете (нет условий, нет лояльности).

Оценка вовлеченности.

Вовлеченность преподавателей – это эмоциональное и интеллектуальное состояние, которое мотивирует их не только результативно выполнять работу, но иметь желание к саморазвитию. Вовлеченность – широко понимаемый социальный процесс, который предполагает адаптацию преподавателей к условиям академической среды, привыкание к академическим свободам, оппортунизм к их ограничению. Вовлеченность позволяет университетам диагностировать отношения преподавателей к своей работе. Чем больше вовлеченность преподавателей, тем выше университетские рейтинги. Косвенная вовлеченность преподавателей может проявляться через их лояльность, через удовлетворенность не только работой в университете, а скорее удовлетворенностью профессией преподавателя.

В качестве зависимых в логит-моделях были использованы несколько переменных:

– ответы на вопросы: “В каких случаях Вы готовы написать одну дополнительную научную статью в год в рецензируемых журналах?” и “В каких случаях, Вы готовы выполнять работу, которая не предусмотрена Вашим трудовым контрактом?”

Значимыми получились коэффициенты регрессии в таком ответе, как “если я получу за эту работу дополнительное вознаграждение”. Такая зависимость положительной оказалась от возраста (0,90) преподавателей и от наличия ученой степени (1,00). Причем, увеличение размера вознаграждения за выполнение дополнительной работы у преподавателей со степенью почти в 3 раза повышает вероятность того, что они будут выполнять эту работу. Таким образом, у преподавателей с научной степенью вовлеченность выше, хотя и связана она только с материальным стимулом;

– ответ на вопрос: “Оцените по пятибалльной шкале, что Вас привлекает в профессии преподавателя?” (1 – абсолютно неважно, 5 – очень важно).

Был использован метод построения множественной линейной регрессии (пошаговое исключение переменных). Значимыми получились коэффициенты регрессии в таких вариантах ответов, как:

– размер заработной платы (положительно зависит от стажа работы в университете – чем больше стаж, тем выше размер заработной платы);

– возможность планировать самостоятельно свое рабочее время (академическая свобода): отрицательно зависит (- 0,17) от всех видов работ преподавателей (чем больше объем работ, тем меньше возможности самостоятельно планировать время); отрицательно зависит (-0,44) от возраста преподавателей (чем, моложе преподаватель, тем сложнее планировать свое рабочее время); положительно зависит (0,56) от стажа работы преподавателя в университете;

– возможность заниматься научной деятельностью (академическая свобода): положительно зависит (0,20) от совокупности видов научной деятельности в университете и отрицательно зависит (-0,43) от возраста (чем больше возраст преподавателей, тем меньше желания заниматься научной деятельностью);

- возможность профессионального роста: положительно зависит (0,56) от стажа работы в университете, чем больше стаж, тем больше перспектив карьерного продвижения;
- социальный статус преподавателя: положительно зависит от наличия научной степени (0,76) – чем выше научная степень, тем выше социальный статус;
- длительный отпуск: положительно зависит (0,56) от пола преподавателей (одинаково значимо и для мужчин, и для женщин иметь большой по сроку трудовой отпуск);
- стабильность занятости, официальное трудоустройство и соблюдение трудового законодательства: положительно зависит (0,26) от возраста преподавателей, чем старше сотрудник, тем более необходимо иметь стабильную занятость.

Таким образом, имеем определенную картину вовлеченности преподавателей университетов в Беларуси:

1. Вовлеченность в академическую работу в Беларуси, прежде всего, связана с материальной заинтересованностью преподавателей.
2. Вовлеченность, связанная с приобретением академических свобод, которые предполагает работа в университете, интересна преподавателям с большим стажем работы.
3. Для всех преподавателей важна работа, которая связана с научной деятельностью. Именно такая работа определяет их вовлеченность.
4. В белорусских университетах вовлеченность преподавателей связана с институциональными преференциями, которые предполагает академическая среда: стаж работы в университете позволяет строить профессиональную карьеру (причем не зависимо от наличия ученой степени); приобретается социальный статус в обществе по наличию ученой степени; работа в университете обеспечивает самый длительный трудовой отпуск и гарантии занятости.

Оценка стратегий развития университетов с учетом влияния академической системы оплаты труда

Для решения данной задачи были использованы характеристики системы оплаты труда, представленные бинарными переменными, позволяющие оценить связь со стратегией развития (прозрачность системы, периодичность стимулирования, соотношение постоянной и переменной части и др.). Были построены регрессионные модели, позволяющие выявить зависимость трудового поведения работников (результативность, лояльность, вовлеченность, мотивация (зависимые переменные)), от ряда факторов (независимых переменных), связанных с оплатой труда. В качестве независимых переменных были использованы ответы на следующие вопросы: “Какие из перечисленных приоритетов характерны для стратегии вашего вуза? Как Вы считаете, Ваша деятельность влияет на достижение вузом стратегически важных показателей? Насколько, по Вашему мнению, размер Вашей заработной платы зависит от Вашего участия в достижении стратегически важных показателей развития вашего вуза? Укажите, пожалуйста, какие виды выплат и как часто Вы получаете? Насколько понятна для вас система стимулирования, существующая в вузе? Если всю Вашу зарплату принять за 100%, то какую часть составляет оклад (постоянная часть заработной платы)?”.

Были построены несколько моделей множественной линейной регрессии с использованием пошагового метода исключения переменных. В результате это позволило оценить связь системы оплаты труда со стратегией развития университетов в Беларуси. Такая оценка была связана с пониманием того, как и при каких условиях преподаватели будут задумываться о переходе в другой университет. В результате: во-первых, такое решение будет принято в случае, если на данном месте работы отсутствует комплексная выплата по результатам деятельности (коэфф. -0,76 / OR 0,04). Наличие комплексной выплаты по результатам деятельности снижает вероятность того, что респондент будет искать более выгодную работу; во-вторых, преподаватели будут задумываться о переходе на работу в другой университет из-за меньшей трудовой нагрузки при той же оплате труда.

Заключение

Оценка и анализ академических кадровых стратегий в университетах Беларуси в целях ответа на вопрос: “Возможен ли эффективный академический контракт в рамках функционирования белорусских университетов, исходя из стратегий развития вузов?” не позволяет дать однозначного ответа. Причины этого в следующем:

– во-первых, в академической среде Беларуси в целом не выполняются требования эффективного контракта, связанные с необходимостью публикации статей в изданиях, индексируемых в Web of Science и Scopus. Данный вид академической деятельности не является приоритетным для стратегии университетов Беларуси;

– во-вторых, академическая активность в Беларуси в большей мере определена возрастом преподавателей и наличием у них ученой степени. Эти факторы являются определяющим в моделях трудового поведения преподавателей университетов;

– в-третьих, преподаватели университетов эффективность академических контрактов понимают исключительно через сохранение академических свобод, рост оплаты труда за каждый вид академической деятельности, социальный статус преподавателя. Вовлеченность в академическую среду для преподавателей связана с их материальной заинтересованностью.

Таким образом, белорусская академическая среда делает первые попытки формирования новых моделей трудового поведения, позволяющих систему высшего образования трансформировать по институциональным направлениям введения эффективных академических контрактов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Курбатова, М. В. Эффективный контракт в вузе: от теоретической концепции к реальному изменению положения преподавателя / М. В. Курбатова // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. – 2013. – № 3(45) – С. 41–50.
2. Юдкевич, М. М. Основы теории контрактов : учеб. пособие / М. М. Юдкевич, Е. А. Подколзина, А. Ю. Рябинина ; под общ. ред. Я. И. Кузьминова. – Москва : ГУ ВШЭ, 2002. – 352 с.
3. Курбатова, М. В. Эффективный контракт в системе высшего образования РФ: теоретические подходы и особенности институционального проектирования / М. В. Курбатова, С. Н. Левин // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований), 2013. – Т. 5. – № 1. – С. 55–80.
4. Как платят профессорам? Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов / под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрушака, И. Пачеко ; пер. с англ. Е. В. Сивак / под науч. ред. М. М. Юдкевич; Нац. Исслед. ун-т “Высшая школа экономики”. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 439 с.
5. Кузьминов, Я. Академическое сообщество и академические контракты: вызовы и ответы последнего времени / Я. Кузьминов // Контракты в академическом мире [Текст] / сост. и науч. ред. М. М. Юдкевич ; Нац. исслед. ун-т “Высшая школа экономики”. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 13–30.

Поступила в редакцию 15.01.2019 г.

Контакты: maknata@mail.ru (Маковская Наталья Владимировна)

chegerova@msu.by (Черерова Татьяна Ивановна)

Makovskaya N., Chegerova T. ACADEMIC PERSONNEL STRATEGIES OF BELARUSIAN UNIVERSITIES.

The article presents the results of the scientific screening of modern academic strategies of Belarusian universities. The main directions of academic strategies functioning are revealed. The role and importance of the remuneration system in Belarusian universities are defined. The possibility of introducing academic contracts is assessed.

Keywords: academic strategy, university, teacher, salary, contract, academic freedom.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

А. Н. Сергейко

аспирант

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

В статье обобщается опыт управления государственной и муниципальной собственностью в зарубежных странах и обосновывается возможность использования его преимуществ в практике коммунального управления современной Беларуси.

Во введении указан объект исследования – управление государственной и муниципальной собственностью. Целью исследования является выявление сильных сторон моделей управления собственностью в ряде стран Европы, Азии, Америки и обоснование направлений применения преимуществ каждой в современной Беларуси.

В основной части статьи рассматриваются базовые специфические особенности, характерные европейской, англо-американской, китайской, японской, украинской моделям управления собственностью, выявляются принципы взаимодействия между центром и территориально-обособленными образованиями в этих странах, определяются преимущества и недостатки каждой из моделей. Осмысливается белорусская модель управления собственностью с ее специфическими характерными особенностями. Доказывается целесообразность использования положительных сторон изученных моделей муниципального управления зарубежных стран в практике коммунального управления современной Беларуси. Из опыта Германии наиболее интересным представляется обязательное использование безналичных платежей, публикация бюджетов с поэтапным раскрытием доходной и расходной части, проведение открытых, конкурсных торгов по материально-техническому снабжению и оптовых продаж товаров и услуг муниципальных предприятий. Из опыта Великобритании и США может быть эффективно использован механизм прямого государственного регулирования деятельности муниципалитетов за счет принятия модельных законов, которые органы местного самоуправления вводят на своей территории с изменениями. Из опыта Китая – конкурсный отбор претендентов на замещение вакантных должностей; периодические профессиональные экзамены для служащих и предварительное тестирование для претендентов; срочность заключаемых контрактов и ротация служащих по мере изменения и усложнения стоящих перед муниципалитетами целей и задач и др.

Новизна научной статьи заключается в том, что предложены направления использования преимуществ зарубежных моделей управления собственностью в практике коммунального управления современной Беларуси.

Ключевые слова: государственное управление, муниципальное управление, коммунальная собственность, местное самоуправление, модель управления собственностью.

Введение

Проблема управления государственной собственностью является одной из самых насущных в условиях угроз и вызовов современного мира. С одной стороны, особый интерес данная проблема вызывает у практиков в контексте хозяйствующих субъектов, осуществляющих управление имуществом, принадлежащим государству, поскольку повышение эффективности управления объектами государственной собственности, в том числе коммунальной, может стать одним из способов снижения дефицита бюджета и повышения платежеспособности страны.

С другой – вопросы эффективности государственного управления собственностью находятся в центре внимания современной науки. Подтверждением тому служат работы российских ученых – “Обеспечение рациональности государственного управления” [1], “Эффективность государственной службы” [2], “Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления” [3], энциклопедический труд американских ученых и специалистов – “Эффективность государственного управления” [4].

Тема представляет актуальность, поскольку эффективность государственного управления проявляется на всех уровнях функционирования системы: от отдельной организации – до местного общества, от местного уровня – до регионального (областного), от регионального (областного) сообщества – до социальной системы и ее политической организации – государства. На каждом из уровней эффективность измеряется своими критериями, характеризующими соотношение целей и результатов, а в иной плоскости соответствие результатов интересам управляющих и управляемых, выраженных в целях.

Особый интерес вызывает проблема управления коммунальной собственностью и социально-экономический механизм повышения его эффективности.

Основная часть

Вопросы управления государственным имуществом являются важными и актуальными, и лежат в основе государственного регулирования экономики всех промышленно развитых стран. В той или иной степени именно право собственности государства используется для его прямого и косвенного воздействия на экономику страны в целом, а также выполнения государством социально-значимых функций при невозможности их исполнения на базе частной собственности. Поэтому стремление государства сохранить свое участие в важнейших и крупнейших компаниях, прямо влияющих на условия хозяйственной деятельности практически всех экономических субъектов, является естественным. Традиционно государство берет в свои руки те объекты (предприятия, отрасли, проекты и т. п.), которые важны для общества, его стабильности и поступательного развития, но не привлекательны для частного капитала. Это, как правило, капиталоемкие и наукоемкие объекты, вложения в которые могут дать отдачу лишь в отдаленном будущем. Это объекты социальной сферы, включая образование, фундаментальную науку. Это депрессивные объекты и объекты, которые позволяют государству контролировать ситуацию в экономике в целом.

Анализ опыта хозяйственных преобразований в разных странах на протяжении истории показывает, что значительно большее значение имеет не форма собственности, а конкретные механизмы управления ею [5]. Не так важна доля государственного сектора в экономике как то, как им управляют. Главным фактором, который порождает большинство проблем в сфере государственного и местного управления является несформированность новой системы управления при попытке разрушения старой. Так, например, в России, по мнению О.Г. Дмитриевой, на сегодняшний день в законодательстве, сформировавшемся в период приватизации, имеется множество противоречивых и неточных определений, отсутствуют принципы и какая-либо идеология управления государственной собственностью. Одним из следствий подобных противоречий является смешение прав и методов регулирования частной и государственной собственности. Спецификой является полное отсутствие законодательного регулирования и системы управления государственной собственностью. При этом государство как собственник почти не принимает участия в управлении, а во-вторых, почти не получает дохода от собственности. Самым слабым элементом управления государственной собственностью является управление пакетами акций государства в акционерных обществах. Вплоть до настоящего времени не принят закон об управлении пакетом акций государства в акционерных обществах, что приводит к значительному падению показателей производительности в области электроэнергетики, газовой и нефтяной промышленности, растут издержки производства [6, с. 37].

Рассмотрим механизмы управления государственной, в том числе коммунальной, собственностью в ряде наиболее развитых стран Западной Европы, Азии, Америки. Экономическая структура этих стран характеризуется сочетанием частной и государственной форм собственности. Модели управления государственной собственностью схожи. Вместе с тем ученые выделяют ряд моделей управления – европейская, немецкая, англо-американская, китайская и др. Несмотря на наметившуюся в последнее время тенденцию к сближению этих моделей, можно выделить существенные различия между ними. У каждой модели существуют свои особенности, а также сильные и слабые стороны. В каждой отдельно взятой стране государственное и муниципальное (коммунальное) управление вполне обладает определенными характеристиками и отличительными свойствами.

Охарактеризуем *Европейскую модель местного самоуправления*. В ее основе лежат следующие характеристики: а) право и возможность граждан реально участвовать в деятельности

муниципалитетов; в) прозрачность поступления доходов и расходов местного бюджета, находящихся под контролем общественности; г) открытость муниципальных служащих, возможность свободного доступа к актуальной информации; д) развитие системы обратной связи между населением и специалистами муниципальных служб; ж) самодостаточность и экономическая целесообразность развития самоуправляемых территорий [7].

Муниципалитеты имеют в своем распоряжении приносящую доход недвижимость, предприятия, право взимания и распоряжения местными налогами, возможность принятия широкого круга нормативных актов по вопросам внутритерриториального управления и т. д. Главными критериями эффективности работы муниципальных служащих являются рост благосостояния проживающего на территории местного самоуправления населения и оперативность в решении хозяйственных вопросов. При этом соблюдаются три условия правового регулирования местного самоуправления: базис развития общества – федеральное законодательство; учет территориальных социально-экономических особенностей – законодательство отдельных земель; учет этно-бытовых особенностей проживающего населения – правовые установления общин.

Органы местного самоуправления не могут решать политические вопросы, затрагивающие интересы государства и общества в целом, поскольку они не связаны с решением местных проблем муниципальных и входящих в их состав административно-территориальных образований. Но органы местного самоуправления могут выступать с законодательной инициативой в определении способов решения общенациональных проблем. Основопологающими принципами системы местного самоуправления в европейских странах является самодостаточность, межрегиональная интеграция и кооперация, рост душевого потребления разнообразных товаров и услуг, продление биологически активного срока жизни проживающего населения [8, с. 237–238].

Рассмотрим более подробно так называемую *немецкую модель* управления, типичную для Германии, Австрии, Нидерландов и Скандинавских стран. Так, в Германии управление имуществом казны распределено между федеральными органами, властями земель, муниципальными органами. Согласно законодательству в городах, общинах, округах имеет место коммунальное самоуправление.

В экономике Германии государству отведены, главным образом, регулирующие функции в интересах обеспечения свободы конкуренции, устойчивости цен, высокой занятости, внешнеэкономической динамики и сбалансированности. Государственное влияние на развитие отдельных отраслей и экономики осуществляется с помощью инструментов налоговой, кредитно-финансовой, таможенной, инвестиционной, антимонопольной политики, а также политики в сфере занятости. Правительство ФРГ основное внимание уделяет росту экономики и занятости населения. Имущество государственной казны в Германии наиболее представлено в инфраструктурном секторе, промышленности, энергетике. Государственное управление имуществом казны распространяется в высокой степени на общественный пассажирский транспорт, водоснабжение, почту, дороги, порты, аэродромы, железнодорожную сеть, научно-исследовательские организации, учебные заведения. Значительна роль государства и в оказании поддержки предпринимателей и экспортеров, в частности, ремесленного производства и в аграрном секторе. Система государственной поддержки национальной экономики и экспорта осуществляется с помощью субсидирования и дотаций производителям, страхования экспортных поставок, содействия в осуществлении ярмарочно-выставочной деятельности за рубежом, консультационно-информационной помощи как в стране, так и за рубежом через департаменты или отделы экономики и науки посольств Германии, с помощью регулирования цен, в том числе в области электроэнергетики, пассажирских перевозок, отдельных медицинских услуг и т. п. [9].

Вместе с тем федеральное правительство Германии контролирует только наиболее общие внутренние программы. Остальные программы осуществляются администрацией земель при общем федеральном руководстве. Сегодня в Германии каждая из 16 земель имеет собственную конституцию и свою организацию управления. Административные учреждения земель составляют единую систему с соответствующими федеральными административными учреждениями. Область их компетенции распространяется на образование, местное хозяйство, деятельность полиции, здравоохранение, социальное обеспечение.

Муниципальное самоуправление в Германии характеризуется принципами, присущими для многих развитых демократических государств: самостоятельность в реализации функций

самоуправления, в рамках действующих разграничений полномочий между федеральным центром и муниципальными образованиями, ответственность в решении местных общественных задач, субъектность публичного права [10, с. 120]. Органы местного самоуправления наделены правом выборов органов самоуправления; правом принимать собственные нормативные акты; финансовой автономией; независимостью в проведении кадровой политики; независимостью в области территориального планирования; осуществлением государственного надзора и контроля за деятельностью муниципальных образований. Это позволяет оперативно решать вопросы, связанные с улучшением качества жизни населения, проживающего на территории муниципального образования в рамках общенациональной концепции развития.

Таким образом, для Германии, которая тяготеет в целом к снижению степени вмешательства государства в хозяйственные процессы, как отмечает С.Ю. Витте, доля имущества казны в экономике достаточно велика, а управление экономическими объектами и процессами в значительной мере осуществляется органами публичной власти разных уровней [11, с. 259]. Вместе с тем в Германии большая часть активов в основном приходится на корпоративную собственность. В основе модели корпоративного управления в Германии, по утверждению А.Г. Дементьевой, лежит принцип социального взаимодействия – все стороны, заинтересованные в деятельности корпорации, имеют право участвовать в процессе принятия решений [12, с. 77]. Поэтому особенностью немецкой модели является представление крупных банков в наблюдательном совете компаний в качестве универсальных кредитно-финансовых комплексов с широким набором услуг не только кредитования, но и анализа, и прогнозирования ситуации на рынках, сбора информации о нововведениях и технических решениях, финансового планирования и др.

Изучение точек зрения ученых на немецкую модель управления собственностью позволяет выделить ее преимущества и недостатки. Так, сильными сторонами являются сильное государственное воздействие на экономику, которое проявляется преимущественно при решении социальных проблем; прозрачность расходования муниципального бюджета и общественный контроль за эффективностью всей системы муниципального управления; принцип социального партнерства, подразумевающий участие работников предприятия в его собственности; ориентация инвесторов на долгосрочные цели; высокий уровень устойчивости компаний и четкое разграничение функций управления и контроля. Слабые стороны – незначительная роль фондового рынка как внешнего инструмента контроля; высокая степень концентрации капитала и недостаточное внимание к правам миноритарных акционеров; невысокая степень информационной прозрачности, что обуславливает сложность осуществления инвестиций.

Рассмотрим далее *англо-американскую модель* управления собственностью, характерную для экономики Великобритании, США, Канады, Индии, Австралии, Новой Зеландии и соответствующих постколониальных странах. Так, в экономике США государство имеет относительно небольшую долю собственности – государственное имущество включает здания (55,3% от общей суммы), сооружения и оборудование (36,7%), землю (8%). К федеральным сооружениям и оборудованию относят системы по производству и распределению электроэнергии, системы связи и навигационное оборудование, системы энергогазоводоснабжения, научно-исследовательское оборудование, дороги и мосты, железные дороги, военное имущество и технику, мемориалы и памятники. Федеральный земельный фонд покрывает территорию в 2646 млн км², из которых 56,6% приходится на охраняемые государством природные территории [13].

Управление государственными предприятиями в США осуществляют соответствующие министерства или специальные постоянно действующие комиссии, создаваемые по решению Конгресса. Особенностью американской модели управления госсектором является передача государственных предприятий США в оперативное управление и эксплуатацию частным корпорациям. Государство как собственник предприятия принимает на себя заботу о сбыте его продукции, обеспечивает соответствующими заказами.

Важно отметить, что, несмотря на относительно небольшую долю государственной собственности, по сравнению с другими странами, в Америке последние два десятилетия активно проходят процессы приватизации, которые имеют свои специфические особенности – приватизация в США включает не только продажу государственных предприятий, но и внедрение других рыночных механизмов:

- контрактирование государственных учреждений с частными фирмами исполнителями заказов;
- механизм, когда ранее бесплатно предоставляемые государством услуги (посещение парков) становятся платными;
- законодательный механизм – когда нормы, по которым государство единолично несло ответственность за те или иные условия жизнедеятельности общества, распространяет эту ответственность на частные институты [13].

В сфере промышленного производства государственная собственность составляет доли процента от общего объема собственности США. Основными владельцами капитала компаний являются частные и институциональные инвесторы. Они готовы к принятию рисков и ориентированы на краткосрочные цели получения дохода за счет курсовой разницы. Инвесторы осуществляют мониторинг управления собственностью, и, что очень важно, стоимость акций в конечном итоге зависит от качества данного управления. Фондовый рынок является высоколиквидным, и через него происходит переход контроля над крупными компаниями.

Характерными чертами самоуправления в США является: высокая степень автономии местного самоуправления; выборность и контроль со стороны населения; приоритет косвенных, экономических методов государственного саморегулирования. Главным принципом англо-американской модели является самостоятельность действий муниципальных образований, в рамках полномочий, предоставленных из центра – правительством штатов в США. Каждый штат самостоятельно определяет систему, структуру, полномочия местных органов власти, имеет собственную правовую базу кадровой политики, отличающуюся от других штатов и различных уровней местного управления. Выборные органы местного самоуправления самостоятельно и под свою ответственность решают вопросы, не отнесенные к компетенции государства, а экономическая ответственность за результаты принимаемых решений, является основой стабильности и взвешенного подхода в системе местного самоуправления [14, с. 59].

Так, например управление образованием в США осуществляется на трех уровнях – федеральном, региональном (штаты), местном. Федеральные власти никогда не обладали властными функциями в сфере образования, которая традиционно находилась в зоне компетенции региональных и местных властей. На уровне штата (региональный уровень) устанавливаются сроки обучения, условия приема в учреждения образования, источники и объем их финансирования. В каждом штате действует Совет по образованию, его исполнительный орган – Департамент образования. Законодательный орган штата принимает и вводит в действие законы, относящиеся к образованию. Совет по образованию формирует политику в области образования в соответствии с законами штата. Члены совета (7-9 человек) избираются населением штата. Департамент образования отвечает за функционирование системы образования штата, контролирует качество содержания обязательного образования, повышения квалификации учителей, соблюдение образовательными учреждениями санитарно-гигиенических норм и т. п. Основная административно-территориальная единица в сфере образования США – школьный округ. Вся полнота власти сосредоточена в его руках. Школьный округ возглавляется комитетом (5-7 человек), который регулярно избирается населением. В ведении комитета находится широкий круг вопросов: наем и увольнение учителей, надзор за учебной и воспитательной деятельностью школ, распределение финансовых средств между учебными заведениями, строительство зданий, сбор местных налогов на нужды школ и др.

Но, несмотря на господство либеральной идеологии в модели управления США, по мнению экспертов Р. Гровера и М.М. Соловьева, роль государства во всех сферах жизни страны неуклонно возрастает [15, с. 297]. И сегодня государству приходится смягчать итоги процесса монополизации и создавать систему социальной защиты общества.

Выделим сильные и слабые стороны англо-американской модели управления собственностью. Преимуществами данной модели являются механизм прямого государственного регулирования деятельности муниципалитетов за счет принятия модельных законов, которые органы местного самоуправления вводят на своей территории с изменениями; осуществление государственного контроля за деятельностью органов местного самоуправления в форме судебного контроля, сочетаемого с эффективной системой централизованного налогообложения и демократического финансирования общенациональных программ; передача государственных пред-

приятый США в оперативное управление и эксплуатацию частным корпорациям, высокая степень мобилизации личных накоплений через фондовый рынок; ориентация инвесторов на поиск сфер, обеспечивающих высокий уровень дохода; рост стоимости компании; достаточно высокая информационная прозрачность компаний. Вместе с тем аспектами для улучшения служат относительно небольшая доля государственной собственности, высокая стоимость привлеченного капитала (высокие дивиденды); значительные искажения реальной стоимости активов фондовым рынком; отсутствие четкого разделения функций управления и контроля [16].

Специфической является *Китайская модель местного самоуправления*. Ее характерными чертами являются: а) хозяйственная самостоятельность административно-территориальных образований при жестком регулировании органами государственной власти; б) выборность органов местного управления; в) патриотизм и чистота помыслов кандидатов в руководство административно-территориальных образований; г) идеологический централизм; д) социальные льготы национальным меньшинствам; ж) жестокость наказания руководства местного самоуправления за бесхозяйственность и ущемление интересов населения [17].

Так, в Китае в руководство административно-территориальных образований не могут быть выдвинуты люди, имеющие судимость, не служившие в армии, имеющие помимо китайского, иное гражданство. Богатые китайцы инвестируют часть своих доходов в решение социально-экономических проблем на территории своей малой родины, сельской общины, где они родились или по месту учета в партийной организации. Партийные руководители, фактически являющиеся менеджерами территориальных холдингов, в состав которых входят акционерные предприятия всех сфер местной экономики с контрольными или блокирующими пакетами, находящихся в руках государства или местного территориального образования. От уровня профессионализма местных партийных чиновников, их умения хозяйствовать рачительно зависит благополучие проживающего на данной территории населения. Партийные органы в условиях хозяйственной самостоятельности административно-территориальных образований следят за эффективностью местных территориальных холдингов, жестко наказывая за бесхозяйственность и ущемление интересов населения. Показательные казни и наказания виновных чиновников являются недорогим, но очень эффективным методом повышения эффективности управленческого труда [8, с. 237–238].

Изучение точек зрения ученых на китайскую модель управления позволяет выделить ее преимущества. Так, сильными сторонами являются экономическая и хозяйственная самостоятельность муниципалитетов в сочетании с жестким административным и идеологическим контролем центра; содействие в развитии коллективных предприятий; конкурсный отбор претендентов на замещение вакантных должностей; периодические профессиональные экзамены для служащих и предварительное тестирование для претендентов; мотивация муниципальных и государственных служащих на принятие и реализацию управленческих решений, способствующих росту благосостояния местного населения.

Для японской модели управления собственностью, основывающейся на стремлении к удовлетворению национальных интересов и ориентации на длительную перспективу, характерна совершенно особая роль государства. Роль государства в развитии экономики Японии настолько велика, что в употребление вошло специальное понятие “Japan Incorporated”, т. е. акционерная компания “Япония”, что означает следующее: японская экономика представляет собой единую производственную корпорацию, возглавляемую государством.

Государственное воздействие на экономику осуществляется в Японии по: выработке наиболее перспективных направлений развития и ориентации экономики в обозначенном направлении; созданию благоприятных условий для развития национальной экономики (включает в себя и развитие инфраструктуры за счет бюджетных средств, и оказание помощи отраслям и отдельным фирмам); развитию и поддержанию организационных форм и отношений (как внутри отдельных компаний, так и между ними), способствующих повышению эффективности производства, росту конкурентоспособности японских товаров [18].

Но главная уникальность японской модели заключается в том, что доля государственного сектора в экономике страны незначительная. Основной принцип японской модели – государство должно быть направляющей и ориентирующей силой развития экономики, но не руководящей. Так, В.Г. Антонов отмечает, что в Японии сформировалась развитая система государственного

программирования, включающая разработку долгосрочных прогнозов и среднесрочных планов. При этом планы в полной мере отражают особенности японского управления, являясь не определением траектории движения и набором предписывающих указаний о том, как двигаться по этой траектории, а обозначением наиболее предпочтительного и наиболее стратегически оправданного движения экономики [19, с. 126–128].

Японская модель местного самоуправления базируется на принципах законодательного закрепления разделения властей на всех уровнях; местной автономии; выборности должностных лиц органов управления; сосредоточении ответственности за проводимую политику и основных рычагов управления выборного должностного лица; установлении единообразной структуры местного самоуправления; управления своим имуществом; издания своих постановлений в пределах законов и др.

Система органов местного самоуправления в Японии представлена в двух уровнях – это префектуры и муниципалитеты. В соответствии с законодательством за каждым из уровней закреплена собственная компетенция, и вмешательство со стороны других уровней управления или со стороны государства допустимо только через суд. Система органов местного самоуправления унифицирована и закреплена Законом. Вместе с тем могут создаваться специальные органы местного самоуправления – особые столичные районы, корпорации регионального развития, ассоциации органов местного самоуправления, финансово промышленные округа. Особые органы самоуправления создаются специально для решения конкретных задач, например, для реализации совместными усилиями крупномасштабных строительных проектов и т. д.

Согласно сложившейся практике в компетенцию местных органов входит выполнение трех категорий функций:

1) собственно местных функций. Круг задач, решаемых самостоятельно городами, поселками, деревнями, чрезвычайно широк. Они должны вносить плановое начало в развитие своих территорий, заниматься вопросами здоровья, образования, поддерживать сельскохозяйственное производство, а также содержать в надлежащем состоянии дороги, реки, каналы, осуществлять жилищное строительство и т. д. Ст. 94 предоставляет “местным общинам” право самостоятельно распоряжаться принадлежащим им имуществом, решать административные вопросы и издавать свои постановления в соответствии с существующими законами. Конституция содержит также оговорку, что ни один закон, относящийся к “местной общине”, не может быть издан парламентом без согласия этой общины. Эти положения, устанавливающие новый статут местных органов власти, реорганизовали систему управления префектурами по типу американских штатов;

2) функций, делегированных центральными ведомствами. Помимо дел, относящихся к функциям местного самоуправления, главам местных администраций поручается ведение части дел, относящихся к компетенции государственных органов;

3) функций, которые носят местный характер, но требуют государственного принуждения и санкций в случае их нарушения со стороны граждан. Это поддержание общественного порядка, защита безопасности, здоровья и благосостояния населения и лиц, временно находящихся на территории местной общины, управление парками, дорогами, мостами, каналами, системой газа и водоснабжения, школами, музеями и больницами, попечительство малолетних, неимущих, больных и престарелых, разрешение трудовых конфликтов, организация муниципальных предприятий, землеустройство, городское планирование и зонирование, охрана исторических памятников, регистрация и статистика, сбор налогов и т. д.

За деятельностью органов местного самоуправления и управления осуществляется жесткий прямой контроль центральных ведомств. Префектура как высшее звено местного самоуправления главным образом координирует деятельность муниципалитетов на своей территории и выполняет работы, выходящие за пределы их полномочий. Муниципалитеты наделены правом управлять своим имуществом, вести дела и осуществлять управление в своих границах, принимать обязательные постановления, т. е. нормативные акты местного значения, которыми, в частности, могут предусматриваться уголовные наказания за их нарушение. Парламент может принять закон, касающийся какого-либо конкретного муниципалитета только при согласии (определяемом путем референдума) на то абсолютного большинства ее жителей.

Изучение точек зрения ученых на японскую модель управления собственностью позволяет выделить ее преимущества и недостатки. Сочетание жесткого государственного регулирования

экономических процессов с предоставлением широких экономических прав местным властям, проведение реформы местного самоуправления в условиях тяжелейшего экономического кризиса, низкая стоимость привлечения капитала; ориентация на долгосрочные цели; ориентация компаний на высокую конкурентоспособность; высокий уровень устойчивости компаний, – являются сильными сторонами японской модели управления собственностью. Вместе с тем японскую модель критикуют в основном за противоречивую роль банков, выступающих одновременно и как акционеры, и как кредиторы; за сохранение клановости и высокий удельный вес неформального взаимодействия; за абсолютное доминирование банковского финансирования; за слабую информационную прозрачность компаний и незначительное внимание к правам миноритарных акционеров.

Модели управления собственностью в бывших республиках СССР еще находятся на стадии формирования. Так, на Украине субъектами права коммунальной собственности являются административно-территориальные единицы в лице областных, районных, городских, сельских, поселковых советов народных депутатов. Объектами права коммунальной собственности являются: имущество, обеспечивающее деятельность соответствующих советов и образование ими органов; средства местных бюджетов, государственный жилой фонд, объекты жилищно-коммунального хозяйства; имущество организаций народного образования; культуры; охрана здоровья, торговли, бытового обслуживания; имущество предприятий; местные энергетические системы, транспорт, системы связи и информации, включая национализированное имущество, переданное соответствующим предприятиям, учреждениям и организациям; а также иное имущество, необходимое для обеспечения экономического и социального развития соответствующей территории.

В коммунальной собственности также находится имущество, переданное в собственность области, района или иной административно-территориальной единицы другими субъектами права собственности. Большая часть коммунальной собственности была получена местным самоуправлением за счет передачи имущества из государственной собственности. Законодательное оформление разграниченного имущества в различных регионах Украины происходило порозному.

Говоря о современном состоянии коммунальной собственности в Украине, важно понимать, что она нужна, прежде всего, для того, чтобы органы местного самоуправления могли эффективно оказывать те услуги населению, которые входят в компетенцию органов местного самоуправления. В настоящее время в структуре коммунальной собственности преобладают объекты, переданные территориальным громадам в процессе приватизации государственного имущества бесплатно. Это в основном объекты социальной инфраструктуры. Из коммунальной в государственную собственность поступили в основном совхозы и строительные организации. Таким образом местное самоуправление лишалось имущества, которое могло бы приносить доходы или могло быть приватизировано, а получало имущество, предусматривающее лишь дополнительные расходы.

В настоящее время процесс формирования коммунальной собственности в Украине еще не завершен. Поэтому многие вопросы, связанные с управлением этими объектами, не имеют окончательных ответов.

В свете реформ последнего десятилетия и в *Республике Беларусь* идет процесс формирования новой системы отношений собственности, изменения функций, форм и методов государственного управления в экономической сфере. В этой связи раскроем административно-правовые аспекты управления государственной собственностью.

Согласно Конституции Республики Беларусь в государстве признаются и защищаются равным образом частная, государственная и иные формы собственности [20]. К государственной собственности относятся республиканская собственность и коммунальная собственность. Субъектами права государственной собственности являются Республика Беларусь и административно-территориальные единицы [21]. В собственности Республики Беларусь находятся земля, ее недра, воздушное пространство, внутренние водоемы, леса и другие природные ресурсы страны. Также – имущество республиканских органов власти и управления, средства республиканского бюджета, предприятия и другие объекты, обеспечивающие суверенитет и хозяйственную самостоятельность республики. Распоряжение имуществом республиканской

собственности осуществляет Совет Министров Республики Беларусь или уполномоченные им органы.

Коммунальная государственная собственность принадлежит административно-территориальным образованиям: области, городу, району. Согласно Закону Республики Беларусь “О местном управлении и самоуправлении” (статья 55) в состав коммунальной собственности входит казна административно-территориальной единицы и имущество, закрепленное за коммунальными юридическими лицами в соответствии с актами законодательства [22]. Казна административно-территориальной единицы включает средства местного бюджета и иное коммунальное имущество, не закрепленное за коммунальными юридическими лицами. В коммунальной собственности могут находиться имущество местных органов власти и управления, средства местного бюджета, жилищный фонд, предприятия и другие объекты, необходимые для экономического и социального развития соответствующей территории. Распоряжение имуществом коммунальной собственности осуществляют местные Советы депутатов или уполномоченные ими органы. Они утверждают программы социально-экономического развития соответствующей административно-территориальной единицы, местный бюджет и отчет о его исполнении; определяют в пределах, установленных законом, порядок управления и распоряжения собственностью соответствующей административно-территориальной единицы; устанавливают в соответствии с законом местные налоги и сборы; назначают местные референдумы. Исполнительные и распорядительные органы, их структурные подразделения с правами юридического лица, организации, имущество которых находится в коммунальной собственности, вправе в установленном порядке передавать объекты коммунальной собственности во владение и пользование, отчуждать их организациям, отдельным гражданам и их объединениям и др.

Статьей 41 Закона Республики Беларусь “О местном управлении и самоуправлении” устанавливаются компетенции исполкомов [22]. Так, они распоряжаются коммунальной собственностью в порядке, установленном Советами, а также осуществляют контроль за ее использованием на соответствующей территории; принимают решения о создании, реорганизации и ликвидации организаций, имущество которых находится в коммунальной собственности, утверждают режим работы данных организаций и т. д.

Таким образом, для *Белорусской модели* государственного, в том числе и коммунального, управления, находящейся в стадии развития, основывающейся на стремлении к удовлетворению национальных интересов и ориентации на длительную перспективу, характерна совершенно особая роль государства. На сегодняшний день для нее характерны следующие специфические особенности. Во-первых, сочетание выборности в законодательные органы местной власти и административного назначения в органы государственной власти местного уровня. Во-вторых, относительно жесткая иерархия системы управления, в которой местное самоуправление является нижестоящим звеном по сравнению с государственным. В-третьих, административно ограниченная автономия местного самоуправления. В-четвертых, наличие института специальных государственных уполномоченных, контролирующих органы местного самоуправления. В-пятых, экономическая самостоятельность в сочетании с централизованным политическим контролем за тенденциями развития самоуправляемых территорий.

Вместе с тем, учитывая исторические, социально-экономические, этнографические особенности Беларуси, целесообразно использовать положительные стороны всех моделей муниципального управления, выработанные зарубежными странами. Так, для Беларуси интересны незыблемые постулаты системы местного самоуправления, основанные на выборности аппарата управления и значительной самостоятельности в решении местных вопросов, положительной динамике (росте) благосостояния проживающего на территории местного самоуправления населения и оперативности в решении хозяйственных вопросов.

Из опыта Германии для Беларуси наиболее интересным представляется модель формирования доходной и расходной частей местных бюджетов. На ее основе нами предлагается новая модель формирования областного бюджета, которая позволит повысить эффективность исполнения функций местных органов управления (рисунок 1).

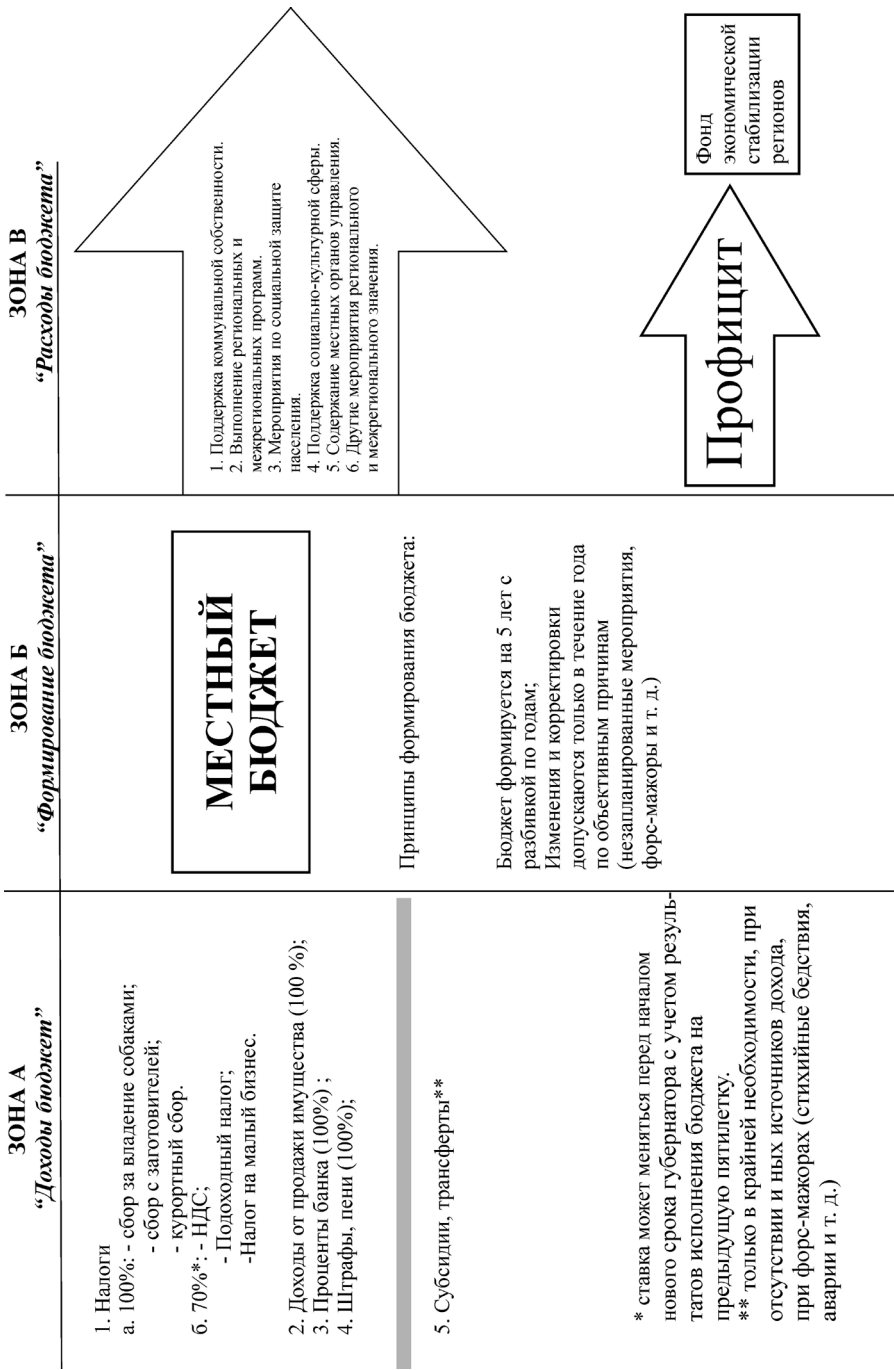

Рисунок 1 – Модель формирования бюджета органов местного управления
Источник: собственная разработка автора

Данная модель состоит из трех зон А, Б и В, где зона А представляет собой источники дохода местного бюджета, зона Б – принципы формирования и построения местного бюджета, зона В – расходная часть местного бюджета. Четкая организация указанных зон приведет к успешным результатам на выходе. Например, в предлагаемой модели (зона А) для решения задачи полной обеспеченности собственными финансовыми средствами предлагается *закрепить за органами местного управления повышенную долю республиканских налогов в той пропорции, которая не навредит государству, а также будет являться необходимой суммой для эффективного функционирования органов местного управления*. Предлагается финансировать местное управление не в виде прямых субсидий и дотаций из государственного бюджета, а при помощи увеличения доли налоговой базы, которая поступает органам местного управления.

Так, одним из принципов формирования и построения местного бюджета (зона Б), по нашему мнению, должно быть фиксирование ставки отчисления “новых” налогов в местный бюджет. Предлагается установить ее в размере 70%, так как именно такая сумма позволит местному бюджету перекрыть сумму финансовой помощи от республиканского бюджета и перейти на самообеспечение. Данная ставка может изменяться, но только раз в пять лет с учетом результатов исполнения бюджета за прошедший срок. В таком случае у местных органов исчезнет стимул в занижении своих реальных доходов ради получения большей суммы субсидий и дотаций на будущий период, т. к. теперь от этого будет зависеть возможность эффективного исполнения своих функций.

В расходной части (зона В) одним из предложений является пересмотр перечня направлений выделения средств местного бюджета. Например, предлагается исключить из данного перечня правоохранительные органы и передать их полное содержание республиканскому бюджету. Данное мероприятие позволит местным органам управления направить больше средств на развитие инфраструктуры региона (улучшение дорожного покрытия, постройка новых жилых и нежилых строений), на социально-культурную сферу местного подчинения. Так, по данным Министерства финансов Республики Беларусь расходы на содержание местных государственных органов общего назначения в Гомельской области составили 3% местного бюджета, что в денежном выражении составляет 65 млн рублей. Для сравнения, в случае, если бы все граждане Гомельской области, получившие извещение о необходимости уплаты сбора на финансирование государственных расходов, оплатили данный сбор, то полученных средств хватило бы лишь на половину суммы, затрачиваемой местным бюджетом на содержание местных государственных органов общего назначения [4].

Из опыта Великобритании и США может быть эффективно использована модель организационной структуры местных органов управления. Так, например, предлагаемая нами рационализация существующей организационно-функциональной структуры исполкома на основе принципов однородности деятельности и взаимодействия подконтрольных коммунальных предприятий между собой (рисунок 2), позволит сэкономить местному бюджету минимум 300000 рублей в год.

Из опыта Китая – конкурсный отбор претендентов на замещение вакантных должностей; периодические профессиональные экзамены для служащих и предварительное тестирование для претендентов; срочность заключаемых контрактов и ротация служащих по мере изменения и усложнения стоящих перед муниципалитетами целей и задач; использование современных технических средств и социальных общедоступных сетей для установления прямой связи между населением и социально-значимыми службами и подразделениями и мотивация муниципальных и государственных служащих на принятие и реализацию управленческих решений, способствующих росту благосостояния местного населения. Так, например, создание сетевого сообщества “Руководитель” позволит осуществлять совместную работу всех руководителей предприятий, учреждений и организаций региона над документами в режиме реального времени (отчетами, проектами, созданием общего документа, подготовкой информационных записок, положений, подготовкой перспективных планов); сообщество “Промышленность” будет призвано решать оперативно любые вопросы промышленности региона и т. д. Это позволит, во-первых, значительно сократить расходы местного бюджета на командирование руководителей на семинары, совещания, коллегии и другие мероприятия, проводимые исполкомами (Например, проезд одного представителя райисполкома на коллегию в областной центр в среднем обходится бюджету в 35 рублей; районов в области – 17; коллегии проводятся ежемесячно. Таким образом, одно сетевое сообщество экономит местному бюджету минимум 7 140 рублей в год). Во-вторых, ускорить оперативность исполнения различных документов, требуемых вышестоящим органом самоуправления.

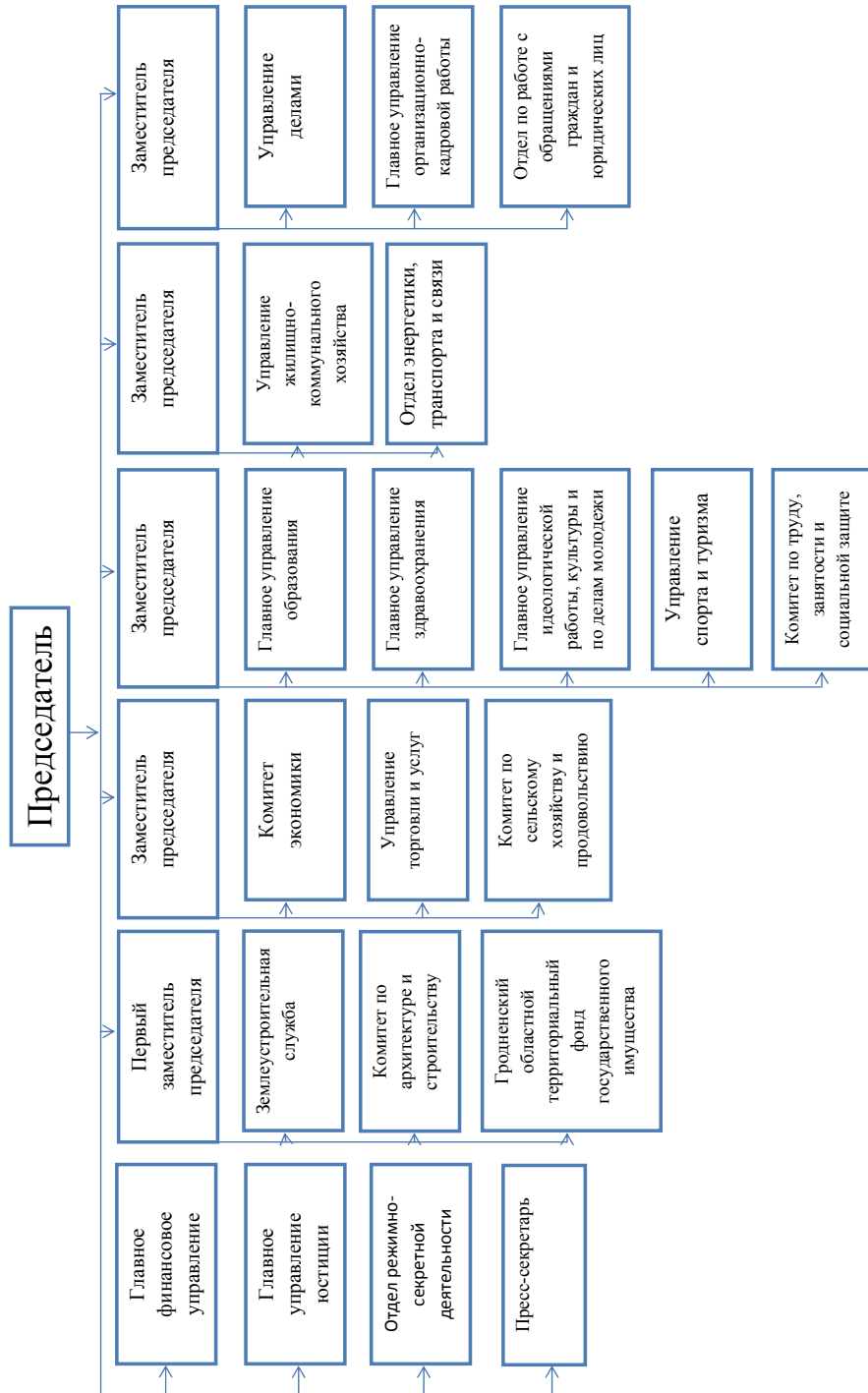

Рисунок 2 – Новая организационная структура исполнительного комитета
Источник: собственная разработка автора

Заключение

Таким образом, проведенный анализ литературных источников по проблеме становления и развития системы государственного и муниципального управления позволяет сделать следующие выводы.

1. Обобщение зарубежного опыта показывает, что формирование и развитие системы государственного и муниципального управления в значительной степени определяется национальными, историческими и экономическими особенностями государства.

2. Республика Беларусь с учетом политических, социально-экономических факторов, исторических и этнографических особенностей продолжает строить собственную модель государственного, в том числе коммунального, управления, основывающуюся на стремлении к удовлетворению собственных национальных интересов и ориентации на длительную перспективу. Однако на сегодняшний день в Республике Беларусь нет единых, универсальных критериев для оценки эффективности управления коммунальной собственностью со стороны местных органов управления, в результате чего оценка деятельности, как и сама управленческая деятельность, происходит на интуитивном уровне. Каждый из уровней власти оценивает эффективность своими показателями.

3. Целесообразно использовать положительные стороны всех моделей муниципального управления, выработанных зарубежными странами. Это позволит при стремлении аппарата управления коммунального образования нашей страны к росту душевого потребления товаров и услуг проживающего населения, выработать общенациональную идею и идеологическую сплоченность нации, стать исключительным конкурентным преимуществом белорусского самоуправления, фундаментом устойчивого экономического развития даже в условиях усиливающегося глобального экономического кризиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Атаманчук, Г. В.** Обеспечение рациональности государственного управления / Г. В. Атаманчук. – Москва : Юридическая литература, 1990. – 400 с.
2. **Игнатов, В. Г.** Эффективность государственной службы / В. Г. Игнатов, А. В. Понедельков, А. М. Старостин // Государственная служба: теория и организация. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – С. 7–178.
3. **Игнатов, В. Г.** Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления / В. Г. Игнатов, В. Н. Иванов, А. В. Понедельков [и др.]. – Майкоп ; Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 1999. – 36 с.
4. Эффективность государственного управления / ред. С. А. Батчиков, С. Ю. Глазьев ; пер. с англ. – Москва : Фонд “За экономическую грамотность”, Российский экономический журнал, Изд-во АО “Консалтбанкир”, 1998. – 846 с.
5. **Балацкий, Е. В.** Российская модель государственного сектора экономики / Е. В. Балацкий, В. А. Коньшев. – Москва : Экономика, 2005. – 390 с.
6. **Дмитриева, О. Г.** Особенности управления государственной собственностью в Российской Федерации / О. Г. Дмитриева // Российский экономический журнал. – 2013. – № 2. – С. 30–46.
7. **Свешников, М. И.** Основы и пределы самоуправления. Опыт критического разбора основных вопросов местного самоуправления в законодательстве важнейших европейских государств / М. И. Свешников. – Москва : Книга по требованию, 2011. – 573 с.
8. **Ягуткин, С. М.** Зарубежный опыт местного самоуправления и возможности его применения в современной России / С. М. Ягуткин, Е. С. Ягуткина // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2012. – № 14(133). Вып. 21 – С. 233–239.
9. Государственное регулирование экономики в зарубежных странах [Электронный ресурс] / “Пятифан”. – Режим доступа: <http://5fan.ru/wievwjob.php?id=99124>. – Дата доступа: 30.04.2017.
10. **Дроботенко, И.** Зарубежные модели самоуправления. Опыт для России / И. Дроботенко // Власть. – 2010. – № 1. – С. 119–122.
11. **Витте, С. Ю.** Воспоминания / С. Ю. Витте. – Таллинн; М.: Скиф Алекс, 1994. – Т. 2. 1894 – октябрь 1905: Царствование Николая II. – 574 с.
12. **Дементьева, А. Г.** Модели корпоративного управления: опыт зарубежных стран и России / А. Г. Дементьева // Право и управление. Век XXI. – 2008. – №3(8). – С. 74–82.
13. Экономика США: Роль государства в американской экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/usa5.htm>. / EREPORT.RU. – 2006–2015 – Дата доступа: 30.04.2017.

14. Левин, С. А. Местное самоуправление в федеративных государствах Европы: современные проблемы и возможность использования при осуществлении муниципальной реформы в России. / С. А. Левин // Государственное строительство и право. Вып. 21 : сб. научных статей / под общ. ред. Г. В. Мальцева. – Москва : Изд-во МосГУ, 2007. – С. 56–65.
15. Гровер, Р. Управление недвижимостью: международный учебный курс / Р. Гровер, М. М. Соловьев. – Москва : ВШПП, 2007. – 369 с.
16. Генезис корпоративного управления в развитых странах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mirznani.com/a/41954/genezis-korporativnogo-upravleniya-v-razvitykh-stranakh/> / MirZnani.com. – 2015–2018 – Дата доступа: 30.04.2017.
17. Лысякова, Л. М. Развитие самоуправления на низовом уровне: сравнительный анализ России и Китая / Л. М. Лысякова [Электронный ресурс] / LAW.PP.RU, 2017. – Режим доступа: <http://law.pp.ru/municipalnoe-pravo/perspektivy-samoupravleniya/lm-lysyakova/>. – Дата доступа: 30.04.2017.
18. Японская модель корпоративного управления [Электронный ресурс]. / 21biz.ru. – 2012–2018 – Режим доступа: <http://21biz.ru/yaponskaya-model-korporativnogo-upravleniya/>. – Дата доступа: 18.04.2017.
19. Корпоративное управление. Учебное пособие / В. Г. Антонов, В. К. Крылов, В. В. Масленников [и др.] ; под ред. В.Г. Антонов. – Москва : ИД ФОРУМ, ИНФРА-М, 2012. – 288 с.
20. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2003–2017. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 11.06.2017.
21. Статья 215. Право государственной собственности // Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Kodeksy.by, 2015–2017 – Кодексы Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://xn----7sbakgchdukjdc8auvwj.xn--90ais/statya-215/>. – Дата доступа: 11.06.2017.
22. Закон Республики Беларусь “О местном управлении и самоуправлении”. [Электронный ресурс]. – Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2003–2017. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000108>. – Дата доступа: 11.06.2017.

Поступила в редакцию 02.11.2018 г.

Контакты: +375 29 780-75-75 (Сергейко Александр Николаевич)

Sergeiko A. INTERNATIONAL EXPERIENCE OF EFFICIENT MANAGEMENT OF STATE AND MUNICIPAL PROPERTY.

The article generalizes the experience of managing state and municipal property in foreign countries and substantiates the possibility of using its advantages in the practice of municipal management in modern Belarus.

In the introduction the object of the study (the management of state and municipal property) is specified. The aim of the study is to identify the strengths of property management models in some countries of Europe, Asia, America and to highlight the directions in the application of their benefits in modern Belarus.

In the main part of the article the author discusses basic specific features characteristic of European, Anglo-American, Chinese, Japanese, Ukrainian models of property management, identifies the principles of interaction between central and geographically separated entities in these countries, defines advantages and disadvantages of each model. The Belarusian model of property management with its specific characteristics is considered. The author proves the expediency of using positive aspects of the studied models of municipal management in foreign countries in the practice of municipal management in modern Belarus. The German experience in the obligatory use of cashless payments, the publication of budgets with a line-item disclosure of revenue and expenditure, the holding of open competitive biddings for procurement and wholesales of goods and services of municipal enterprises can be used. Like in the UK and the USA the mechanism of direct state regulation of municipal activities through the adoption of model laws imposed by local governments in their territories with any changes can be effectively applied. From China the ideas of applicants' competitive selection for vacant positions, periodic professional exams for employees and pre-testing for applicants, the urgency of contracts and the rotation of employees when the municipalities goals and objectives change can be taken.

The scientific novelty of the article lies in the fact that the directions in applying foreign models of property management in the practice of municipal management in modern Belarus are suggested.

Keywords: public administration, municipal management, municipal property, local government, property management model.

УДК 330.32 : 338*8

ОРИЕНТИРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ЛЕСНОГО СЕКТОРА БЕЛАРУСИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ “ПЕРЕХОДНОЙ” ЭКОНОМИКИ

Т. В. Каштелян

кандидат экономических наук, доцент

Белорусский государственный технологический университет

Статья посвящена выявлению микрооснований воспроизводственных процессов экономики лесного сектора Беларуси. В рамках теоретических концепций экономики “переходов” от одних институциональных режимов к другим обосновываются ориентиры воспроизводственных процессов отраслей лесного хозяйства и лесной промышленности, изначально связанные с рентным потенциалом. Доказывается потребность инновационного развития с позиций эколого-экономического и институционального подходов.

Ключевые слова: воспроизводство, рента, институциональный режим, “переходная” экономика, лесной сектор, институциональная организация воспроизводства, лесное управление, инновационное развитие.

Введение

Беларусь в рамках системы “инновационных координат” экологического развития не занимает лидирующих позиций [1]. Однако методические основы для повышения позиционирования в рейтингах рассматриваются [2], предпринимаются определенные попытки в отношении институционального анализа готовности белорусского общества к нововведениям. Коль скоро выбор механизмов инновационного развития перестает быть сферой директив и указов, а переходит в сферу рыночных отношений и опоры на собственные источники [3], следует обратить внимание на функционирование лесного сектора как одного из важнейших объектов, как крестьянского уклада жизни белорусов, так и городского. Прежде всего, следует отметить, что в экономическом развитии любой страны важную роль играет национальная инновационная система и государственная политика. Для измерения эффективности последней на макро-уровне обычно применяют критерии удельного веса затрат на науку в ВВП, численность работников, занятых научными исследованиями и др., а также характеристики инновационной активности организаций [4]. Последние можно интерпретировать в контексте “оппортунистического” поведения субъектов лесного сектора Беларуси, что наглядно иллюстрирует динамика отраслевых инноваций. Если в 2014 г. 13 организаций лесопромышленного комплекса внедряли технологические инновации, 5 – организационные и 2 – маркетинговые, то в 2016 г. общее число инновационных субъектов (с учетом издательско-полиграфических агентов) не достигло десяти [4].

В связи с обозначенной важностью регулирования экономического развития в свете экологизации и инноватизации, все более актуальным в лесном секторе экономики Беларуси становится вопрос о том, должны ли быть вопросы финансирования процессов экономического развития (обновления основных фондов и товарных ресурсов) делом государства. Ответ с учетом уже созданной инфраструктуры институционального развития является всегда положительным. Однако отметим, что в системе проектов будущего прямого финансирования инноваций уже нет ни одного субъекта лесного сектора [5]. Отсюда главную роль для рассматриваемых видов экономической деятельности играет опора на процессы воспроизводства ресурсов за счет собственных средств. Цель работы заключается в обосновании необходимости институциональных преобразований субъектов лесных отраслей в зависимости от их собственных ориентиров, которые они призваны выполнять в системе воспроизводственных отношений.

Исторически сложилось так, что направления теоретических разработок по изменениям правовых основ деятельности, совершенствованию экономических механизмов регулирования в целях инновационного развития в лесном секторе Беларуси не являются широко востребованными. Практически неисследованными остаются гетерогенные интересы субъектов лесного

хозяйства и лесной промышленности, а также многие факторы, блокирующие интеграцию и согласование экономических политик указанных отраслей. В отрасли лесного хозяйства, правда, делается акцент на фундаментальную концепцию рентной политики, которая (также как и инновационная) является объектом институционализации. Попытаемся очертить применительно к практике хозяйствования лесных субъектов нетривиальный характер ренты.

Основная часть

Лесной сектор Беларуси – это совокупность экономических агентов лесного хозяйства и лесной промышленности, которые, однозначно можно сказать, задерживаются на индустриальной стадии развития, сохранив при этом основные черты (конфигурацию) институтов прошлого. На наш взгляд, поворот в инновационное “русло” институций лесного комплекса во многом зависит от созданных стратегий и условий их практической реализации. Генерация их осложняется как “резервуарами” имеющихся теоретических концепций, так и многими нерешенными вопросами институционализации интересов экономического развития, спроса на лесопroduкцию, неопределенности развития.

Основаниями для перехода на “рельсы” инновационной активности является теория новой экономики, основанной на знаниях, которая предопределяется высокой образованностью персонала, креативностью, экономическими механизмами стимулирования внедрений всего ранее неизведанного, передового. Инновационность в любой отрасли – это снижение издержек производства, повышение прибыли, высокое качество товаров и понижающихся цен, создания новых технологий, удовлетворение новых и более сложных покупательских потребностей. Можно согласиться с высказыванием о том, что “инновационность в современных условиях – это новый способ производства, новая система отношений, новые формы организации и управления, разнообразие форм реализации, глубоко изменяющих способ жизни всех слоев общества” [6]. Отметим, что инновационная деятельность на предприятиях должна охватывать различные аспекты – продуктовый, процессный (технологический), организационно-экономический (управленческий), в которых важно рассмотрение потенциала рентабельности (ренты).

Узловые проблемы теории рентных отношений, которые определяют специфику функционирования природных комплексов, связаны с тем, каким образом они институционализированы в конкретном обществе (государстве). На этот важный факт указала в своем исследовании Р.П. Кудряшова [7]. Указанный автор отметила, что “подходы к ренте как явлению современного общества мало изменились... Существует дефицит системных исследований в области теории ренты. Он обусловлен, прежде всего тем, что современный этап развития общества требует интеграции методологических потенциалов классической и маржиналистской концепций с институциональным направлением, которая позволит исследовать экономику постиндустриального общества” [7, с. 5]. В качестве главной проблемы исследователь обозначила аккумуляцию ренты как источника благосостояния общества.

Следует признать, что многие теории в интерпретации практических работников лесного сектора базируются на традиционных аргументах советских времен, слабо учитывающих современные мотивации субъектов указанных отраслей. Не умаляя значимости разработок по проблемам повышения доходности субъектов лесного комплекса, отметим, что выработка институциональных моделей инновационного развития в свете выполнения лесным хозяйством государствообразующих функций должна представлять собой некий синтез теоретических воззрений, обладающий свойствами отхода от “сырьевой” ориентации воспроизводственных процессов к экологоориентированной, конкурентноспособной экономике. Однако развернуть альтернативные подходы стимулирующих воздействий экономического регулирования для перестройки лесных отраслей на “инновационные рельсы”, которые позволили бы учитывать особенности функционирования производств и управленческих практик, не просто. На наш взгляд, определенные возможности для этого предоставляет теория “переходов” от одних институциональных режимов к другим [8]. При этом нужно учесть интерпретации отраслевых процессов сквозь призму режимов воспроизводства мезоэкономики [8], не забывая о наследии классических школ, постулирующих теорию ренты.

Современная картина институтов рентных отношений представляется достаточно мозаичной. Среди разновидностей ренты выделены: земельная, горная, лесная, имущественная, интел-

лектуальная, технологическая, инновационная и др. По мнению большинства исследователей ренты, данная категория в экономическом развитии остается до сих пор своеобразным камнем преткновения. Изобилие подходов к интерпретации, измерению, факторной идентификации, фактическому присвоению реальной ренты затрудняет встраивание ее в целостную понятийную систему институциональных основ экономического роста. Вместе с тем в последние годы на отечественной научной базе обозначились перспективные усилия в рамках данной предметной области [9; 10]. На наш взгляд, рента может и должна быть предметом исследований в условиях модернизационного вызова Беларуси – инноваций.

Так, одна из наиболее первых и глубоких трактовок ренты принадлежит А. Смиту. В условиях спецификации прав собственности на землю рента является доходом, который присваивается собственником земельного участка. В главе 10 “О ренте с земли” доход собственника рассматривается в виде арендной платы, которую собственник получает при данном качестве земли [11]. Факторами первого порядка, влияющими на ренту, являются плодородие и отдаленность участков. У Д. Рикардо рента связывается с ограниченностью ресурса земли [12]. Лучшие земли предполагают большую урожайность, поэтому возникает дифференциальная рента, но худшие земли также обладают потенциалом использования. Так как население Земли не может остановиться в использовании ресурсов, то в обработку попадают и худшие земли. Поэтому рента у Д. Рикардо – это превосходящий среднюю прибыль доход.

У А. Маршала рента получает приставку “квази-” [14], что означает “мнимый”, синонимами которой являются “лже-”, “псевдо-”, “якобы, почти, словно”. Узкая интерпретация ренты указанным автором расширена от выводов об обычной сверхдоходности до экономической политики, которая применительно к земельным отношениям позволяет использовать подсистемы институциональных факторов, связанных с финансированием экономики.

Разработанная К. Марксом теория рентных отношений, хотя и базируется на продуктовых движениях (что немаловажно в аспекте рассмотрения аккумуляции ренты), имеет в основе такую институциональную организацию экономических процессов, которая связана с функционированием доминирующего социального института (класса капиталистов). Пожалуй, одним из наиболее важных моментов, который был замечен в институтах капитализма, является “превосходящая” роль некоторых слоев общества, которые в рентных доходах “лицезрели” не долю оплаты труда работников, а средства обогащения. Этим и объяснялся характер хищнической ренты, той, которая служила источником обогащения отдельной “прослойки” общества. С тех пор прошло немало времени. По мнению В.С. Мартыанова [14], произошел “переход” от “естественного государства к обществу открытого доступа”. Ссылаясь на работу Г. Стендинга, в которой конкуренция выдвигается в качестве детерминанты, делающей “ренту временным явлением”, указанный автор акцентирует на преждевременном забвении понятия “рента”. Рентные основания современного общества представляются как “вариативный сплав эгалитарной и иерархической моделей распределения ресурсов” [14, с. 65], поэтому следует учитывать институции рентного поведения субъектов и решающей роли государства.

Ситуация с факторами, которые позволяют “генерировать” ренту достаточно сложна. Речь идет не о простой вере в то, что природные силы позволяют получить доход, а о базовых предпосылках рационального поведения (максимизации дохода), позволяющих инспирировать и (позже) изымать рентный доход как часть дохода собственника ресурса. Реалистичным можно считать подход, когда все факторы, участвующие в процессе производства «генерируют» отдачу. Природный фактор, хотя и является строго доказанным, но часто не идентифицируется явно в системе цен (как это было в лесном комплексе времен советского периода). Поэтому в кругу исследователей современности считается, что он может быть в силу определенных обстоятельств как недоплаченным, так и не оплаченным вовсе. Не зря белорусским исследователем С.Г. Вегерой [10] практически доказывается, что рентный доход в системе земельных отношений не изымается в Беларуси по причинам отсутствия бухгалтерских оснований его начисления.

Так, А. Ковалив [15] ренту называет рентосогласующей прибылью. С таким подходом можно согласиться. Если опираться на агрегатную статистику и анализ средних величин, то действительно можно видеть отклонения в сторону повышенной доходности у некоторых экономических агентов. Однако проблема идентификации причин, вызвавших рентосогласующую

прибыль, все-таки присутствует. В лесном комплексе она связана как с природно-производственными, так и с институциональными организационно-экономическими факторами.

В институциональном аспекте экономические отношения, связанные с формированием, перераспределением и использованием ренты формализуются через разделение функций прав владения и пользования. Принципиальное значение имеет анализ условий получения ренты. Считается, что все отрасли народнохозяйственного комплекса можно разделить на рентные и нерентные. В рентных отраслях дополнительный доход – есть реализация отношений монопольной власти, стоимости, некоего специфического сочетания всех ресурсов, позволяющих получить для ренты доход. Однако тот пользователь ресурсов, который отдает ренту, должен обязательно иметь источник такого дохода, т. е. некую сверхприбыль, которую он может заплатить собственнику, оставив при этом средства для осуществления кругооборота оборотных средств, воспроизводства трудовых ресурсов и др.

Переход от системы рентных отношений к налогу с оборота был осуществлен в экономике советского периода. Тогда дилемма формализма и реализма ренты решена была однозначно в пользу наличия “государственной сверхдоходности”, а значит присвоением ее единственным и монопольным собственником. Не зря понятия административно-политической ренты [14] в экономической науке стран бывшего СССР изучаются достаточно интенсивно.

Сравнительный анализ теоретических подходов, проведенный А.В. Ложниковой [16], ставит под сомнение изученность лесной ренты с точки зрения позиционирования ее в кадастровой оценке природных богатств. Как обозначила исследователь “рентная политика 60-х прошлого века полностью соответствует современной зарубежной универсальной концепции оценки ренты как сверхприбыли, создаваемой не только в добывающих, но и обрабатывающих отраслях, секторе услуг экономики” [16]. Что касается экономики развитых стран, то на многочисленных примерах приходится констатировать зависимость рыночной цены древесного сырья от результатов работы лесопромышленных субъектов, их эффективности. В этих условиях огромный интерес приобретает также вопрос о запасах лесных ресурсов, объемах спелой древесины, пригодной для промышленной переработки – результатах работы лесного хозяйства.

Идея рентной концептуализации экономики лесного хозяйства Беларуси принадлежит А.В. Неверову [9]. Определив в лесном управлении [9] два направления получения ренты (экологическое и экономическое), указанный автор способствовал возрождению интереса к анализу рентных отношений, включая понятие производственный запас леса (далее – ПЗЛ). Исходная черта указанной категории (ПЗЛ) заключается в отделимости некоего объема ресурсов из запасов, выполнением общественных функций, финансовой потребностью жертвовать сегодняшними средствами в определенной пропорции для того, чтобы сегодняшние блага “обменивались” на будущее. Однако даже учитывая двойственный характер указанной категории лесной ренты в связи с общественными и хозяйственными функциями ПЗЛ (связанными с неосознаваемыми и с осознаваемыми благами) в прикладном контексте (для Беларуси в частности) модель рентной политики лесных отраслей, приносящих некую сверхдоходность, не реализуется. Ренту можно “улавливать” только через институционализацию ее в экономических отношениях “собственник – заготовитель”, “заготовитель – переработчик” при функционировании эффективных предприятий, использующих лесные ресурсы (преимущественно в неконкурентных условиях).

Основой обменных процессов является рынок. Ценообразование и налогообложение – это два взаимоувязанных механизма, которые институционализируют интересы рентоориентированного поведения субъектов. Определение цен с учетом рентосогласующих прибылей – это удел ценообразующих практик. При этом можно присоединиться к мнению А.В. Мещерова [17], который цитируя критику академиком Д.С. Львовым недостатков трудовой теории стоимости, ссылается на важность понимания того, что воспроизводственные процессы в советские времена находились под влиянием неправильной ориентации “хозяйственных решений, и, как следствие”, этим обусловлена деградация “производительных сил общества”. Виной всему – отечественная система ценообразования, которая формируется на основе полных затрат с учетом небольшой (и порой отрицательной) рентабельности.

В современных условиях Беларуси обменные процессы частично подчиняются принципам свободного ценообразования (но в подавляющем большинстве не являются источниками для получения сверхдоходов). Конкурентные подходы к реализации лесных ресурсов на бирже ис-

пользуются, но специфичность древесного сырья порождает серьезное соперничество в потреблении, связанное с определенными характеристиками (сортиментный состав, порода, близость доставки и др.).

Ситуация с рентными доходами как в части осозаемых, так и неосозаемых активов (экологических) в значительной мере формируется под влиянием рыночных факторов. Но, по мнению Р.П. Кудряшовой [7], если эти платежи (выручка) используются в качестве воспроизводства сырьевой базы, то их нельзя признавать рентными. С этим нельзя не согласиться. Аккумуляция ренты можно было бы связать с превышением фактической прибыли над нормальной. Однако при этом следует учитывать как практику ценообразования, так и пропорциональный характер налогообложения, который обеспечивает повышение налогов в зависимости от роста доходности (что не стимулирует экономических агентов к росту доходов). При этом здесь в теоретическом контексте следует иметь в виду и дискуссионный характер того, что считать нормальной прибылью предприятий.

Нынешняя экономика лесного хозяйства Беларуси обладает лишь виртуальными атрибутами, наличие которых традиционно рассматривается в качестве основополагающих элементов рентного концепта. Упускаются многие факторы, влияющие как на образование цен, так и на регулирование хозяйственных отношений.

Аренда – есть одна из разновидностей ренты. В белорусском лесном комплексе для концерна “Беллесбумпром” в качестве арендных ставок применяется попенная плата, которая по своему экономическому содержанию должна быть впоследствии использована на возобновление изъятых ресурсов. Другими словами, получателем такого рода оплат (корневых цен) является не собственник, а субъект, которому доверили регуляцию доступа к ресурсу (Минлесхоз), обязанный распределить их в рамках своих структур на воспроизводство ресурсов лесных массивов. Косвенными указаниями на то, что арендные отношения в лесном комплексе Беларуси являются скорее “давальческими” контрактами по поводу объемов, отчуждаемых от ПЗЛ, чем рентными, служит как отсутствие наделения лесозаготовителей функциями воспроизводственного характера в отношении лесных ресурсов, так и сверхдоходности у пользователей в процессах “заготовка – переработка” сырья.

Прямое указание на “официальное непризнание” рентных отношений служит уже сложившийся к настоящему времени лесоторговый режим в Беларуси (через биржу и прямые договорные практики). Суть в том, что древостои, выставленные на торги по определенным ценам на бирже для дальнейшей заготовки, не всегда теперь обеспечивают превышение стартовой стоимости (попенной платы). К тому же сама по себе эта стоимость не исчисляется в реальности по принципу учета затрат воспроизводства ресурсов на определенной территории. Да и ко всему прочему она не является для государства средством возмещения важной функции оценок стоимости доступа к ресурсу (лесоустроительной) – определения вариантов границ лесных участков, оценки ресурсных возможностей, планов лесонасаждений, сортиментных оценок и оценок возможностей транспортного освоения. Но в условиях функционирования Минлесхоза (в соответствии с его ведомственными указаниями) часть ее (10%) используется в качестве источника строительства лесных дорог.

Принципы экономической политики в отношении присвоения ренты включают: наличие неэластичного предложения ограниченного ресурса, горизонт планирования хозяйственной деятельности (исключительно долговременный [16]) и, отметим, повторяясь, монопольное положение субъектов. Институт собственника фактора производства определяет способы изъятий и присвоения ренты. Отметим, что в белорусском лесном комплексе регулирование доступа к лесным ресурсам осуществляется в рамках структур, которым доверяет государство выполнение данной функции (лесных хозяйств). Они занимаются еще самостоятельно хозяйственной деятельностью. Институции монополии государства-собственника дополняются институциями пользователей-конкурентов, присваивающих доход от заготовки и переработки. Можно сказать, что только лишь институционализация спроса на лесопродукцию оказывает влияние на реальные возможности выделения из общих доходов рентные, а монополия собственности государства должна быть дополнена мотивирующими моментами заготовителей и переработчиков для получения сверхприбыли. И в этом аспекте интересны исследования, которые связывают ренту как с фиктивными денежными доходами, так и недоплатами за использование трудовых ресур-

сов и недовоспроизводством основного капитала. Однако данное исследование выходит за рамки данной статьи.

Спецификация форм собственности не является препятствием для изъятия и присвоения ренты (наоборот, она – ее главная предпосылка), однако в лесной ренте измерительные практики осязаемой ее части (экономической по А. Неверову) достаточно спорны. Так, в прошлом веке отечественная экономика функционировала при отсутствии самоуправляемых предприятий, рента изымалась в бюджет, и соответственно формировались фонды, которые использовались для инвестирования субъектов. Если рентную политику осуществлять на практике можно, лишь измеряя и учитывая ренту, то проводить ее следует по опыту развитых стран (например, Норвегии) в целях повышения благосостояния населения. Парадигма рентных процессов в условиях Беларуси и ее лесного комплекса в частности трансформирована под влиянием совершенно иной, отличающейся от западных примеров форм и структур институциональной организации воспроизводственных процессов, ценовых практик и главным образом налогообложения (предполагающего налог на добавленную стоимость, а по сути налог с оборота у лесозаготовителей, которые передают заготовленное сырье на переработку).

Не использовать преимущества сырьевых отраслей, наделенных рентным потенциалом, для осуществления процессов воспроизводства является большим упущением в экономической политике. При этом надо понимать, что для того, чтобы получить ренту, следует учитывать процессы воспроизводства не только основного, но и трудового капитала. Природная рента может быть высчитана правильно только после возмещения всех затрат на воспроизводство ресурсов (в первую очередь, человеческих). Если рассматривать институциональную организацию воспроизводства лесных ресурсов в Беларуси под “углом” движения основной продукции лесного хозяйства (древесины) к конечному потребителю, то из анализа “выпадает” целостная трансакция воспроизводства лесных ресурсов как часть лесопромышленной цепочки создания стоимости.

Экономика определяется движением финансовых потоков. В белорусском лесном комплексе ориентиры возмещения полных затрат лесовоспроизводственного характера никак не связаны с позиционированием природно-ресурсной ренты, отдаваемой лесопромышленниками государству, а затем получаемой населением в виде экологических благ. Они являются некой “нагрузкой”, вышедшей из традиций бухгалтерского учета бюджетных организаций, обязанных обеспечить трату полученных средств строго по назначению или в соответствии со сметной системой.

Прежде всего, укажем на имеющиеся различия между теоретической и практической экономикой. Экономическая теория дальше от эмпирических данных, чем вторая. Эмпирическая проверка рентных отношений подвергается теперь серьезным переосмыслениям в связи с вычленением как транспортного, так и качественного фактора (фактора плодородия) из доходов. К примеру, выделение логистического сектора в экономике позволяет в некоторой степени исключить первый фактор из рентных отношений. Транспортировка, если она даже обеспечена экономической доступностью ресурсов, относится к затратному фактору, обрекая поставщиков ресурсов на закупки горюче-смазочных материалов, оплату труда, обслуживание автомобилей и др. Что касается плодородия, то в лесном комплексе пока присутствуют процессы самовозобновления ресурсов, есть некоторые “ареалы” получения рентных доходов. Но нет главных экономических форм ее реализации – сильного налогообложения (в виде одного лесного налога), монопольных цен.

Рассматривая дифференциацию таксовых стоимостей древесины на корню в отечественной практике, можно наблюдать лишь “иллюзорные ожидания” от того, что при покупке древесины на корню состоится выравнивание условий хозяйствования субъектов, которые купят лес по более низкой цене, но на удаленном участке. Механизм рентных отношений подразумевает ценообразование, которое направлено на получение некоего дохода, не связанного напрямую с прослеживаемыми в текущем периоде затратами. Если иметь в виду экономическую ренту лесопользования, то отнесение к числу рентных отраслей лесного хозяйства Беларуси является достаточно дискуссионным. Во-первых, в лесном хозяйстве имеется широкий перечень неоплачиваемых затрат текущего периода, связанных с обще-инфраструктурными моментами осуществления деятельности (охрана лесов от пожаров, вредителей, лесные дороги), во-вторых, попенная плата тратится на лесовоспроизводственные и лесовосстановительные работы. Сложность реального объекта ренты (древесного сырья) обуславливается той организационной формой от-

ношений, которая позволяет их урегулировать (фактически “поймать”, аккумулировать ренту). Право регулирования доступа к ресурсу государство доверяет хозяйствующим субъектам, которые по существу выполняют эти функции, но и в реальности возмещают понесенные затраты за счет полученной попенной платы и с использованием бюджетных средств.

В связи с продолжающимися исследованиями категории стоимости и ренты ставятся проблемы отсутствия полных институциональных основ ренты природного характера в части дифференцирующих факторов – транспортной составляющей. Как справедливо отметили авторы учебного пособия по оценке земли, “абсолютная рента представляет собой единственный компонент, допускающий возможность его нормирования и преysкурантного выражения в границах территории, используемой данной отраслью, в отличие от непрерывно изменяющихся значений дифференциальной и монополярной ренты при переходе от одного участка к другому” [18]. С такими высказываниями согласны. Так как отечественные экономические реалии не предполагают того, чтобы заготовитель, купивший ресурс на более дальнем расстоянии, окупил сполна затраты по сравнению с тем ресурсом, который находится близко.

Лесная рента является одной из категорий, которая сопряжена не только с традиционными факторами бизнеса (территориальными и, соответственно, транспортно-логистическими, спецификации прав собственности и др.), но и организационными формами экономической деятельности по воспроизводству ресурсов, которые не осуществляют и тем более не совмещают расчеты по измерению ренты с реальным движением благ. Кроме этого, важным моментом является функциональное назначение прибавочной стоимости. В настоящее время предпринимаются усилия по обозначению роли и моделированию не только экономической, но и экологической ренты. Так, согласно методике О. Веклич [19], в Украине финансовые затраты, которые требуются для восстановления окружающей среды, составляют около 5% ВВП ежегодно! Это цифра “экологической цены” ВВП без учета влияния экологического фактора на результаты функционирования национальной экономики. В Беларуси данный критерий может быть оценен еще выше указанного для соседней страны. В этом заключается один из парадоксов рентоориентированного поведения субъектов лесного комплекса, суть которого в том, что фундаментальные условия (ориентиры) воспроизводства лесных ресурсов кроются в предложении экологической ренты для потребления общественных функций ПЗЛ населением. Однако фактически она не формируется как стоимость в системе отношений лесопользования и, соответственно, не удерживается с субъектов, опосредующих позиционирование и движение ресурсов леса.

Известны также исследования, когда налог (главным образом, на сверхдоходы) позиционируется в качестве одного из инструментов рентных отношений [16]. Имеются политики развитых стран (США в частности), направленные на искусственное снижение доходности добывающих отраслей, для обеспечения инвестиционной привлекательности переработки. Не вдаваясь в специфику их осуществления, отметим, что роль рентного фактора в контексте налогообложения лесных массивов сводится главным образом к тому, чтобы изъятия прибавочных доходов взимались с участков по определенной методике (например, как в Польше [9]), что стимулирует к рациональному использованию лесных ресурсов. Налог является относительно постоянным по отношению к выручке от реализации, поэтому продавец ресурса стремится улучшить ресурсный потенциал, чтобы заработать больше на заготовке и продаже изъятых из ПЗЛ объемов.

Таким образом, в микрооснованиях воспроизводственных процессов лесного сектора закладывается как природная, так и хозяйско-мотивирующая функция рентных отношений. Ориентиры регулирования социально-экономического развития передовых лесопромышленных комплексов западных стран лишены многих деформаций, которые присутствуют в отечественной экономике лесного комплекса (основанной на унаследованном из советского периода смешении понятий ренты с изымаемыми налогами, полным игнорировании ценообразующих практик в соответствии с рентосогласующими прибылями).

Заключение

В ходе исследования предпринята попытка концептуализации особой исторической формы лесной ренты как традиционного ориентира воспроизводственных процессов лесного сектора. Основными проблемными вопросами в исследовании явились: “ущербность” ценообразующих практик, спецификация прав воспроизводства лесных ресурсов (выделение данной транзакции с

точки зрения разных систем отношений), принципы измерения и изъятия ренты (государство ее забирает и в то же время отдает), демонтаж налоговой системы. Все это предполагает проблему учета ренты, последующие условия ее присвоения и использования (того всего, что касается институционализации рентной политики) в условиях отечественного лесного комплекса.

Повышение эффективности и инновационности лесных отраслей нередко связывают с рентоориентированным поведением. Однако реально существующая институциональная организация воспроизводственных процессов свидетельствует о неопределенности указанного ориентира (их не один, а несколько, в соответствии с функциями, выполняемыми ПЗЛ) и непонятности практического его применения. Предполагается курс на учет земельной ренты [10], однако, в отечественной экономике лесного комплекса рента не институционализована через стоимостные отношения. Очевидно, что курортный сбор, собираемый с туристов в зоне лесных массивов, идет на развитие местности, в которой расположен санаторий. Экологическая рента принадлежит собственнику (государству), и он ею распоряжается. В то же время лесной сектор не имеет институциональных возможностей получения именно этих средств. На уровне лесхозов идет возмещение затрат по осуществлению лесоустроительных и лесохозяйственных работ из бюджета государства, первые из которых конституируют права доступа к ресурсу и параметры сделок дальнейшего его использования, а вторые – потребление общественных функций ПЗЛ (экологическую ренту).

Общезвестная практика ценообразования на основе определения полных затрат осуществления лесохозяйственных затрат не применяется на «старте» организации движения древесных ресурсов. Хотя бы приблизительный ее расчет на эталонный участок, на наш взгляд, мог бы позволить оценить масштабность трансакции «государство – общество» в отношении функционирования лесных массивов. Экономическую спецификацию права доступа к ресурсу осуществляют лесхозы. Они же, в подавляющем своем большинстве, носители лесоснабжающих функций. Понимаемый в классическом определении рентный доход (имеется в виду абсолютная рента) или, проще говоря, добавленная стоимость, полученная от лесозаготовок, тратится и на осуществление деятельности по воспроизводству ресурсов. По сути, цели ПЗЛ по сохранению их экологического состояния и дальнейшему преобразованию, связанные с отчуждением части дохода нынешнего, но во имя будущих поколений, являются не институционализированными в соответствии с категорией экологической ренты (в системе государственной собственности и доходности лесохозяйственных производств).

Рентосогласующие прибыли естественно присутствуют в лесном комплексе (допустим при продаже новогодних елей невелики текущие затраты, которые можно списать на себестоимость), однако их нельзя считать определяющими рентную политику [16], (так как такие продажи – это эпизоды в экономической жизни субъектов). Для ренты важен долговременный характер функционирования.

Институциональная организация воспроизводства лесных ресурсов находится в системе противоречивых ориентиров по назначениям и реальным направлениям использования прибавочной стоимости. Положение дел осложняется отраслевой спецификой структур, их статусами, выполняемыми функциями (общественными и коммерческими), главным образом «непродвинутостью» рентного концепта через функционирующие институты и тем более целостный институт рентных отношений, конкретную политику «улавливания» ренты будь то для целей экологических или инновационных. Аренда участков лесных массивов, существующая в рамках концерна «Беллесбумпром», носит характер «давальческого» контракта.

Справедливо очерченные А.В. Неверовым рентосогласующие элементы прибыли, связанные с ПЗЛ, должны быть ориентированы в соответствии со спецификацией прав отчуждения части объемов ресурсов на технологическую ренту (включая инновационную). Экологическую ренту целесообразно подвергнуть такой же институционализации (в соответствии со спецификацией прав доступа к ресурсу), а также в соответствии с доверительным управлением участками лесных массивов (рента со стороны потребления должна быть непосредственно включена в систему ценообразующих практик лесхозов). Экологическую ренту невозможно отделить от непосредственных текущих затрат, связанных с воспроизводством ресурсов. Но следует учитывать в то же время и стихийность природных факторов. В связи с этим возникает необходимость выделения ренты риск-экологической как институционализированного экономического интереса

хозяйств, занимающихся ликвидацией последствий ураганов и стихийных бедствий (финансы страхования).

На наш взгляд, целесообразна дальнейшая активизация исследований по ориентирам воспроизводственных процессов лесного комплекса в свете теории “переходной” экономики. Ее мы считаем таковой, так как с учетом опыта, освоенного традиционализма экологического регулирования в отечественных исследованиях, она представляет собой синтез рыночной, новой, институциональной экономик. На наш взгляд, это позволит придать ренте производства и потребления реальный характер (найти организационные формы для ее удерживания в целях общего благосостояния населения), аккумулировать ее в “русле” инновационной ориентации (что на практике будет означать “переход” от расточительных практик использования лесных ресурсов к институциональному режиму эколого- и инновационно-ориентированных производств).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ружевичус, Ю.** Экологический след как новый количественный индикатор устойчивого развития / Ю. Ружевичус. – Режим доступа: http://www.kv.ef.vu.lt/wp-content/uploads/2010/10/Str-Kazacija_J.Ruzevicius_Litva_Ekolog_slided_2010.07internet.pdf. – Дата доступа: 17.04.2017.
2. **Богдан, Н. И.** Оценка инновационной деятельности Беларуси в контексте европейских индикаторов инноваций / Н. И. Богдан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-innovatsionnoy-deyatelnosti-belarusi-v-kontekste-evropeyskih-indikatorov-innovatsiy.pdf>. – Дата доступа: 17.05.2018.
3. **Лукашенко, А. Г.** Сельскохозяйственное производство – это бизнес, а не социальный проект. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/lukashenko-selskhozjajstvennoe-proizvodstvo-eto-biznes-a-ne-sotsialnyj-proekt-296939-2018/>. – Дата доступа: 03.04.2018.
4. Наука и инновации: статистический сборник / председ. ред. коллегии И. В. Медведева. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018.
5. **Шумилин, А. Г.** О реализации государственной программы инновационного развития Республики Беларусь и предложениях по активизации инновационного развития. – Новости науки и технологий. – № 4. – 2017. – С. 3–9.
6. Новые явления в мировом обороте технологий: место России / под ред. Э. В. Кириченко. – Москва : ИМЭМО РАН, 2010. – 116 с.
7. **Кудряшова, Р. П.** Рента в системе воспроизводственных отношений : автореф. ... д-ра экон. наук ; 08.00.01 1. Общая экономическая теория 1.1. Политическая экономия / Р. П. Кудряшова. – Самара, 2003. – 38 с.
8. **Кирдина-Чэндлер, С. Г.** Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике / С. Г. Кирдина-Чэндлер, В. И. Маевский // Журнал институциональных исследований. – 2017. – Т. 9, № 3. – С. 3–23.
9. Лесное управление / А. В. Неверов [и др.] ; под общ. ред. А. В. Неверова. – Минск : Пачатковая школа, 2014. – 400 с.
10. **Вегера, С. Г.** Развитие методологии бухгалтерского учета земли в контексте современной теории ренты / С. Г. Вегера. – Новополоцк : ПГУ, 2011. – 464 с.
11. **Смит, А.** Исследование о причинах и богатстве народов. – Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit_1.pdf. – Дата доступа: 03.04.2018.
12. **Рикардо, Д.** Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо // Антология экономической классики. – Москва : Эконом, 1991.
13. **Гальперин, В. М.** Микроэкономика : в 2 т. / В. М. Гальперин, С. М. Игнатьев, В. И. Моргунов. Институт “Экономическая школа”, Санкт-Петербург, 2004. – Режим доступа: http://microeconomicus.ru/index1.php?file=14_4. – Дата доступа: 03.04.2018.
14. **Мартыанов, В. С.** Капитализм, рента и демократия / В. С. Мартыанов. – Журнал институциональных исследований. – 2017. – Т. 9, № 2. – С. 51–68.
15. **Ковалив, А. И.** Основные экономические интересы в процессе сельскохозяйственного использования / А. И. Ковалив // Земля Беларуси. – 2014. – № 1. – С. 19–23.
16. **Ложникова, А. В.** Рента в условиях модернизации технологического развития: макро- и микроэкономическая природа : монография / А. В. Ложникова. – Томск : ФЖ ТГУ, 2011. – 292 с.
17. **Меищеров, А. В.** Экономические отношения и институты экономики. – Вопросы экономики и права. – 2016. – № 3. – С. 61–65.
18. Оценка земли : учебное пособие / Ф. П. Румянцев, Д. В. Хавин, В. В. Бобылев, В. В. Ноздрин. – Нижний Новгород, 2003. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/19291293/>. – Дата доступа: 03.04.2018.
19. **Веклич, О.** “Екологічна ціна” економічного зростання України / О. Веклич, М. Шлапак // Економіка України. – 2012. – № 2. – С. 38–45. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/EkUk_2012_2_5. – Дата доступа: 03.04.2018.

Поступила в редакцию 13.06.2018 г.

Контакты: taisiya_kascht@mail.ru (Каштелян Таисия Васильевна)

Kashtelyan T. REFERENCE POINTS IN REPRODUCTIVE PROCESSES OF BELARUSIAN FOREST SECTOR IN THE LIGHT OF THE “TRANSITIONAL” ECONOMY THEORY

The article is devoted to revealing the micro-grounds of the reproductive processes in the Belarusian forest sector economy. Within the framework of theoretical concepts of the economy of “transitions” from one institutional regime to another, the guidelines of the reproductive processes of the forest sector, initially associated with the rental potential of the branches, are grounded. The need for innovative development is substantiated in terms of environmental-economic and institutional approaches.

Keywords: reproduction, rent, institutional regimes, “transitional” economy, forest sector, institutional organization of reproduction, forest management, innovative development.

УДК 330.1

МИГРАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ АКТИВИЗАЦИИ

О. С. Сергиеня

аспирант

Белорусский государственный экономический университет

В статье определяются причины, лежащие в основе миграции потребительских культур в мировой экономике. Выявляются и систематизируются факторы активизации данного процесса в современных условиях, учет которых необходим при прогнозировании изменений предпочтении потребителей, динамики и структуры спроса и потребления товаров и услуг.

Ключевые слова: миграция потребительских культур, факторы активизации миграции потребительских культур, потребительские культуры, изменение потребительских предпочтений.

Введение

Рост взаимозависимости, взаимовлияния национальных экономик и народов, наблюдающийся в современной мировой экономике, расширяет возможности миграционной, социально-экономической и политической активности. Эти процессы приводят к возникновению новых форм международной миграции, основанных на создании устойчивых отношений между странами, приводят к сближению в экономической, социальной, культурной и других сферах, оказывает глубокое влияние на поведение потребителей, обуславливает изменение и взаимопроникновение ценностей, норм, обычаев и других социокультурных аспектов, формирующих понятие потребительской культуры.

Основная часть

Основными причинами активизации процесса миграции потребительских культур в мировой экономике XXI в. выступают следующие:

1. Международная миграция населения. Фактор является одним из основных в активизации процесса. В период с 1970 по 2015 гг. количество международных мигрантов выросло с 84,5 до 244 млн человек. Несмотря на то, что прирост доли за период составляет 1% и не выглядит значительным, рост миграции, как численно, так и пропорционально, значительно превышает прогнозы экспертов. К тому же необходимо отметить, что, если с 1970 по 2000 гг., т. е. за 30-летний период, прирост доли составил 0,5%, то дальнейший прирост в 0,5% был достигнут уже за период в 2 раза меньше, с 2000 по 2015 гг. [1].

Кроме того, учитывая тенденцию международной миграции из стран со средним и низким доходом в страны с высоким доходом и географические потоки (например, в 2015 г. главными странами-источниками международных мигрантов являлись Индия (15,6 млн человек), Мексика (12,3 млн человек), Россия (10,6 млн человек), Китай (9,5 млн человек) и Бангладеш (7,2 млн человек), а главными принимающими сторонами США и ЕС) [2], можно говорить о том, что миграция происходит между странами со значительно отличающимися культурами и религиями (культуры стран Азии, Латинской Америки с одной стороны и западная культура – с другой), что влечет к неизбежному изменению потребительских культур как мигрантов, так и потребителей принимающей стороны. Так, в качестве примера можно показать влияние мексиканской культуры на рынок продовольствия и общественного питания в США. Мексика является главной страной происхождения мигрантов, которые направляются в США, последние десятилетия (только в 2015 г. 11,6 млн мексиканцев составили 27% всех мигрантов в США) [3]. Поскольку процесс продолжался длительное время, мексиканцы натурализовались, а их культура стала влиять на культуру в США. В частности, типичным обедом в американской школе являются мек-

сиканские блюда: бурито, начо, тако. На рынке представлено большое количество ресторанов мексиканской кухни, от маленьких местных до корпораций, например, Taco Bell [4], – ресторан с адаптированной мексиканской кухней – продажи которого достигли 9 млрд долларов по всему миру в 2015 г. [5]. Высоким спросом пользуется кукуруза, фасоль, перец чили, которые являются основой мексиканской кухни. Более того, в настоящее время американцы не воспринимают мексиканскую кухню как заимствованную, а скорее как естественную часть повседневного потребления в зависимости от своих предпочтений [4].

2. Глобализация и регионализация. Различные аспекты глобализации ведут к глобальному производству товаров и услуг. Транснациональные корпорации имеют значительное снижение издержек за счет эффекта масштаба при производстве однотипных товаров и могут поставлять товары более высокого качества по более низкой цене. При этом маркетинговые стратегии компаний позволяют эффективно воздействовать на спрос со стороны потребителей и обеспечить глобальную трансформацию предпочтений потребителей.

С другой стороны, усиление тенденции к регионализации (статистические данные показывают, что с 1990 г. количество региональных торговых соглашений возросло примерно с 70 до более чем 270 в 2015 г.) позволяет влиять на потребительские предпочтения с учетом особенностей культуры конкретных регионов.

Можно выделить факторы (экономические, социально-культурные, демографические, технологические, политические) активизации миграции потребительских культур.

Прежде всего это интенсификация международной мобильности населения и международной торговли.

Основным фактором влияния на данный процесс выступает рост международного туризма. Количество международных туристов растет значительными темпами, даже с учетом роста населения планеты. С 1995 по 2015 гг. их количество выросло с 530 до 1240 млн человек. Прогнозируется, что темпы роста как минимум не снизятся в будущем [1]. При этом потребители зачастую выберут товар или услугу, в качестве которой уверены (например, отель или ресторан международной сети). Такая потребность решается за счет стандартизации. С другой стороны, благодаря туризму потребители становятся знакомы с культурой другой страны, чьи культурные особенности в последствии повлияют на их потребительские предпочтения.

Интенсификация международной торговли приводит к активизации миграции потребительских культур через рост торговли товарами и маркетинговую политику по их реализации.

К социально-культурным факторам активизации миграции потребительской культуры относят:

- Глобализация культуры. Значительный прогресс информационных технологий, Интернета, мобильной связи формирует единое информационное пространство и позволяет с высокой скоростью распространяться информации, которая глобально трансформирует потребительские предпочтения и активизирует миграцию потребительских культур.

- Культурная фрагментация и этнификация населения. Даже при росте миграции, глобализации, единого информационного пространства и т. д. культура не становится однородной. То есть процесс глобализации культуры ограничен по своему характеру. Это явно прослеживается на примере США. При том, что США является страной с широким этническим составом, с течением времени унификации культуры не произошло, этот феномен был назван “культурная мозаика”. Не произошло и формирования единых потребительских предпочтений, а товары на рынке направлены на удовлетворение широкого спектра потребностей [7].

- Изменение структуры населения по приверженности к религии. Если предположить, что нынешние тенденции сохраняются, ожидается, что в период с 2010 по 2050 гг. количество мусульман – сравнительно молодого населения с высокими коэффициентами рождаемости – будет увеличено на 73% (при прогнозе роста всего населения только на 35%). К 2050 г. количество мусульман сравняется с количеством христиан впервые в истории [8]. Поскольку мусульмане привержены к своей культуре и религии, их влияние на трансформацию потребительских предпочтений немусульманского населения может оказаться значительным, что приведет к миграции потребительской культуры и увеличению потребления халяльных товаров и услуг.

- Влияние модных тенденций. Благодаря единому информационному пространству тенденции, характерные только для региона, стран может трансформироваться в глобальную и

сформировать новые потребительские предпочтения. В качестве примера можно привести моду на здоровый образ жизни, популяризация спорта, которые пришли из стран Запада, но изменили потребительские предпочтения глобально. Это привело к формированию потребительских предпочтений на продукцию здорового питания, на продукцию более высокого качества.

Демографическим фактором активизации миграции потребительской культуры является более высокий уровень рождаемости среди мигрантов в принимающих странах. Так, в период с 1965 по 2015 гг. в США иммигрировало 59 млн человек. С учетом следующих поколений мигрантов население США стало на 72 миллиона больше, чем если бы миграции не было. Также прогнозируется, что в течение следующих 50 лет население США увеличится до 441 млн человек, и останется практически тем же, что и в настоящее время – 338 млн человек – если миграции не будет [2]. Это объясняется более высоким уровнем рождаемости среди мигрантов, а также их последующих поколений. Влияние растущих национальных меньшинств в стране однозначно приведет к активизации миграции потребительских культур этнически, культурно, религиозно разнообразных меньшинств в принимающей стране.

Среди технологических факторов активизации миграции потребительской культуры являются:

- Развитие и удешевление транспортных коммуникаций. Начиная с XIX в. резко увеличилась интенсивность и скорость международных перемещений населения, позднее стала массовым явлением. С изобретением реактивного двигателя произошел бум воздушного транспорта, что навсегда изменило характер трансграничных перемещений, увеличило интенсивность трансграничных потоков людей и товаров, увеличило скорость, снизило издержки. С 1970 по 2010 гг. средняя себестоимость авиаперевозок снизилась с 1,3 до 0,6 доллара за тонно-километр (в ценах 2013 г.), а средняя стоимость авиаперевозок за тот же период снизилась с 1,4 до 0,6 доллара за тонно-километр (в ценах 2013 г.) [1]. Это способствует дальнейшей интенсификации мобильности и миграции населения, способствует процессам глобализации, активизирует миграцию потребительских культур.

- Бурное развитие информационных технологий, коммуникаций и сети Интернет. Развитие и распространение Интернета, развитие глобальных сервисов с доступом к любой информации (новости, научные статьи, книги, музыка, кино и т. д.), доступ к ним в любое время не только через компьютеры, а мобильные телефоны, возможность коммуникации не только по телефонной связи, но и через Интернет привели к “гибели дистанции” между людьми. В период с 1995 по 2014 гг. распространение по Интернету увеличилось от 0 до 40 человек на 100 человек, хотя и распространение неравномерно. Количество подключений к мобильным операторам к 2016 г. стало больше, чем населения [1]. Таким образом, существует глобальный доступ к различным культурам и любой информации, которая приводит к изменению потребительских предпочтений даже при отсутствии физической мобильности населения.

К политическим факторам активизации миграции потребительской культуры относят:

- Отмена системы паспортного и таможенного контроля в некоторых регионах (Европейский союз, Евразийский экономический союз и т. д.). Влияние данного фактора можно проследить на примере Шенгенской Зоны в Европе. В период с 1990 по 2015 гг. внутренняя миграция в ЕС увеличилась с 27 до 40 млн человек, что составило больше половины всех миграционных потоков в Европе в 2015 г. [1]. Поскольку население весьма разнообразно с точки зрения страны происхождения, этнического и религиозного происхождения, культурных традиций и языков (Северная, Западная, Южная Европа) (даже без учета культур прибывающих международных мигрантов), то интенсификация внутренней миграции способствует трансформации потребительских предпочтений из-за столкновений с разными культурами, религиями, традициями.

- Ослабление барьерных функций государственных границ.

- Политические и экономические кризисы (мировой финансовый кризис 2008 г., “Арабская весна” 2010–2011 гг. и т. д.).

- Войны, международные конфликты, теракты (Гражданская война в Сирии с 2011 г., Гражданская война в Ираке с 2011 г., войны в Афганистане 2001–2014, 2015 гг., расширение территорий под контролем Исламского государства и т. д.).

В последнее десятилетие число людей, мигрирующих в результате последних двух факторов, резко возросло. Несмотря на то, что большая часть перемещений происходит внутри стран, число людей, ищущих убежище за пределами страны рождения, также значительно уве-

личилось. С 2012 по 2016 гг. число беженцев, зарегистрированных Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, выросло с 10,5 до 17,2 млн человек, при этом 75% миграции обусловлены гражданской войной в Сирии. С 2014 по 2016 гг. 48% всех лиц, просящих убежища, были зарегистрированы в ЕС [9]. В период с июля 2015 г. по май 2016 г. доля иммигрантов возросла в Швеции, Венгрии, Австрии и Норвегии минимум на 1 процентный пункт. Этот рост может показаться небольшим, однако такое увеличение за 1 год происходит редко, особенно в западных странах (для сравнения доля иммигрантов в численности населения США увеличилась примерно на 1 пункт за десятилетие, с 13% до 14% в период с 2005 по 2015 гг.). В 2016 г. Германия получила большее число ходатайств от лиц, просящих убежище, чем любая другая страна в мире. Только из-за большой численности населения доля иммигрантов выросла примерно на 0,7 процентных пункта до 15,6% в 2016 г., что существенно, но меньше, чем в других европейских странах [10]. Учитывая тенденции, которые показывают, что в настоящее время беженцы остаются дольше в принимающей стране, чем ранее, из-за затяжных конфликтов, а также географическое распределение, можно говорить о значительном влиянии таких потоков на активизацию миграции потребительских культур, поскольку большая часть беженцев и лиц, просящих убежище, из развивающихся стран с культурой, ценностями, религией значительно отличающимися от культуры и религии принимающих стран (беженцы из Сирии, Афганистана, Ирака в страны ЕС), что оказывает влияние на потребительские предпочтения как прибывших, так и населения принимающих стран.

Международными факторами являются:

- Образование интеграционных объединений.
- Стандартизация. При получении товаров международного или регионального сертификата, открываются новые рынки сбыта этого товара. Чем больше товар или услуга отличается от товаров или услуг в импортирующей стране, тем в большей степени могут измениться потребительские предпочтения местного населения и активизация миграции потребительской культуры через этот товар или услугу (например, через проведение маркетинговой политики по продвижению товара или услуги). Хорошим примером является значительный рост и расширение географии продаж товаров и услуг халяльного и кошерного сегментов мирового рынка, которые потребляются населением не по причинам религии.

Географическим фактором активизации миграции потребительских культур можно считать природные катастрофы и изменение климата. В период с 2008 по 2016 гг. природные бедствия приводили к перемещениям, включая внутренние, 25,3 млн человек ежегодно [9].

Заключение

Таким образом, совокупность всех факторов и их взаимосвязь и влияние друг на друга приводят к столкновению населения разного этноса, культур, религий, ценностей и последующей глубокой трансформации их потребительских предпочтений и активизации миграции потребительских культур. Миграция потребительских культур становится все более интенсивной, на данный процесс оказывает влияние множество факторов, взаимопереплетение которых носит все более глобальный и сложный характер, к тому же сами факторы имеют тенденцию как минимум к сохранению той же динамики развития. Это позволяет делать вывод о дальнейшей активизации процесса миграции потребительских культур, необходимости и важности проведения количественной оценки его влияния на экономику стран, принимающих мигрантов, учета при разработке стратегических направлений развития национальными компаниями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World Migration Report 2018 / International Organization for Migration. – 2017. – 364 p. – Mode of access: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf. – Date of access: 20.05.2018.
2. Connor, P. International migration: Key findings from the U.S., Europe and the world / P. Connor // Pew Research Center [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/12/15/international-migration-key-findings-from-the-u-s-europe-and-the-world/>. – Date of access: 06.05.2018.
3. Lopez, G. Key findings about U.S. immigrants / G. Lopez, K. Bialik // Pew Research Center [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/05/03/key-findings-about-u-s-immigrants/>. – Date of access: 08.05.2018.

4. **Rivera, S.** The Cultural Move: Impact of Mexican Migration on Today's American Food / S. Rivera // Yale National Initiative, Yale University [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: http://teachers.yale.edu/curriculum/viewer/initiative_14.03.04_u. – Date of access: 01.05.2018.
5. Yum! Brands 2015 Annual Report // Yum! Brands, Inc. [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: http://www.yum.com/app/uploads/2015YumBrands_AnnualReport.pdf. – Date of access: 20.04.2018.
6. Why everyone is so keen to agree new trade deals // The Economist [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <http://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2015/10/global-trade-graphics>. – Date of access: 20.04.2018.
7. **Glazer, N.** Beyond the Melting Pot / N. Glazer, D.P. Moynihan. – Cambridge: MIT Press & Harvard University Press, 1963. – 363 p.
8. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050 // Pew Research Center [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/>. – Date of access: 20.04.2018.
9. Trends shaping migration / European Political Strategy Center. – 2017. – 26 p. – Mode of access: https://ec.europa.eu/epsc/sites/epsc/files/epsc_-_10_trends_shaping_migration_-_web.pdf. – Date of access: 21.04.2018.
10. **Connor, P.** Immigrant share of population jumps in some European countries / P. Connor, J. M. Krogstad // Pew Research Center [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/06/15/immigrant-share-of-population-jumps-in-some-european-countries/>. – Date of access: 01.05.2018.

Поступила в редакцию 07.06.2018 г.

Контакты: oksana.serguienia@gmail.com (Сергиеня Оксана Сергеевна)

Sergiyenia O. MIGRATION OF CONSUMER CULTURES IN MODERN WORLD ECONOMY: ACTIVATING CAUSES AND FACTORS.

The reasons underlying the migration of consumer cultures in the world economy are defined in the article. The factors activating the process in the present context are identified and systematized. These factors should be taken into account when forecasting changes of consumers' preferences, dynamics and structure of demands for goods and services and of their consumption.

Keywords: migration of consumer cultures, factors activating migration of consumer cultures, consumer cultures, changes of consumers' preferences.

УДК 321.01(476)

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н. А. Барановский

доктор социологических наук

главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси

В статье раскрывается сущность, структура и функции современной белорусской государственности, а также место и роль политико-культурного кода как идеологического ядра политической системы. Особое внимание уделяется национальной идее – стратегическому духовно-нравственному ориентиру общественного развития Республики Беларусь. На основе социологического анализа базовых принципов и ценностей, составляющих сущность политической культуры, выявлены актуальные проблемы и определены перспективы дальнейшего социально-политического развития страны.

Ключевые слова: белорусская государственность, политико-культурный код, национальная идея, социально-политическое развитие.

Введение

Современное белорусское общество – общество переходного типа, находящееся на исторической стадии системной трансформации экономических, политических и культурных институтов, перехода от социалистических общественных отношений к социально ориентированной рыночной экономике и демократической политической системе. Социальным событием, послужившим основным детерминирующим фактором и исходной точкой трансформации белорусского общества, является распад СССР и крах мировой социалистической системы, которые произошли в начале 90-х гг. прошлого столетия и обусловили формирование на постсоветском пространстве множества суверенных государств, в том числе и Республики Беларусь.

Основная часть

Результаты мониторинговых социологических исследований, проводимые Институтом социологии и другими социологическими учреждениями, анализ статистики и научной литературы свидетельствуют, что за 25-летний период самостоятельного существования Республика Беларусь добилась значительных успехов в социально-экономическом, политическом, социальном и культурном развитии. В частности, в отличие от кризисных 90-х гг., в настоящее время в развитии белорусского общества наступил период стабилизации и активного созидания предпосылок перехода в стадию устойчивого инновационного развития и построения постиндустриального общества. Развивается процесс экономической интеграции Беларуси, России и Казахстана. Беларусь активно участвует в построении новой модели полиполярного мироустройства. Возросло количество людей со средним уровнем материального достатка. Изменились социально-политические ориентации населения. Так, если в 90-х гг. под словом “демократия” в общественном мнении преимущественно понималось установление порядка и обеспечение благополучия, то в настоящее время – это, прежде всего, соблюдение прав человека (48%), обеспечение свободы слова, прессы, вероисповедания (44%), равенство и социальная справедливость (36%), стабильность и порядок (35%), возможность участвовать в политической жизни страны (22%) (данные социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре 2013 г.). В последнее десятилетие отчетливо проявляется тенденция снижения элементов напряженности и возрастания социально-политического оптимизма в обществе, что создает предпосылки для дальнейшего развития Республики Беларусь по пути демократии и гражданского общества. По данным опроса, проведенного в июле 2014 г., абсолютное большинство населения (75%) полагает, что с момента обретения государственной независимости Республика Беларусь

состоялась как независимое и самостоятельное государство. Чувство гордости за Беларусь у населения страны в наибольшей степени вызывают такие политические события, как “обеспечение мирного развития страны” – 41%, “стабильность в стране” – 31%, “достижение государственного суверенитета” – 26%, “укрепление авторитета страны на международной арене” – 13%, “создание ЕврАзЭС” – 10%, “сплочение людей вокруг идеи государственного суверенитета” – 8%, “построение социально ориентированного государства” – 7% и др. Прогнозируя реальные социально-политические контуры Беларуси третьего десятилетия XXI в., население страны выделяет следующие основные особенности: сохранение государственной независимости и территориальной целостности – 63,0%; страна с развитой национальной культурой и традициями – 58%; страна, обладающая эффективными современными технологиями и развитой наукой – 45%; построение демократического и правового государства – 41%; государство законности и порядка, справедливости и солидарности, партнерства и ответственности – 39%; социально справедливое общество – 38%; страна с высоким уровнем жизни – 37% [1].

Несмотря на все эти позитивные изменения, в настоящее время имеются и насущные общественные проблемы, требующие своего адекватного и эффективного решения. Во-первых, трансформационные изменения в экономической, политической, социальной и культурной сферах современного белорусского общества имеют различную динамику и противоречивый характер политико-идеологической направленности, который проявляется в хаотичном соединении элементов прежних социалистических общественных отношений и новых ценностей и процессов, что существенно препятствует последовательному движению по пути устойчивого развития и созидания нового общества. Во-вторых, в современном белорусском обществе имеет место рассогласованность и дисбаланс между потребностями экономики, социальной сферы и культуры в трансформационном динамичном и интенсивном развитии и сложившейся в кризисные 90-е гг., но все еще действующей, централизованной административной системой государственного управления социумом. В-третьих, отмечается углубление несоответствия между недостаточно высоким уровнем развития демократии, правового государства и гражданского общества, с одной стороны, и динамично растущим качеством жизни, уровнем политической, правовой и духовной культуры, а также новыми социальными стандартами, ценностными ориентациями и социальными ожиданиями населения, с другой стороны.

Вышеперечисленные рассогласованности и дисбалансы могут перерасти в социальные противоречия с негативными экономическими, политическими и другими последствиями для общества. В связи с этим актуальной и социально востребованной научной проблемой является политико-социологическое исследование состояния, глубины и социальной напряженности рассогласованности и дисбаланса в динамике и характере стратегического развития экономики, политики, социальной сферы и культуры. Важным является также разработка путей, социальных и правовых механизмов нейтрализации и устранения этих дисбалансов, прежде всего посредством научно обоснованной модернизации современной белорусской государственности и развития гражданского общества, которые должны оптимально сочетать социальные инновации и учитывать культурноисторические особенности развития Беларуси.

В контексте политической социологии современная белорусская государственность – это делегированное народом социально-политическое право и конституционная обязанность государства на нормативно-правовой и легитимной основе посредством системы политических институтов и социально-политических механизмов эффективно осуществлять политиковластное управление экономической, политической, социальной и культурной сферами общественной жизни в интересах устойчивого и прогрессивного развития социума.

Результаты мониторинговых социологических исследований, проводимые Институтом социологии НАН Беларуси в последние два десятилетия, свидетельствуют, что дальнейшее развитие современного белорусского общества, в соответствии с доминирующим общественным мнением, требует ориентации не на революционные перемены, а последовательное эволюционное обновление, которое, вместе с тем, не исключает, а даже предполагает фундаментальные структурные преобразования, социальные прорывы и ускорения.

Социологические опросы населения свидетельствуют, что актуальной социальной потребностью является модернизация политической системы – оптимально сочетающий социальные инновации и преемственность, эволюционный процесс системных преобразований базовых

принципов, структуры и форм деятельности органов государственной власти и управления, политических партий, общественных формирований и граждан в направлении дальнейшей демократизации государственного управления и формирование гражданского общества, повышения эффективности социально-политического управления, обеспечения социального порядка и устойчивого прогрессивного развития социума. По данным социологического опроса, проведенного в ноябре 2013 г., 44% респондентов полагают, что существующая в стране политическая система нуждается в модернизации. Наиболее важными переменами, востребованные обществом, в контексте модернизации политической системы страны, по мнению населения, являются: усиление ответственности руководителей всех уровней за принятые решения (46%); повышение эффективности и открытости работы государственного аппарата (44%); установление контроля доходов и расходов чиновников (40%); учет общественного мнения при управлении государством (34%); децентрализация власти и управления, развитие местного самоуправления (11%); введение прямых выборов руководителей местных органов власти и управления (18%); привлечение общественных организаций к принятию политических решений и управлению государством (12%); переход на выборах в Парламент к голосованию, как по отдельным кандидатам, так и по партийным спискам (к смешанной системе выборов) (10%); учет мнения оппозиции при принятии политических решений и управлении государством (8%) и др.

Социологические опросы свидетельствуют, что большинство населения страны (72%) проявляют интерес к политическим событиям в Беларуси, 61% – к событиям в ближнем зарубежье, а 52% – в странах дальнего зарубежья. Практическая политическая активность населения страны является достаточно высокой: в общественно-политической жизни принимает участие около 70% респондентов, наиболее активно она проявляется на выборах Президента Республики Беларусь, выборах в местные Советы депутатов и Парламент. В деятельности политических партий принимает участие только 1% опрошенных, в обсуждении законопроектов – 2%. К сторонникам какой-либо партии относят себя только 3,6% опрошенных. По мнению населения, в стране должны действовать сильные политические партии (47%). Они необходимы, прежде всего, для того, чтобы выражать и защищать интересы граждан (33%), бороться с бюрократизмом, коррупцией и произволом чиновников (22%), содействовать повышению государственного управления (22%), обеспечивать наличие политической конкуренции и возможности выбора политических лидеров (18%), контролировать работу органов государственной власти и управления (16%), обеспечивать развитие демократии (14%). Большинство опрошенных полагает, что в стране должны функционировать не одна, а несколько больших политических партий, которые бы работали, опираясь на собственные материальные ресурсы, без помощи со стороны государства (соответственно 21 и 45%). При этом ни Президент, ни премьер-министр, по мнению многих, не должны быть лидерами каких-либо партий. Население страны склоняется к тому мнению, что в настоящее время нецелесообразно переходить к формированию Парламента по партийным спискам, предпочтение отдается мажоритарной пропорциональной системе выборов, что является естественным в условиях неразвитости партийного строительства и утраты доверия населения к политическим партиям, которое сохраняется с советского времени. Вместе с тем, население полагает, что в Парламенте страны могут и даже должны быть представлены оппозиционные политические партии.

По данным социологического опроса 2013 г. наиболее оптимальной формой государственного правления в современной Беларуси является Президентско-парламентская Республика (примерно паритетное распределение власти между Президентом и Парламентом) – 47% опрошенных (за Президентскую Республику – 17%, за Парламентскую Республику – 6%). В области политической идеологии в настоящее время имеет место плюрализм политических взглядов и убеждений. По данным опроса, проведенного в ноябре 2013 г., приверженцами социал-демократической идеологии называют себя 29% опрошенных, социалистической – 24%; либерально-демократической – 24%. Пятая часть опрошенных (20%) – не разделяет идеи и принципы никаких политических течений, что свидетельствует об индифферентности и неопределенности их политических взглядов, а 18% – затруднились ответить на данный вопрос. В этих условиях можно сделать вывод, что, формирование политической идеологии белорусского государства как идейно-стратегической основы функционирования системы государственной власти и управления, при сохранении принципа идеологического плюрализма, разделения властей, демократической

избирательной системы и многопартийности, является важной и актуальной социально-политической задачей современного белорусского государства.

Гражданское общество в общественном сознании современных белорусов ассоциируется со свободой личности и обеспечением прав человека (52%), активным участием граждан в работе органов власти и управления (42%), гласностью и доступностью информации о положении дел в стране (42%), свободой политических взглядов и убеждений (26%), наличием независимых средств массовой информации (19%), независимыми профсоюзами (16%), конструктивным сотрудничеством политических партий, общественных организаций и государства (13%), привлечение общественных организаций к принятию политических решений и управлению государством (9%) [2].

Важной сущностной социально-политической характеристикой современного белорусского общества является его политико-культурный код. В соответствии с действующей Конституцией РБ, которая закрепила за Республикой Беларусь социально-правовой статус демократического социального правового государства, основу политико-культурного кода современного белорусского общества составляют следующие фундаментальные общественно-политические принципы, ценности, нормы и социальные практики:

- 1) народовластие, при котором народ – источник и основной субъект государственной власти и управления;
- 2) человек, его права, свободы и гарантии реализации – высшая ценность и цель общества и государства;
- 3) равноправие граждан, социальных групп, общностей и организаций в политической и других сферах общественной жизни;
- 4) выборность основных органов государства в процессе периодических прямых, альтернативных и свободных выборов;
- 5) разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, а также их независимость друг от друга;
- 6) верховенство права и закона, перед которыми все равны и которые обязаны соблюдать все государственные органы и граждане;
- 7) наличие экономического, политического, идеологического, культурного и другого плюрализма;
- 8) открытость, доступность и гласность государственной и общественной жизни, включая свободу дискуссий, критики, политической оппозиции, в том числе наличие механизма контроля со стороны народа за положением дел в государстве и обществе;
- 9) учет общественного мнения и научных достижений при принятии важных государственных решений;
- 10) наличие независимых от государства средств массовой информации [3; 4].

Таким образом, идеологическая сущность и ценностно-смысловое содержание политико-культурного кода современной Беларуси проявляется в следующих фундаментальных социально-политических принципах и ценностях:

- 1) демократия, политические права и свободы человека;
- 2) социальное развитие и социальная справедливость;
- 3) верховенство права и правопорядок.

Социологическое изучение общественного мнения – “гласа народа” и формы массового общественного сознания, отражающего жизненные потребности, интересы, ценности, привычки, образ жизни и менталитет народа, которое выражается в социальных представлениях, оценках и суждениях граждан по различным вопросам экономической, политической, социальной и культурной жизнедеятельности социума, в теории и социальной практике используется как критерий оценки эффективности деятельности социальных субъектов, функционирования социальных институтов и общества в целом, а также как социальный механизм их совершенствования и развития.

Социологическое измерение уровня присутствия в общественном сознании, в действующей политической системе и в социально-политической практике базовых политико-культурных принципов и ценностей современного белорусского общества позволяет не только выявить актуальные социально-политические проблемы, общественно-политические ожидания населе-

ния, но также определить перспективы и пути дальнейшего социально-политического развития Беларуси.

Важным социологическим показателем *уровня демократического развития белорусского государства и общества* выступает то, насколько современное белорусское государство, как главный социальный субъект политической системы, является народным, то есть в какой мере в организации и деятельности органов государственной власти и управления учитываются и выражаются базовые жизненные потребности и интересы граждан, социальных групп, страт и классов, а также в какой степени граждане имеют возможность и практически принимают участие в политической жизни и управлении государством и обществом. По данным репрезентативного социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси летом 2016 г., в общественном сознании доминирует ориентация на необходимость дальнейшего развития демократии, а также обеспечение и защиту прав и свобод человека (68,9% опрошенных придерживаются такого мнения и только 11,9% – акцент делают на актуальную необходимость поддержания порядка и дисциплины в обществе). При этом третья часть опрошенных (35,5%) полагает, что развитие Беларуси в ближайшем будущем должно осуществляться эволюционным путем, то есть плавно и постепенно. Однако, по мнению примерно такого же количества граждан (31,0%), сегодня назрела социальная необходимость и общественная востребованность в глубоких качественных переменах и реформах, как в политической, так и экономической и социальной сферах жизнедеятельности белорусского общества в плане развития демократии, институтов гражданского общества и социально ориентированной рыночной экономики. В частности, по мнению населения, модернизация политической системы необходима для того, чтобы обеспечить повышение уровня благополучия и качества жизни населения (31%), снизить уровень коррупции среди чиновников (15%), уменьшить бюрократизм в органах власти и управления (14%), обеспечить большую социальную справедливость (11%), стимулировать развитие демократии и формирование гражданского общества (10%).

Социологические исследования свидетельствуют, что в общественном сознании современных белорусов, одновременно с сохранением государственно-патерналистских социальных ожиданий и рассмотрением государства как главного политического субъекта и гаранта социального благополучия населения, все более утверждается социальная ориентация на личную инициативу и ответственность за свою судьбу (84,8% опрошенных полагает, что улучшение жизни зависит от их самих, и только 54,6% связывает улучшение своей жизни с государством). По мнению населения, в деятельности органов государственной власти и управления в настоящее время имеется много недостатков, которые необходимо преодолевать: волокита (44,1%), невнимание к гражданам (39,2%), использование должности в личных целях (37,8%), непрофессионализм (28,7%), взяточничество, коррупция (27,4%), принятие решений в обход закона (20,4%). Многие респонденты высказывают неудовлетворенность работой органов государственной власти и управления (по мнению 27,0% опрошенных государство практически не помогает им справляться со своими жизненными проблемами, 15,2% полагает, что обращение в местные органы власти для защиты своих прав является неэффективным, 27,0% – неэффективным признают свое участие в выборах и референдумах, а 28,0% – участие в деятельности политических партий). По данным социологического опроса 52,5% респондентов не чувствуют себя защищенными от произвола чиновников. Большинство населения недостаточно активно участвует в работе органов местного государственного управления и самоуправления, проявляет пассивность и недоверие к политическим партиям и общественно-политическим движениям, что свидетельствует о недостаточном уровне развития институтов гражданского общества.

Учитывая вышеизложенные общественно-политические настроения и ожидания населения страны, следует полагать, что процесс совершенствования белорусской государственности и развития политической культуры современного белорусского общества целесообразно осуществлять в направлении дальнейшего развития демократии, обеспечения прав и свобод гражданина, открытости и публичности политических институтов, повышения социальной эффективности деятельности органов государственной власти и управления, развития местного самоуправления, формирования институтов гражданского общества и стимулирования гражданской активности населения.

Социологическим показателем *уровня развития социально-правового института прав и свобод человека в современном белорусском государстве и обществе* выступает, прежде всего,

степень личностной и социальной значимости конкретных конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также в какой мере государство и общество создают условия и обеспечивают гарантии для социально-практической реализации прав и свобод человека и гражданина. Социологические опросы показывают, что в системе базовых жизненных ценностей современных белорусов доминируют такие общечеловеческие ценности как жизнь и здоровье, семья и дети, материальное благополучие. В перечень наиболее значимых политических прав и свобод современного белорусского общества входят: свобода слова, мнений и убеждений (61%), право обжаловать незаконные действия властей (50%), право избирать государственные органы (45%), право на обращения в органы власти и управления (39%), право на информацию о работе органов власти и управления (31%) и др. По результатам опроса население страны больше всего ценит следующие социальные институты, принципы и блага: права человека (47%), свободу и независимость личности (32%), социальную защиту граждан (29%), социальную справедливость (28%), социальное равенство (27%), социально ориентированную экономику (19%), веру в Бога и религиозные ценности (19%), частную собственность и свободу предпринимательства (18%), выборность органов власти и управления (15%).

Социологическим показателем *уровня социального развития и социальной справедливости современного белорусского государства и общества* выступает то, насколько они являются человеком-ориентированными, то есть проявляется забота о людях, создаются доступные и равные благоприятные условия для их жизнедеятельности в сфере труда, гражданской активности, семьи и досуга, стимулируется их личностное и социальное развитие. Результаты социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в октябре 2017 г., показывают, что по уровню материальной обеспеченности население страны стратифицируется следующим образом: обеспеченных – 5,3%, с достатком выше среднего уровня – 10,8%, среднеобеспеченных – 44,0%, ниже среднего уровня обеспеченности – 21,7%, необеспеченных – 17,0%. При этом свою теперешнюю жизненную ситуацию 10,6% опрошенных оценивают “все более чем нормально”, 31,6% – “все не так плохо и можно жить”, 40,6% – “жить трудно, но можно терпеть”, 9,0% – “положение бедственное, терпеть уже невозможно” (7,8% – затруднились ответить). На ближайшее будущее 32,1% опрошенных высказывают надежду, что их жизнь изменится к лучшему, 27,3% – что жизнь останется без изменений, а 12,8% – что их жизнь изменится к худшему (27,3% – затруднились ответить). По данным опроса 64,8% граждан сегодня не чувствуют себя защищенными от бедности, что создает благоприятную почву для социальной неудовлетворенности, социальной напряженности и протестных настроений. Наибольшее неудовлетворение население страны высказывает следующими сторонами жизни: уровнем материальной обеспеченности – 55,9%, состоянием своего здоровья и здоровья своих близких – 37,0%, качеством медицинского обслуживания – 33,5%, жилищными условиями – 31,5%, условиями для самореализации – 29,3%, соблюдением прав и свобод в обществе – 25,4%, условиями проведения свободного времени – 25,2%, своей работой, учебой – 24,9, безопасностью о преступности – 20,2% и др. В целом же удовлетворены своей жизнью 58,0% опрошенных, 15,2% – не удовлетворены (20,0% – затруднились ответить). Таким образом, уровень социальной справедливости и социального развития белорусского государства и общества является пока еще недостаточно высоким, имеется много проблемных областей, которые требуют первоочередного решения и активного участия, как государства, общественности, так и каждого человека.

Социологическим показателем *уровня правопорядка белорусского государства и общества, а также степени реализации принципа верховенства права* выступает то, насколько в стране сложилась и развита нормативно-правовая система, основанная на общечеловеческих и традиционных, нравственных принципах и ценностях, а также адекватная современным потребностям и перспективам общественного развития. Большое значение имеет изучение степени соблюдения в обществе законов и других правовых актов, а также как на практике действует принцип равенства всех граждан перед законом и судом, каков уровень развития правовой культуры населения. Социологический опрос, проведенный Институтом социологии НАН Беларуси летом 2016 г., показал, что в общественном мнении социальная справедливость ассоциируется, прежде всего, с принципом равенства всех граждан перед законом (на это указало 37,0% опрошенных). Следует отметить достаточно высокий уровень правовой культуры и правомерного поведения населения страны (по мнению 68,5% опрошенных, все граждане должны соблюдать

законы, и только 14,2% – допускает возможность не соблюдать и “обходить” законы). Вместе с тем, имеет место невысокий уровень эффективности правоприменительной деятельности и работы правоохранительных органов: по мнению 9,8% опрошенных, обращение граждан в суд является неэффективным, 46,3% не чувствуют себя защищенными от произвола правоохранительных органов, а 46,8% – не защищены от преступности.

На основе анализа результатов социологических опросов общественного мнения, следует признать, что, несмотря на правильно взятый стратегический курс на построение демократического социального правового государства и гражданского общества, современный уровень развития демократии, социальной и правовой системы не в полной мере соответствует динамично растущим социальным ожиданиям населения, уровню политической, правовой и духовной культуры граждан, а также актуальным потребностям современного белорусского общества, находящегося в историческом периоде трансформационного развития. Выявленные политические, социальные и правовые реалии и проблемы целесообразно учитывать в современной социальной практике реализации базовых политико-идеологических принципов демократии, прав и свобод человека, социального развития и социальной справедливости, правопорядка и верховенства права, которые составляют сущность и ценностно-смысловое содержание политико-культурного кода современного белорусского общества.

Модернизацию политической системы не следует сводить только к изменению структуры, функций, компетенции и численности органов государственной власти и управления. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что важным направлением работы должна быть децентрализация системы государственного управления и развитие местного самоуправления. Местное самоуправление – основа демократического общества, неотъемлемая часть политической системы и одновременно важнейший институт гражданского общества. Органы местного самоуправления укрепляют публичную власть, делают ее более гибкой и эффективной, так как являются доступными для людей, максимально приспособлены к использованию имеющихся ресурсов для удовлетворения потребностей населения. Социально-правовой статус местного самоуправления закреплён в Конституции Республики Беларусь и Законе Республики Беларусь “О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь” от 4 января 2010 г. В ст. 1 Закона местное самоуправление определяется как форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые им органы социальных, экономических и политических вопросов местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц. На практике местное самоуправление осуществляется через Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах. Наравне со структурами местного самоуправления функционируют органы местного государственного управления в лице исполкомов и администраций местных органов исполнительной и распорядительной государственной власти. Согласно ст. 1, 9 и 21 Закона Республики Беларусь “О местном управлении и самоуправлении” Советы депутатов являются одновременно органами местного самоуправления и представительными государственными органами, непосредственно избираемыми населением. Деятельностью Совета руководит председатель, который подотчетен Совету, его избравшему, но который при этом является государственным служащим. Исполнительные и распорядительные органы местного управления, согласно ст. 38 Закона, являются органами государственной власти, которые подотчетны и подконтрольны Президенту Республики Беларусь, Совету министров Республики Беларусь и вышестоящим исполкомам. По вопросам, отнесенным к компетенции местных Советов исполкомы подотчетны соответствующим Советам. Председатели исполкомов всех уровней назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Республики Беларусь с последующим утверждением на сессии местного Совета депутатов.

Таким образом, в нашей стране на местном уровне функционирует смешанная государственно-общественная модель местного самоуправления, с преобладающим правом государственных структур по практическому решению вопросов местного значения. Система местного самоуправления Республики Беларусь не является исключением из общепризнанного стандарта и международной практики. Такая же модель местного самоуправления с различными вариаци-

ями существует в ряде других стран – в Германии, Австрии, Японии, в отдельных постсоциалистических и развивающихся странах. В некоторых странах (Великобритании, США, Канаде, Индии, Австралии, Новой Зеландии) функционирует так называемая англосаксонская система местного самоуправления, которая характеризуется наличием автономного местного самоуправления на всех административно-территориальных уровнях. Органы местного самоуправления издают нормативно-правовые акты, устанавливают и взимают местные налоги, организуют местные услуги, включая транспорт, торговлю, организуют строительство, охраняют памятники культуры, истории и т. д. Эта модель организации местного самоуправления построена на общественной теории муниципального управления. В ряде стран функционирует так называемая континентальная (французская) система местного самоуправления, которая построена на прямом государственном управлении на местах, дополненном элементами общественного самоуправления. В основе данной модели лежит государственная теория местного самоуправления, согласно которой любая деятельность по управлению, осуществляемая субъектами публичных прав и обязанностей, есть деятельность государственная. Европейская Хартия местного самоуправления, принятая Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы 15 октября 1985 г., рассматривает местное самоуправление как важный институт демократии и исходит из общественной теории местного самоуправления. В соответствие с ней органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, они являются автономными и самостоятельными, а коммунальная собственность наряду с государственной и частной собственностью является одной из форм собственности, закрепленной в Конституции страны. Система местного самоуправления должна ориентироваться на максимальное вовлечение местного сообщества в управление местными делами. Особенности, присущие белорусской государственно-общественной системе местного самоуправления с доминированием права государственных структур по практическому решению вопросов местного значения, в настоящее время не позволяют Республике Беларусь присоединиться к Европейской Хартии местного самоуправления. Они являются в некоторой степени наследием советской модели организации местной власти, а также связаны с современными историческими условиями становления и эволюционного развития белорусской государственности. В трансформационные и кризисные 90-е гг. построение системы местного самоуправления на принципах государственно-общественной теории было в значительной степени целесообразным и оправданным. Однако спустя двадцать лет в современных условиях экономической, политической и социальной стабилизации, укрепления основ белорусской государственности данная модель местного самоуправления нуждается в модернизации в плане ее децентрализации и демократизации, что в последние годы неоднократно отмечалось Президентом Республики Беларусь. Данный вывод подтверждается результатами социологического опроса, проведенного в ноябре 2013 г., согласно которым только 26% респондентов удовлетворены уровнем развития местного самоуправления. Каждый десятый респондент полагает, что децентрализация государственного управления и развитие местного общественного самоуправления является важным направлением демократизации белорусского государства, а 28% – согласны в свое свободное время принимать активное участие в работе органов местного самоуправления. По мнению граждан, в плане развития местного самоуправления в стране целесообразно активно привлекать граждан к работе органов местного самоуправления (22%), шире освещать в СМИ их работу (22%), ограничить власть местной бюрократии (18%), морально и материально поощрять местных активистов (18%), создавать механизмы реального влияния местного самоуправления на выборы и работу органов государственного управления (11%), оказывать образовательную, материальную и другую помощь органам местного самоуправления (11%), принять новый Закон о местном самоуправлении (7%) и расширить права органов местного самоуправления (7%) [5].

Заслуживают поддержки предложения некоторых белорусских ученых-юристов о необходимости более четкого законодательного разграничения понятий “местное самоуправление” и “местное государственное управление”, а также определения их компетенции, форм подотчетности и взаимодействия. По их мнению, органы местного самоуправления должны быть максимально самостоятельными в решении вопросов местного значения, иметь право на коммунальную собственность, то есть быть полноценными институтами правового государства и гражданского общества, функционировать на началах паритетного взаимодействия с органами

государственной власти и управления. Возможно также рассмотрение вопроса о внесении изменений в административно-территориальное деление страны [6].

Важным компонентом политической культуры современного белорусского общества является национальная идея. Национальная идея – это политикоидеологический и социокультурный феномен, который формируется в общественном сознании путем длительной исторической эволюции на основе синтеза представлений и социальных ожиданий народа о социально-экономическом, политическом и культурном развитии белорусского государства и общества в прошлом, настоящем и будущем, а также выступает в качестве стратегического духовно-нравственного ориентира общественного развития. Исходя из идейно-политической и духовно-нравственной природы и сущности национальной идеи, особенностей и перспектив современного исторического периода в развитии Беларуси, а также общественных настроений и мнений, следует полагать, что новая национальная идея современного белорусского общества должна быть интегративным и системообразующим выражением национального ментально-культурного прошлого, государственно-суверенного настоящего и самодостаточного, демократического, духовно-культурного будущего Беларуси. По нашему мнению, в качестве новой национальной идеи современного белорусского государства и общества может выступать следующий политико-культурный идеал: *“Гражданственность. Достоинство. Духовность”* [7]. Именно эти политико-идеологические и социокультурные ценности и стратегические цели, составляющие аксиологическую и социально-практическую квинтесценцию политической культуры современного белорусского общества, представляются наиболее актуальными и социально востребованными белорусским народом. На их основе должны базироваться политическая идеология современного белорусского государства, национальное законодательство, деятельность органов государственной власти и управления, а также практика экономического, политического, социального и культурного развития современного белорусского общества на ближайшие десятилетия.

Заключение

Политико-социологический анализ состояния и тенденций развития современной белорусской государственности, включая характеристику ее сущности и уровня развития, особенностей политикокультурного кода и национальной идеи, свидетельствует об актуальной необходимости ускорения процесса их дальнейшего развития. Это касается, прежде всего: а) выбора стратегической цели и пути сбалансированного и устойчивого социально-экономического, политического, социального и культурного развития белорусского общества; б) демократизации политической системы, особенно местного самоуправления и развития институтов гражданского общества; в) формирования государственной идеологии, развитие политической культуры и социально-политической активности граждан; г) утверждения в общественном сознании и социальной практике базовых жизнеутверждающих ценностей: гражданственности, свободы, достоинства, духовности и самореализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Барановский, Н. А.** Социально-политическая ориентация населения в современном белорусском обществе / Н. А. Барановский [и др.] // Беларусь на пути в будущее: социологический анализ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Ин-т социологии НАН Беларуси, 2015. – Р. 1.2. – С. 27–32.
2. **Барановский, Н. А.** Социодинамика и перспективы развития политической системы современного белорусского общества. // Н. А. Барановский, Социологический альманах. Вып. 6. Ин-т социологии. – Минск : Белорусская наука, 2015. – С. 54–64.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года и изменениями и дополнениями 24 ноября 1996 и 17 октября 2004 г. [Electronic resource]. – Mode of access: tamby.info/zakon/konstitutsija.htm. – Date of access: 22.02.2018.
4. **Барановский, Н. А.** Социально-политическая ориентация населения в современном белорусском обществе / Н. А. Барановский [и др.] // Беларусь на пути в будущее: социологический анализ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Ин-т социологии НАН Беларуси, 2015. – Р. 1.2. – С. 26–27.
5. **Барановский, Н. А.** Общественное мнение о деятельности Советов депутатов в Республике Беларусь и мерах по повышению эффективности их работы / Н. А. Барановский // Социальное знание и проблемы интенсификации развития белорусского общества : мат-лы Междун. науч.-практ. конференции (12–13 ноября 2015 г., Минск). НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2015. – С. 117–121.

6. **Василевич, Г. А.** Конституционное право Республики Беларусь : учебник // Г. А. Василевич, Минск. Книжный дом, 2010. – 768 с.; Местное самоуправление и его реформирование в Республике Беларусь // [Electronic resource] – Mode of access: smolsoc.ru/index.php/home. – Date of access: 14.03.2018.
7. **Барановский, Н. А.** Национальная идея в контексте общественного развития Беларуси // Н. А. Барановский, Беларуская думка. – 2017. – № 7. – С. 18–24.

Поступила в редакцию 05.12.2018 г.

Контакты: +375 29-340-30-14 (Барановский Николай Александрович)

Baranovski N. MODERN BELARUSIAN STATEHOOD: ESSENCE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT.

The article reveals the essence, structure and functions of the modern Belarusian statehood, as well as the place and role of the political and cultural code as the ideological core of the political system. Particular attention is paid to the national idea – the strategic spiritual and moral reference point of social development of the Republic of Belarus. Based on the sociological analysis of the basic principles and values that make up the essence of political culture, topical problems are identified and prospects for further socio-political development of the country are determined.

Keywords: *Belarusian statehood, political and cultural code, national idea, socio-political development.*

УДК 316.334.55

СЕЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Н. Е. Лихачев

доктор социологических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье представлены итоги социологического исследования, посвященного состоянию социальной сферы в сельских поселениях. Анализируется система услуг в контексте повседневного бытия сельчан и зависимость потребительских интересов от их материального положения. Продемонстрировано состояние общественного мнения по поводу эффективности социального обслуживания на селе.

Ключевые слова: социальное обслуживание, повседневность, социальное благополучие, социальное здоровье, потребительские интересы.

Введение

Современное состояние аграрной отрасли Республики Беларусь актуализирует исследование факторов, влияющих на повседневную жизнедеятельность сельчан, как основного условия их существования, и направленного на сохранение сельского социума. Сельский житель ныне испытывает определенный психологический стресс, в основе которого лежит противоречие между необходимостью приспособления к новым образцам труда и быта, обусловленных динамичностью общества, и сохраняющимися привычными формами жизнедеятельности. Сложившийся тип жизненного пространства в сельской местности основан на повседневной деятельности по удовлетворению материально-бытовых и духовных потребностей. В традиционном представлении повседневность выступает как непосредственная практическая жизнедеятельность, как обыденное бытие, воспринимаемое индивидами в виде повторяющихся общих условий, значений и смыслов, не подлежащих сомнению.

Основная часть

Как определяет российский исследователь М.К. Горшков, “в контексте житейской трактовки повседневность – это привычные, повторяющиеся формы жизнедеятельности человека, при которых происходит реализация его насущных потребностей. С позиций наиболее распространенной научной интерпретации повседневность понимается как процесс жизнедеятельности индивидов, который разворачивается в общеизвестных ситуациях, на базе самоочевидных ожиданий” [1, с. 57]. Повседневность – это, прежде всего, упорядоченное бытие, ежедневное исполнение привычных действий, направленных на удовлетворение базовых потребностей индивида и его семьи. В силу их обыденности они не являются предметом особого внимания и обозначения в личной жизни. По справедливому замечанию В.С. Вахштайна, “наиболее важные для нас аспекты вещей скрыты из-за своей простоты и повседневности. Их не замечают, потому что они всегда перед глазами” [2, с. 7].

Значимой характеристикой современной социальной жизни является ее переходное состояние от индустриального общества к постиндустриальному, что влияет на содержание повседневности. Стремление к адаптации наталкивается на сохраняющиеся элементы архаизации и традиционные ценности, в результате чего происходит критическое восприятие социально-экономического и политического состояния современного общества на основе ностальгии о прошлой жизни. Известно, что повседневная человеческая деятельность достаточно разнообразна, и состоит из исполнения социальных норм, позитивных или негативных ожиданий, а также преодоления возникающих препятствий на пути к достижению цели. Это находит отражение в том, что социальное самочувствие разных слоев населения отличается разноплановостью действий и способов удовлетворения потребностей. Что собой представляют традиционные формы повседневности, и как влияют современные социальные изменения на различные слои и группы?

При характеристике феномена повседневности необходимо отметить, что основная жизненная стратегия разных социальных групп и слоев населения однозначна и сводится к созданию условий обеспечения благоприятного жизненного бытия. Но возможности и состояние структуры социально-бытового обслуживания различаются, в частности, между горожанами и сельчанами. Качество и благополучие сельского населения, его материально-бытовые условия повседневности существенно отличаются от более комфортного состояния жизнедеятельности в городах, обеспечиваемого развитой инфраструктурой. Как характеризует данную проблему российский исследователь Е.И. Холостова, во многих странах сельским сектором продолжают пренебрегать. “Имеющиеся ресурсы используют для инвестиций в промышленность, поддержание государственных служб, улучшение городской инфраструктуры и условий жизни в городах. Сельскому населению во многих странах все труднее становится уйти от проблем бедности” [3, с. 436].

Удовлетворение повседневных нужд сельчан, благополучие и социальные условия их бытия существенно отличаются от тех, которые предоставляет город. Но принцип социальной справедливости предполагает равнодоступность к социальным услугам независимо от места проживания, и все нуждающиеся должны иметь возможность ими воспользоваться. Обозначенные обстоятельства стали предметом социологического исследования “Состояние и развитие социальной сферы сельских поселений Республики Беларусь” (№ госрегистрации 20161335), проведенного сотрудниками кафедры политологии и социологии Могилевского государственного университета в 2018 году в рамках выполнения задания по Государственной программе научных исследований на 2016–2020 гг. “Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества”. Исследование проведено на основе квотной выборки, охватившей 378 респондентов, ранжированных по полу, возрасту, социально-трудовому положению в соответствии с имеющимися статистическими данными и задачами, обозначенными в программе социологического исследования.

Структура повседневности сложна и многообразна, но основывается она, прежде всего, на исполнении таких обязательных действий, которые позволяют индивиду удовлетворять свои потребности и интересы. Чтобы иметь средства к существованию, сельчанин должен участвовать в процессе труда в общественном производстве или на приусадебном подворье, а также проявлять заботу о семье и близких людях, исполнять повседневные роли в быту и на производстве. Через исполнение ролей и статусных обязанностей индивид общается с другими субъектами, получает от них определенные услуги, предоставляя взамен свою полезную целесообразную деятельность.

Сфера социальных услуг в самом общем виде представляет собой “совокупность отраслей народного хозяйства, продуктом которых является целесообразная деятельность (услуги). В отличие от сферы материального производства сфера услуг не создает потребительских стоимостей, процесс производства услуг почти всегда совпадает с процессом их потребления” [4, с. 382]. Услуги выступают чаще всего в форме непроизводительного труда и подразделяются на индивидуальные и общественные по характеру потребления. С общественных позиций сфера услуг включает торговлю, общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство, пассажирский транспорт и связь, учреждения образования, культуры, социального обеспечения и здравоохранения. Индивидуальные услуги – это такой вид деятельности, который направлен на оказание помощи другому индивиду по преодолению социально-бытовых проблем.

Рассмотрев теоретические основы исследуемой проблемы, перейдем к анализу эмпирических данных и представим реальную картину повседневного бытия жителей сельских поселений. Отношение к социальной реальности у индивида и общностей базируется на уровне материально-бытового положения, на восприятии потребительских условий жизни. Основой материального благополучия являются денежные доходы сельчан, объединенных в семейный бюджет. Размер доходных и расходных статей домашнего бюджета составляет важнейшую характеристику уровня и качества жизни. Какова динамика самоощущения материального положения в сельской местности за последние 15 лет?

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: “К какой категории по материальному положению Вы можете себя отнести?”, %

Варианты ответов	2002 год	2018 год
К хорошо обеспеченным	0	3,2
К среднеобеспеченным	35,2	59,2
К малообеспеченным	49,9	29,9
Затруднились ответить	14,9	7,7

Представленные данные самооценки показывают, что наличествует тенденция роста численности респондентов, удовлетворенных своим материальным положением. В условиях современной сельской действительности набор потребительских запросов достаточно скромнен и сводится к возможности оплачивать продукты питания, коммунальные услуги, иметь приличную одежду, обеспечивать учебу детей и др. Отношение основной части белорусских сельчан к потреблению, как процессу использования социально-экономических, культурных и природных благ в целях удовлетворения жизненных потребностей вряд ли можно назвать престижным (демонстративным). Это потребление носит скорее утилитарный характер, в основе которого лежит принцип реальной полезности.

Вместе с тем итоги социсследования демонстрируют сохранение негативной тенденции наличия значительного слоя малообеспеченных сельчан. Треть сельского населения (29,9%), участвующего в социологическом исследовании, отнесли себя к этой категории. Главная причина бедности этой части сельчан заключается в низкой оплате труда и пенсий. Разумеется, это не означает присутствия абсолютной бедности, ибо наличие приусадебного участка позволяет производить продукты питания. Как показывают расчеты, примерно 27% всех доходов сельского населения в среднем составляет натуральная продукция из своего подсобного хозяйства. Примерно 60% стоимости питания средней сельской семьи составляет продукция из приусадебного участка. Она позволяет поддерживать необходимый минимум питания, но не решает проблему бедности. Как показал социологический опрос, полностью удовлетворенных размером заработной платы оказалось 4,8% респондентов; частично удовлетворенных – 52,1%; полностью неудовлетворенных – 43,1%. Статистические данные о финансовом положении тружеников агросреды показывают, что средний уровень начисленной заработной платы в 2016 г. составил 494,4 тыс. белорусских рублей. Для сравнения: в промышленности 750,9 тыс.; в информации и связи 2033,1 тыс.; в финансовой и страховой деятельности 1284,0 тыс. [5, с. 187]. Несомненно трудовая деятельность специалистов в области финансов, страхования и информатизации востребована в современном обществе, но она осуществляется в относительно комфортных условиях учреждений и офисов. Работники агросферы вынуждены производить продукты питания и сырье для промышленности чаще всего на открытом пространстве и в непростых погодноклиматических условиях. А размер оплаты их труда оказался самым низким в сравнении со всеми другими видами экономической деятельности в Республике Беларусь. “Если перед распадом СССР оплата труда в аграрном секторе по отношению к среднему уровню по другим отраслям составляла 93%, то последние 15 лет средняя оплата труда в них в 1,6-1,8 раза выше, чем в сельском хозяйстве” [6, с. 19]. Приходится констатировать, что значительное число сельчан оказалось в зоне социальной уязвимости, то есть в категории бедных людей. Статистические данные показывают – в 2016 г. 4,2% городского населения Беларуси располагало уровнем среднедушевых ресурсов ниже прожиточного минимума, а в сельских поселениях таковых оказалось 10% от общей численности населения соответствующей группы [7, с. 123]. Потребительские расходы домашних хозяйств в городах Беларуси в 2016 г. составили 748,2 руб., в то время как в селе 492,5 руб. в расчете на одно домашнее хозяйство в месяц [7, с. 124].

Несмотря на некоторые положительные сдвиги в экономике сельского хозяйства и уровне жизни аграрного населения Беларуси происходящих в последнее десятилетие, сохраняется большой разрыв между ожиданиями и реальным положением сельчан. Значительная их часть оказалась в малопочтенном слое бедняков, строящих свою повседневность на принципах выживаемости. В социальных науках для характеристики аутсайдеров используются понятия “бедность” и “нищета”. «Термином “бедность” обозначается потребление благ на уровне сохранения работоспособности как низшей границы воспроизводства рабочей силы; “нищета” – минималь-

но допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых лишь позволяет поддерживать жизнеспособность человека” [8, с. 64]. В обыденной жизни эти понятия чаще всего объединяются и характеризуют экономическое положение той части населения, которая испытывает трудности в связи с невозможностью получать доходы, удовлетворяющие реализацию базовых потребностей. Академик Е.М. Бабосов дает следующее определение бедности: “Бедность – это социально-экономическое явление, выражающееся в недопустимо низком уровне жизни, измеряемом по объему текущих доходов и расходов, нижним пороговым значением которого является устанавливаемый в данной стране прожиточный минимум. Если индивид, социальная группа или слой обладает доходом выражаемым чаще всего в денежных единицах, уровень которого ниже прожиточного минимума, таких людей относят к категории бедных” [9, с. 312].

Известно, что бедные люди есть во всех странах и регионах мира, но отнесение индивида или семьи к этому слою в разных странах осуществляется на основе собственных методик. Так, в США порог относительной бедности определяется на уровне 40% от среднего дохода по стране. В странах Западной Европы бедным считается население с доходами менее 40–60% от уровня среднего наличного дохода на единицу потребления. По правилам Международной организации труда (МОТ), бедным считается население, доходы которого составляют менее 2/3 от уровня, рассчитанного по отрасли или по стране. “Если исходить из таких методик, то бедными в Беларуси пришлось бы признать по меньшей мере половину сельского населения” [6, с. 19].

Руководствуясь обозначенными подходами, рассмотрим структуру расходных статей в сельских семьях.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: “На что тратится большая часть доходов Вашей семьи?” (респонденты могли отмечать не более трех вариантов)

Варианты ответов	%
На питание	82,1
На оплату коммунальных услуг	63,5
На приобретение одежды и обуви	26,1
На выплату кредитов	17,3
На лечение и лекарства	14,9
На образование детей	12,5
На ремонт, строительство жилья	12,0
На помощь детям, внукам	10,4
На приобретение предметов быта	8,5
На пополнение сбережений	4,3
На отдых и развлечения	2,1

Из ответов участников исследования видно, что питание, коммунальные платежи и приобретение необходимой одежды “съедает” основную часть бюджетных расходов семьи. Состояние низкой доходности не позволяет сельчанам делать денежные накопления, приобретать предметы длительного пользования, откладывать часть средств на оплату отпускных мероприятий.

В структуре повседневности социальные услуги отличаются разной степенью привлекательности и значимости. Например, замечено, что бытовые и медицинские услуги занимают лидирующие позиции по востребованности в организации повседневной жизни. С какими услугами по мнению респондентов возникают затруднения?

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: “С получением каких услуг у Вас чаще всего возникают сложности?”

Варианты ответов	%
Медицинских	42,9
Помощи в обработке приусадебного участка	12,4
Бытового обслуживания	11,2
Доступа в Интернет	8,6

Окончание таблицы 3

Варианты ответов	%
Культурного обслуживания	8,1
Торговых услуг	6,9
Банковских услуг	6,9
Услуг по уходу за больным и пожилым человеком	2,9

С большим отрывом от других услуг выходят медицинские, а проблема здоровья для сельчан выступает как одна из важнейших сторон их повседневной жизни. Относительно хорошим считают свое здоровье менее четверти (23,3%) сельского населения, а среди старшего поколения с такой оценкой своего здоровья не согласился никто. Помощь по домашнему хозяйству и на приусадебном участке необходима прежде всего старшим возрастным группам сельчан, а молодым желательны современные блага цивилизации – услуги банков, расширение сети Интернет и ускорение компьютеризации.

Услуги формируются в ответ на потребности, на волнующие вопросы человека в его повседневной жизни. Проблемных запросов у каждого жителя села более чем достаточно, но основные из них можно сгруппировать в статистические совокупности.

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос: “Какие проблемы перед Вами встают лично в настоящее время?”

Варианты ответов	%
Нехватка денег на одежду	38,9
Состояние здоровья	34,5
Нехватка денег на продукты питания	33,2
Высокая стоимость лекарств	26,6
Проблемы детей (внуков)	24,7
Плохие жилищные условия	12,5
Одиночество	8,2
Отсутствие необходимых лекарств	2,7

Состояние здоровья и высокая стоимость лекарств – две тесно взаимосвязанные проблемы, особенно для сельчан пожилого возраста. За ними стоит все та же востребованность медицинских услуг, а также проблема материальной обеспеченности сельского населения. Следует отметить, что несмотря на растущее техническое оснащение сельского здравоохранения и рост квалификации медработников, актуальность доступности медицинского обслуживания сохраняется. С одной стороны, предпринимаются меры по диспансеризации сельчан, обеспечивается льготное обслуживание лекарствами инвалидов, а с другой – быстрое разрастание платных медицинских услуг и рост стоимости лекарств.

Обратимся к общим оценочным характеристикам по поводу эффективности работы социальных служб в сельской местности.

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос: “Как, по Вашему мнению, работает служба социальной помощи нуждающимся в сельской местности?”

Варианты ответов	%
Работает эффективно	27,2
Недостаточно эффективно	24,1
Совсем неэффективно	8,8
У нас такой службы нет	6,4
Затруднились ответить	31,5

Примерно четверть респондентов позитивно оценивают работу социальных служб. Вместе с тем наличие большого числа сельчан, не сумевших дать оценку, свидетельствует об отсутствии значимой информации о социальных услугах в сельских поселениях. На сегодняшний день сфе-

ру социального обслуживания можно определить как наиболее активно реформируемую, и население не успевает отследить все изменения. Является целесообразным информирование делать более массовым, что сделает социальные услуги более востребованными.

Заключение

Подводя итоги анализа результатов данного социологического исследования, можно сделать вывод общего характера. Социальное обслуживание в сельских поселениях представляет собой структуру, эффективность деятельности которой зависит от того, насколько она удовлетворяет потребностям сельчан в их повседневном бытии. Несмотря на существенные положительные сдвиги в экономике сельхозпредприятий и повышение уровня жизни населения, сохраняется существенный разрыв между ожиданиями сельчан и повседневными реальностями жизни. С одной стороны, имеет место неразвитость системы социальных услуг, а, с другой, низкий уровень доходов не позволяет сельчанам становиться их полноценными потребителями. Повседневные потребности сельского населения не остаются неизменными, поэтому имеется насущная необходимость для органов государственного управления регулярного проведения мониторинга состояния имеющихся услуг и развития новых в соответствии с запросами сельчан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Горшков, М. К.** Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение / М. К. Горшков // Социология власти. – 2009. – № 5. – С. 57–74.
2. **Вахштайн, В. С.** Событийное строение современного мира. Исследование обыденного жеста / В. С. Вахштайн // Социологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 5–39.
3. **Холостова, Е. И.** Социальная работа : учебное пособие / Е. И. Холостова. – 2-е изд. – М. : Дашков и К, 2005. – 668 с.
4. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М. : ИНФРА-М ; НОРМА, 1998. – 488 с.
5. Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Минск, 2017. – Т. 1. – 786 с.
6. **Гайдуков, А.** Республика Беларусь: бедность сельского населения / А. Гайдуков // Человек и труд. – 2010. – № 1. – С. 18–20.
7. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2017. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 578 с.
8. Социальная статистика : учебник / под ред. чл.-корр. РАН И. И. Елисеевой. – М. : Финансы и статистика, 1999. – 416 с.
9. **Бабосов, Е. М.** Социально-стратификационная панорама современной Беларуси : монография / Е. М. Бабосов. – Минск : УП “Технопринт”, 2004. – 356 с.

Поступила в редакцию 03.01.2019 г.

Контакты lihacheva_sn@mail.ru (Лихачев Николай Егорович)

Likhachov N. RURAL EVERYDAY LIFE IN SOCIOLOGICAL DIMENSION.

The article presents the results of a sociological study on the state of the social sphere in rural settlements. The system of services is analyzed in the context of the villagers' daily life and the dependence of consumer interests on their financial situation. The state of public opinion about the effectiveness of social services in rural areas is demonstrated.

Keywords: social service, everyday life, social well-being, social health, consumer interests.

УДК 316.354:351/354

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОДХОДЕ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ СПЕЦИАЛИСТОВ

А. А. Островская

кандидат педагогических наук, начальник отдела научно-методического обеспечения образования и международного сотрудничества Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

В статье представлены идеи по реализации социально-гуманитарного знания в профессиональном развитии специалистов с позиции междисциплинарных связей социологии управления. Замысел автора раскрыт на основе образовательной стратегии исследовательской деятельности и конструкторов социально-управленческого механизма, интегрированных через междисциплинарные кластеры социологического и психолого-педагогического познания. В работе проведен межфакторный анализ концепта “социально-гуманитарные знания в профессиональном развитии специалистов” и предложена типологизация факторов образовательного учреждения как социального института.

Ключевые слова. Социально-гуманитарные знания, образовательная стратегия, социально-управленческий механизм, междисциплинарный кластер, фактор образовательного процесса.

Введение

Современные тенденции профессионального развития специалистов активно влияют на управление образовательными процессами в формате социально-гуманитарного знания. Актуальность данного подхода во многом сводится к объективному воздействию на профессиональную деятельность двух факторов. Апеллируя к исследованиям ведущих белорусских ученых, обозначим в качестве первого фактора –

- органичную встроенность в современную деятельность “человеческого” компонента в многообразной системе общественных связей,

а в качестве второго фактора –

- включение в специализированную деятельность социального заказа в форме ценностных эталонов и взаимодополнения различных точек зрения [1; 2].

В связи с изложенным определяется научная проблема представленного исследования: каковы теоретические основания и практические предпосылки образовательной стратегии, обеспечивающей устойчивые социально-гуманитарные знания в профессиональном развитии.

Основная часть

Следует признать, что как в отечественных, так и в зарубежных теориях выделенные выше факторы оцениваются в качестве базовых, и особых дискуссий по приоритету какого-либо из них не ведется. Тем более что само понятие “социально-гуманитарные знания” в современной науке имеет достаточно широкий объем, комплексно-интегрированную характеристику и отражает скорее аналитическую и критическую деятельность личности. Поэтому под социально-гуманитарными знаниями в нашем исследовании, согласно трактовки Н.А. Ильиной, будут пониматься не только знания, умения и опыт, полученные в ходе изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла, но и отражение действительности в мышлении человека с точки зрения подходов к пониманию бытия, взаимосвязи природы и человека, ценностей, сформированных в процессе мирового развития такими формами человеческой деятельности, как философия, религия, искусство и т. д. [3]. Таким образом, в образовательном процессе социально-гуманитарные знания выступают в двух ипостасях: дисциплинарной и культурной. Роль последней позволяет

уточнить представленная далее межфакторная рефлексия концепта «социально-гуманитарные знания в профессиональном развитии специалистов».

Оперирование в профессии *социальной составляющей* знаний влияет на такую характеристику деятельности специалиста, как реализуемость. Любой продукт профессиональной деятельности всегда ценен своей социальной значимостью, поэтому изучение и понимание общественной среды своей активности специалисту необходимо. *Гуманитарная составляющая* знаний символизирует рефлексивно-критические характеристики активности человека (ценности, интенции, значения и т. д.) и индивидуальные проявления в ней, универсальные способы познания и даже совокупность человеческих идей (Н.И. Кошель, Г.В. Мухаметзянова С.Б. Савелова, В.А. Сластенин, Е.Н. Шиянов и др.). Поэтому *социально-гуманитарные знания в наиболее обобщенной форме факторного единства определяют способ проблемной организации мышления и деятельности и способ конструктивного действия специалиста, позволяющие успешно реализовывать свой профессиональный потенциал*. Таким образом, социально-гуманитарные знания определяют социокультурную позицию профессионала.

Очевидно, что каждое из обозначенных нами направлений движущих сил социально-гуманитарного знания в большей или меньшей степени располагается в диапазоне разных научных областей. *Формирование первого фактора*, и, соответственно, его роль, в значительной мере определяется педагогикой и психологией как науками, содействующими обогащению человеческого потенциала. *Второй фактор* находится в актуальном поле социологического познания, позволяющего управлению оперативно и оптимально реагировать на динамичную систему социальных связей и отношений личности. О роли социологического исследования для педагогики очень убедительно говорил академик Е.М. Бабосов: «Социология выясняет, каким образом в процессе обучения определенные наборы знаний, культурных стандартов, умений и навыков их реального применения в различных жизненных ситуациях превращаются в ценностные ориентации и поступки индивидов, как все это обусловлено не только стандартами образования и культуры, но и мотивацией поведения отдельных личностей, особенностями их включения в определенную социальную систему» [4, с. 268].

Не умоляя значимости современных разработок образовательных стратегий профессионального развития, отражающих системное взаимодействие психолого-педагогической и социологической науки, тем не менее заметим, что контент-анализ ряда публикаций позволяет констатировать в практике образовательного управления некоторую неравнозначность к формату каждой научной сферы. Прикладные исследования в поле дисциплинарного взаимодействия социологии, педагогики и психологии (в том числе работы Е.В. Ефимова, Е.Ю. Колесниковой, И.Н. Мергалиева, Е.Н. Пинчук и др.) фиксируют взаимоподчиненные отношения этих наук, преимущественно склонны к трактованию образовательной системы как частного случая системы социальной, вида социального проектирования или источника ресурса социальной дифференциации.

И хотя отклонения в ту или иную сторону познания не столь очевидны, есть основания предположить, что они влияют на некоторые негативные тенденции в выстраивании политики учреждения. Например, исследуя работы Е.И. Скрипак, Т.А. Хагурова, М.М. Чомаевой, можем отметить, что приоритет социального (и экономического) влияния способен продуцировать преувеличение роли образования как услуги в противовес его духовной ценности. С другой стороны, идеализация развития человеческого капитала может привести к дальнейшей мотивационной напряженности специалистов при отсутствии адекватной социальной реакции на развитие их потребностей. Но наиболее значимым является то, что недооценка какого-либо фактора в образовательном процессе или еще хуже, раскоординированность факторов, влияют на низкую устойчивость желаемых результатов. В контексте нашего исследования таким результатом будет являться «закрепление» социально-гуманитарного знания как постоянной практики в профессиональной деятельности специалистов.

Исходным посылом нашего исследования стала позиция «конъюнктивного ресурса» (по О.А. Кармадонову, Г.Д. Ковригиной [5]), согласно которой образовательную стратегию следует признать динамичной системной основой равноправного и интегративного единства как педагогического и социологического познания, так и образовательной и социальной практики. Данная позиция мыслится реализуемой в замысле «междисциплинарных кластеров», скрепляющих образовательную стратегию в кризисных точках развития.

В современных педагогических теориях такие кризисные точки оцениваются прежде всего с позиций возрастной периодизации. Задача педагога – вовремя распознать возрастной кризис (“нормативный кризис развития”) и выстроить свою технологию на разрешении противоречий. Общеизвестно, что периоды возрастных кризисов определяются не только внутренним психологическим развитием, но и социокультурным окружением ребенка. Более того, социокультурное окружение всегда конкретно для педагогической ситуации, т. к. имеет уникальное сочетание воздействия разных социальных уровней. В наиболее обобщенной форме для учреждения образования любой ступени определяется следующее влияние на образовательный процесс:

* Макросоциальный уровень. Отражается в государственной политике, определяет социальный заказ на образование.

* Мезосоциальный уровень. Проявляется в связи с микросредой учреждения, устанавливает связь с восприятием и личностью макросоциального уровня и обратное влияние.

* Микросоциальный (персональный) уровень. Уровень ожиданий, стремлений и притязаний отдельной личности [6; 7].

Как видно, каждый из уровней так или иначе “впитывает” фактор формирования социально-гуманитарного знания. Однако в представляемом замысле “междисциплинарных кластеров” (социолого-педагогических) обратимся к анализу исследований Б.И. Канаева: педагогическое воздействие успешно решает познавательную и психофизическую грань познания (т. е. активизирует гуманитарный фактор), но такая подсистема качества, как его социальная грань, требует внимания к управлению педагогическим процессом (для активации социального фактора) [8]. Большинство педагогических исследований делает акцент на двух субъектах образовательного процесса: педагога и обучающегося. Но сегодня качество образования актуально рассматривать с позиции широкого мониторинга удовлетворенности акторов образовательного процесса, что дает социология, расширяя поле взаимодействия субъектов образовательного процесса за счет координации значимых посылов трех социальных уровней. Через оценку социальных рисков это делает качественный результат значительно дееспособным, реальным, но в то же время в меньшей степени акцентирует внимание на дальнейший индивидуальный рост обучающихся. В этом видится причина ранее обозначенной трудности полноценной интеграции формата социального и педагогического познания в выстраивании образовательной стратегии по нашей тематике.

Исходя из изложенного, можно подойти к следующему выводу:

Образовательная стратегия представляет собой линейный, поэтапный синклиний индивидуального развития, устойчивости которому может придать управленческий механизм. Такой механизм, во-первых, расширяет диапазон акторов образовательного процесса и действует через мониторинг их посылов. Во-вторых, он содействует “практическому “впитыванию” культурной природы социально-гуманитарного знания из ситуаций общественной коммуникации. Кризисные точки личностного развития выступают в образовательной стратегии ядром “междисциплинарных кластеров” педагогики и социологии управления, образуя своеобразные контрапункты. Профессиональное развитие рассматривается как длительный процесс онтогенеза, а также является целью и связующей идеей образовательной стратегии.

Согласно изложенному, моделирование образовательного процесса включает два шага:

– выбор образовательной стратегии профессионального развития специалистов (далее по тексту образовательная стратегия) с опорой на культурную природу социально-гуманитарного знания и ориентацией на интегральные индикаторы качества;

– определение конструкта механизма управления образовательной стратегией.

1 шаг. В формировании культурной ипостаси социально-гуманитарного знания можно выстроить следующую стратегическую цепочку в развитии специалистов: предоставление профессионалу инструментария варьирования в нестандартных ситуациях – формирование его проблемно-критического и оценивающего типа мышления – нацеливание на объективную среду протекания профессиональной деятельности. Разделяя позицию сторонников универсальности и продуктивности исследовательского подхода в современной социокультурной жизнедеятельности, а также учитывая значимую корреляцию социально-гуманитарных знаний и интегративного исследовательского познания, нетрудно провести проекцию предложенной цепочки на образовательную стратегию исследовательской деятельности в идее социокультурного развития, что популяризировалась в ряде наших ранее проведенных исследований [9; 10]. Учитывая роль профессии

и связанных с ней ориентаций, сформулируем генеральную стратегическую цель образовательной стратегии: формирование социокультурной позиции специалиста на основе исследования как продуктивного способа социально-гуманитарного освоения окружающей действительности. Сущность образовательной стратегии и ее этапов представлена на рисунке 1 [11] (ПРИЛОЖЕНИЕ А).

Из рисунка 1 очевидна трудность идеального сопряжения каждого этапа, однако для выделения области встраивания междисциплинарных кластеров следует обозначить наиболее явные кризисные точки в образовательной стратегии:

Точка кризисного развития, когда сфера интересов личности становится подавляемой “внешнему”, чаще всего педагогическому или родительскому воздействию на подрастающую личность: I-II ступени общего среднего образования.

Точка кризисного развития в проблематике взаимопонимания молодого поколения с окружающими – подростковый – юношеский возраст – II-III ступени общего среднего образования.

Точка кризисных “взаимопритязаний” философии личностного успеха и реальной жизненной ситуации – III ступень общего среднего образования – высшее или профессиональное образование.

Каждая из этих точек требует появления вокруг себя области “скрепления” педагогического потенциала образовательной стратегии.

2 шаг. Инструментарий такого назначения дает педагогике социология управления в виде социально-управленческого механизма. Это конструкт, объединяющий социальные смыслы субъектов (акторов) образовательной политики разного уровня для выработки решения по организации или коррекции образовательного процесса [7]. Важным основанием внедрения СУМ в образовательное пространство учреждений является *исследование внутреннего и внешнего социального контекста среды учреждения и анализ результативности деятельности учреждения с позиций разных социальных акторов*.

По итогам анализа публикаций управленческого характера и собственного включенного наблюдения с позиции администратора учреждения общего среднего образования в течение более 20 лет, в т. ч. и систематического с 2016 г. в рамках инновационной деятельности, необходимо отметить вариативность содержательных характеристик акторов, что позволяет считать социально-управленческий механизм динамичным и гибким, а, значит, и более реализуемым, конструктом. Системно объединив в кризисных точках образовательную стратегию с уровневými внешними и внутренними векторами социально-управленческого механизма, представим на рисунке 2 модель профессионального развития специалистов в рамках социально-гуманитарного знания, включающую:

– два периода и три этапа образовательной стратегии: пропедевтический период (1 и 2 этапы образовательной стратегии) и основной (с 3 этапа);

– три междисциплинарных кластера в каждой кризисной точке этапа, обозначенных через типологизацию векторов действия субъектов образовательного процесса (ПРИЛОЖЕНИЕ Б).

К рисунку 2 требуется пояснение, что идея демонстрации социальной структуры образовательного процесса в типологии акторов – явление не новое в науке. В частности, Ю.А. Федосова представляет такую типологизацию на основе различий в целях социальных связей (акторы заказчики и акторы-организаторы/исполнители) [12]. В модели, изображенной на рисунке 2, типологизация акторов определена на основе их доминирующей функциональной роли в встраивании образовательного процесса, что допускает смену и вариацию социальных позиций субъектов. В частности, общественные организации на II этапе образовательной стратегии согласно психолого-педагогическим особенностям учащихся более значимы на мезоуровне, а на III этапе – на макроуровне (рис. 2).

Более детально представим прообраз каждого междисциплинарного кластера в модели на рисунке 3 [6] (ПРИЛОЖЕНИЕ В).

На рисунке 3 содержательное ядро модели – конъюнкция, – наглядно отображает взаимообусловленность всех уровней социума, эмпирический характер социально-управленческого механизма и область “встраивания в кластер” педагогических идей образовательной стратегии.

Следует признать, что проведенная типологизация социальной структуры каждого междисциплинарного кластера для “запуска” социально-управленческого механизма претендует на более углубленное изучение. Прежде всего это касается коррекции результатов наблюдений в

сторону большей объективности через количественный социологический анализ. Однако в литературе нами уже представлены некоторые результаты исследований, которые можно рассматривать как практические предпосылки реализации идеи междисциплинарного кластера в онтогенезе профессионального развития специалистов для 1 и 2 ступеней общего среднего образования (пропедевтический этап)¹. Обозначим основные аспекты:

1 ступень. Стимуляция интересов педагогов и учащихся через введение презентаций исследовательских сфер педагогами и пробы учащимися собственных сил в них при переводе оценки интересов детей из области диагностики в область экспертизы [13].

2 ступень. Предложена модель развития психологической культуры личности в условиях социально-управленческого механизма для адаптивного встраивания индивидуальных притязаний личности в сферу интересов социальных факторов более обобщенного уровня, эффективного встраивания межличностных отношений и ориентировки в различных социальных ситуациях [14].

Что касается 3 этапа, то методика действия социально-управленческого механизма здесь широко представлена в современных исследованиях отечественных и зарубежных ученых. В частности в исследованиях в Беларуси под руководством профессора С.В. Лапиной разрабатывается идея коррекции качества высшего образования в системе управления через социологический мониторинг, в частности, диагностику и экспертизу удовлетворенности всех заинтересованных субъектов образовательного процесса. Вместе с тем педагогические исследования в высшем и профессиональном образовании, признавая важность социологического анализа в построении системы управления качеством обучения и воспитания, существуют преимущественно дистанцированно от социологии и замыкаются на исследовании двух субъектов-акторов: педагога и учащегося. Тем не менее именно на 3 этапе согласно представленной образовательной стратегии проявляется максимально осязаемый в обществе конечный продукт развития специалиста в виде социализации исследовательского типа. Данный этап не просто расширяет представления об универсальных способах деятельности в социальной среде, а формирует профессиональный кругозор специалистов, делая их конкурентноспособными на рынке труда. Так, экологические знания дают важную информацию для формирования эргономичности продукта, сделанного инженером или технологом, а сформированный эстетический взгляд этих же специалистов во многом делает продукт “успешным”.

В качестве педагогических предпосылок разработки междисциплинарного кластера на данном этапе можно отметить уникальный перечень социально-гуманитарных дисциплин, формируемый каждым учебным заведением. Анализ практики вузов Минска позволил выделить следующие направления разработки дисциплин социально-гуманитарного типа:

- правовых основ профессиональной деятельности;
- использование средств языка при устном и письменном общении в стандартных и профессионально-значимых ситуациях;
- современных требований к деловому этикету и профессиональной коммуникации;
- управления собственным профессиональным и личностным развитием;
- профессионального здоровья: факторов риска и возможностей сохранения и укрепления.

Интересно заметить, что учреждения педагогического профиля отдают предпочтение направлениям, связанным с психическим и физическим совершенствованием специалиста, а технические учреждения – с коммуникативным. В данном подходе скорее всего проявляется востребованность тех характеристик, которые на “входе” в специальность не имеют приоритета. Таким образом, данный аспект социально-гуманитарного знания в профессиональном развитии специалистов уже изначально ориентирован на социологическую корректировку, и поэтому может выступать в качестве предпосылки введения социально-управленческого механизма в образовательном процессе.

Если предыдущая предпосылка более ориентирована на дисциплинарную природу социально-гуманитарного знания, то активная популяризация последние 10 лет в учреждениях высшего и профессионального образования технологий проблемного, контекстного, открыто-

¹ Данные исследования проведены в рамках научно-исследовательской, экспериментальной и инновационной деятельности в учреждениях дошкольной, I III ступеней общего среднего образования города Минска, города Бреста, Витебской и Минской областей под руководством Академии управления при Президенте Республики Беларусь и Белорусского государственного педагогического института имени М.Танка (тема НИР, № госрегистрации 20170529); приказы Министерства образования республики Беларусь № 470 от 07.07.2017; № 615 от 26.07.2018).

го и эвристического обучения выступает предпосылкой социокультурной природы социально-гуманитарного знания. Активно это тематика разрабатывается в исследованиях И.А. Лапиной (ректор ИППКи П Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь [15]), представлена в межвузовском портале БГУ[16]), конструируются через методику рефлексивного практикума и активные методы (Л.С. Кожуховская, РИВШ [17]) и мн. др. Такие технологии, реализуя открытость и коммуникацию субъектных активаторов образовательного процесса, неизбежно выводят в сферу социологического анализа. Это, в свою очередь, согласно идее междисциплинарного кластера, стимулирует новую качественную фазу их реализации. Важной составляющей технологии СУМ будет комплекс мероприятий, повышающих компетентность участников образовательного процесса в сфере направленности государственной политики, в области правовой и юридической грамотности, в плане формирования оценочных суждений.

Заключение

Обобщая изложенное, представим следующие выводы:

Социально-гуманитарные знания являются общепризнанной частью профессиональной культуры современного специалиста. В своем развитии и формировании социально-гуманитарные знания претендуют на равное участие педагогических и социологических подходов ввиду полноценной значимости для них как человеческого капитала, так и социального заказа. В настоящее время в поле исследований по данному направлению актуальным становится моделирование деятельности учреждений образования как социальных институтов при полноценном участии представителей каждого социального уровня.

Теоретическим основанием формирования и реализации социально-гуманитарных знаний в профессиональном развитии специалистов может выступать идея междисциплинарных кластеров, скрепляющих в кризисных точках личностного развития образовательную стратегию и социально-управленческий механизм. Образовательная стратегия, в свою очередь, реализует замысел исследовательской позиции как наиболее обобщенного варианта социально-гуманитарного знания в области профессиональной культуры. Социально-управленческий механизм учитывает трансформацию социокультурной среды образовательной стратегии и через оперирование вариативными индикаторами удовлетворенности качеством образования обеспечивает устойчивость профессионального развития.

Практические разработки для внедрения идеи междисциплинарного кластера на сегодняшний момент имеют место в области среднего образования, но требуют значительного внимания к интеграционным процессам социологического и педагогического познания в высшем и профессиональном образовании.

Кумулятивный эффект проведенного исследования заключается в определении актуальных позиций по перспективам дальнейших разработок, в том числе по проблемам

- формирования социологического мышления и культуры современного руководителя образовательного учреждения в ситуации преимущественной компетенции управленцев этой сферы в педагогике;

- преодоления “монологизации” человеческого поведения и утраты “чувства другого” (А.Д. Король, выступление на IV Международной научно-методической конференции “Современные тенденции в дополнительном образовании взрослых”, Минск, РИВШ, 18 октября 2018 г.) в условиях необходимости коммуникативной базы социально-управленческого механизма для формирования культурной составляющей социально-гуманитарного знания;

- разработка устойчивой области синергетического эффекта междисциплинарных кластеров.

Таким образом, социально-гуманитарные знания формируются не только дисциплинарно и поуровнево, но и системно в смыслообразующей сфере, когда руководитель учреждения, его команда разделяют приоритетные цели профессиональной культуры и понимают значимость взаимодействия по реализации ожиданий, потребностей обучающихся.

В завершении отметим, что роль социально-гуманитарных знаний в процессе духовного и социального развития личности, формирования ее профессионального мировоззрения и социальной позиции велика. “Только широко мыслящий человек, оценивающий собственную деятельность как с позиций профессиональной целесообразности, так и с точки зрения общечеловеческих ценностей истины, добра и красоты, может стать настоящим профессионалом” [18, с. 43].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лапина, С. В. Социологическое познание / С. В. Лапина. – Минск : Беларуская навука, 1998. – 207 с.
2. Цыркун, И. И. Инновационные стратегии развития педагогической науки / И. И. Цыркун ; ГУО “Академ. последиплом. образования” ; редкол.: С. А. Аксютин [и др.] // Инновационное образование : теория и практика : материалы межд. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 декабря, 2011 г. – Минск : АПО, 2011. – С. 262–263.
3. Ильинова, Н. А. Социально-гуманитарное знание как залог успешного формирования общества нового типа / Н. А. Ильинова // Власть. – 2013. – № 10. – С. 114–117.
4. Бабосов, Е. М. Человек в социальных системах / Е. М. Бабосов ; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 480 с.
5. Кармадонов, О. А. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте / О. А. Кармадонов, И. Г. Ковригина // Вестник Института социологии. – 2016. – № 7. – С. 12–28.
6. Лапина, С. В. Социально-управленческий механизм в образовательном пространстве учреждения общего среднего образования / С. В. Лапина, А. А. Островская // Адукацыя і выхаванне. – 2017. – № 5. – С. 3–7.
7. Царев, А. С. Социально-управленческий механизм совершенствования системы высшего образования в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / А. С. Царев ; Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск, 2009. – 24 с.
8. Канаев, Б. И. Урок на одном дыхании / Б. И. Канаев. – Псков : ПОИП-КРО, 2012. – 231 с.
9. Островская, А. А. Учебно-исследовательская деятельность как современная образовательная стратегия / А. А. Островская // Народная асвета. – 2014. – № 5. – С. 3–7.
10. Островская, А. А. Содержание понятия “учебно-исследовательская деятельность” в современном образовании / А. А. Островская // Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі / рэдкал.: А. П. Манастырны (гал. рэд.) [і інш.] ; ДУА “Акад. паслядыплом. адукацыі”. – Минск : АПА, 2015. – Вып. 13. – С. 160–174.
11. Островская, А. А. Интегративное знание: педагогические условия формирования. Исследовательская деятельность учащихся как составляющая культуросозидающей функции современного образования / А. А. Островская // Народная асвета. – 2017. – № 5. – С. 14–17.
12. Федосова, Ю. А. Управление качеством в учреждениях высшего образования Республики Беларусь: социологический аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Ю. А. Федосова. – Минск : Изд-во БГУ, 2018. – 25 с.
13. Островская, А. А. Дополнительное образование в средней школе: социально-управленческий механизм / А. А. Островская // Народная асвета. – 2017. – № 10. – С. 3–6.
14. Островская, А. А. Воспитание психологической культуры учащихся в условиях социально-управленческого механизма / А. А. Островская // Минская школа сегодня. – 2018. – № 9. – С. 3–6.
15. Лапина, И. А. Системный подход к обучению судебных экспертов / И. А. Лапина ; редкол.: А. И. Швед [и др.] ; Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. // Евразийское партнерство судебных экспертов: вызовы, проблемы. Пути решения и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 апреля, 2018 г. – Минск : Право и экономика. – 2018. – С. 40–43.
16. Межвузовский портал. Методологи, содержание, практика креативного образования [Электронный ресурс]. – Минск, БГУ, 2018. Режим доступа: <http://didact.bsu.by/about>. – Дата доступа: 20.10.2018.
17. Кожуховская, Л. С. Организация работы в малых группах с использованием активных методов обучения / Л. С. Кожуховская, Д. И. Губаревич // Воспитание в сотворчестве (сотворчество педагога и студента: содержание формы методы) : сб. науч. ст. / под науч. ред. д-ра филос. наук, проф. В. В. Познякова. – Минск : РИВШ, 2013. – Вып. 5. – С. 122–129.
18. Ангеловский, А. А. Социально-гуманитарное знание как интеллектуальная основа профессионализма / А. А. Ангеловский // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 4. – С. 33–44.

Поступила в редакцию 01.11.2018 г.

Контакты: ostrovskaya.a@mail.ru (Островская Анна Анатольевна)

Ostrovskaya A. SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN CROSS-DISCIPLINARY APPROACH TO SPECIALISTS' PROFESSIONAL DEVELOPMENT.

The ideas on the application of social and humanitarian knowledge in professional development in terms of cross-disciplinary ties of sociology of management are presented in the article. The author reveals the educational strategy of the research activity and the constructs of the social and administrative mechanism integrated through cross-disciplinary clusters of sociological, psychological and pedagogical knowledge. In the work the analysis of the concept “social and humanitarian knowledge in professional development” is carried out and the typologization of the factors of an educational institution as a social institute is offered.

Keywords: social and humanitarian knowledge, educational strategy, social and administrative mechanism, cross-disciplinary cluster, factor of educational process.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Рисунок 1. – Образовательная стратегия социокультурного развития профессионала

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

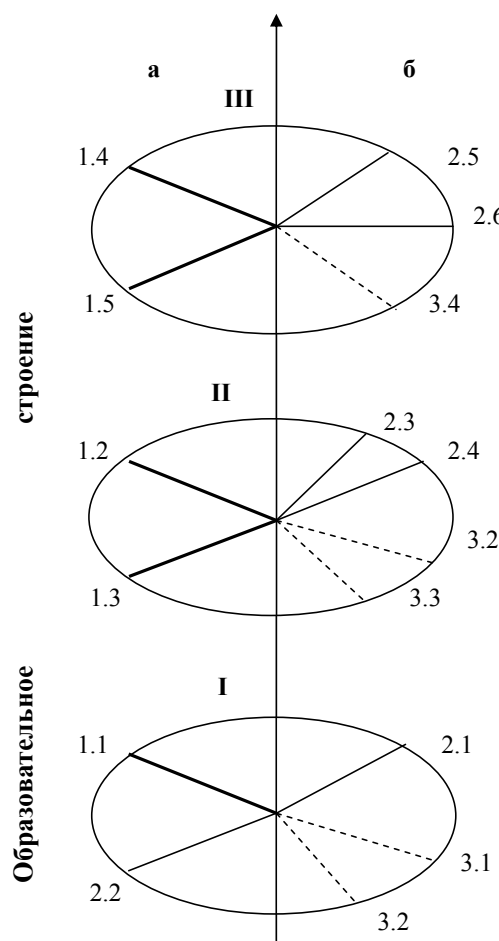

Рисунок 2. – Образовательная стратегия социокультурного развития профессионала

где:

а – внешняя по отношению к образовательному процессу область действия акторов;

б – внутренняя область.

1, 2, 3 – векторы социальных уровней;

1 – макросоциальный уровень, определяющий актор – государство как воплощение нормативно-контрольного начала; 2 – мезосоциальный уровень, определяющий актор – администрация учреждения как воплощение регулирующего начала качества образовательного процесса; 3 – микросоциальный уровень, определяющий актор – личность как воплощение индивидуального интереса.

I – междисциплинарный кластер I этапа образовательной стратегии, в котором следующая типология ролей акторов:

1.1 – государство как учредитель;

2.1 – администрация школы как исполнитель;

2.2 – родители как заказчики образовательных услуг;

3.1 – учащийся как обладатель индивидуального интереса;

3.2 – педагог как обладатель собственного профессионального интереса.

II – междисциплинарный кластер II этапа образовательной стратегии, в котором следующая типология акторов:

1.2 – государство как правовой регулятор;

1.3 – общественные организации как инициаторы гуманистических ценностей в обществе;

2.3 – администрация школы как координатор;

2.4 – педагогический коллектив как проводник идей;

3.2 – учащийся как инициатор личного интереса;

3.3 – педагог как обладатель профессионального интереса и опыта.

III – междисциплинарный кластер III этапа

образовательной стратегии, в котором следующая типология акторов:

1.4 – государство как заказчик кадров;

1.5 – частные структуры как заказчики кадров;

2.5 – управление учреждением как гарант его конкурентноспособности на рынке образовательных услуг;

2.6 – профессорско-преподавательский состав учреждения как проводник опыта и идей;

3.4 – соискатель как претендент на наилучший вариант профессиональной реализации.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Рисунок 3. – Междисциплинарный кластер образовательной стратегии

УДК 316.7

МУЗЫКА КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Р. В. Шевко

аспирант

Институт социологии НАН Беларуси

В статье рассматривается музыка и музыкальные практики как элемент социализации молодежи в современном обществе. Цель исследования состоит в раскрытии роли музыки в качестве социализирующей составляющей общества. Во введении обозначается актуальность изучения влияния музыки на характер социализации и взаимодействия людей в молодежной среде. В основной части определяется функциональная особенность музыки как социализирующего элемента общества. Представляются ее сущностные характеристики и специфика воплощения в социуме. В заключении подытоживается значимость музыки в качестве фактора социализации, определяется ее объединяющая роль для всех остальных функций.

Ключевые слова: музыка, музыкальная культура, молодежь, социализация, массовая культура, субкультура.

Введение

Социализирующая функция является одной из важнейших функций музыки, которая наиболее показательно демонстрирует взаимосвязь между сферой музыкальной и социальной. В научной литературе наиболее часто встречается понимание данной функции как воспитательной. Однако воспитание, являясь процессом целенаправленным, не может в полной степени выразить характер того социального воздействия, которое музыка оказывает на современную молодежь, поскольку музыкальная культура потребительского общества имеет сферу влияния гораздо шире и глубже, чем процесс воспитания способен выразить. Тем не менее, именно воспитательный характер воздействия музыки является наиболее очевидным и выразительным в социокультурной среде. Так, в определенной степени музыка вовлечена в формирование духовного мира молодого человека, его мировоззрения. Воспитательное действие музыки осуществляется не императивно, а посредством развития в человеке чувства красоты, поддерживая (или стимулируя) в нем определенное душевное состояние, соотносимое с теми или иными сторонами социальной действительности. Необходимо также подчеркнуть, что воспитательная функция музыки осуществляется не только через различные жанры высокого искусства, но и через музыку, звучащую в быту, связанную с повседневной жизнью человека (легкая и субкультурная музыка, танцевальная музыка и др.).

Помимо очевидного воспитательного воздействия музыка имеет и более опосредованное влияние на молодежь. Здесь имеется в виду ее способность оказывать социализирующее влияние посредством формирования иного эмоционального и даже культурного контекста (среды или реальности). Эмоциональная реальность в данном случае – это состояние, в которое попадает человек при прослушивании какого-либо музыкального материала. Маленький ребенок, засыпающий под колыбельную песню, подросток на концерте любимой группы или молодой человек, пассивно воспринимающий музыкальное сопровождение в сетевом гипермаркете, – все это примеры различного рода эмоциональных контекстов (реальностей). В этом смысле можно рассмотреть и феномен музыкальных субкультур, которые, благодаря способности музыки конструировать иную культурную реальность, существуют как результат ответной реакции социокультурной системы на императивное влияние массового общества.

Таким образом, если воспитательную функцию музыки можно считать прямым отношением типа “музыка-личность”, то социализирующая функция – это опосредованное отношение типа “музыка-общество-личность”. Если в первом случае музыкальная культура транслирует определенные ценности напрямую, то во втором случае музыкальная культура это делает через общество, воплотившись в большинстве его сфер бытования и, соответственно, институций.

Основная часть

Для того чтобы проанализировать специфику современной музыки как социализирующего фактора в молодежной среде, необходимо выявить общие философские, психологические и социокультурные аспекты воздействия музыки и музыкального искусства на человека.

Анализ научной литературы показывает, что многие социальные мыслители (А. Бергсон, А.Ф. Лосев, В.С. Соловьев, Ю.Н. Холопов, А. Шопенгауэр и др.) писали о силе влияния музыки и универсальности музыкального языка. Так, А.Ф. Лосев, анализируя суть музыкальной природы, обозначил ее как специфическую структуру, для которой характерно диалектическое слияние прерывности и непрерывности, сплошности и разрывности, возникновения и уничтожения, происхождения и гибели. Выявляя специфику музыки, А.Ф. Лосев исследовал вопрос о том, почему внутреннее волнение (эмоции), которое вызывает у человека музыкальное произведение, чаще всего сильнее того эстетического впечатления, которое он получает из “внемusыкальных” источников. Такого рода внутреннее волнение, считал А.Ф. Лосев, человек переживает потому, что “музыка дает ему не какой-нибудь устойчивый и неподвижный, хотя и самый прекрасный образ, но рисует ему само происхождение этого образа, его возникновение, хотя тут же и его исчезновение” [1, с. 324]. В этой связи А.Ф. Лосев отмечает, что можно найти сколько угодно людей, которые слушают какое-либо музыкальное произведение, не зная о том, как оно называется, и при каких общественно-исторических событиях оно было написано, и легко воспринимают это произведение без всяких догадок. Это говорит о том, что чаще всего восприятие музыки осуществляется на интуитивном уровне, благодаря чему она способна влиять даже на музыкально неподготовленного слушателя. Этим объясняется та массовость воздействия музыкального искусства, которая воплощается в современных социокультурных условиях.

Рассматривая особенность психико-эмоционального воздействия музыки на человека, необходимо подчеркнуть, что данный процесс, как обозначалось выше в контексте специфичности музыкальных функций, осуществляется посредством механизма субъективного восприятия, который имеет основополагающее значение для раскрытия эстетического потенциала личности и развития его творческих способностей.

Ключевым отличием музыкальной деятельности от других является преобладание в ней аффективного, эмоционального компонента усвоения музыкального материала, представляющего собой невербальный способ отражения окружающей действительности в образной форме. В этой связи А.Л. Гостдинер отмечал, что музыкальный образ является идеальным воплощением звучания музыки в сознании, ее психико-физиологическим “слепок”, работа над которым по своей эффективности может достигать мышления. Музыкальное мышление по аналогии с понятийным предполагает операциональное владение музыкальным языком как способом самовыражения и коммуникации. Однако если понятийное мышление осуществляется посредством речи, то музыкальное мышление проявляется в эмоциональной форме и может выражаться как в осознанном образе, так и в неосознанном (подсознательном) ощущении [2].

Н.А. Римский-Корсаков определял содержание музыки следующим образом: “Пусть настроения останутся главной сущностью музыкальных впечатлений, но они полны также мыслей и образов” [3, с. 216]. По поводу музыкального содержания высказывался также советский психолог Б.М. Теплов, который писал: “Музыкальное содержание по существу своему есть эмоциональное переживание; внеэмоциональным путем нельзя постигнуть содержание музыки..., но оно не должно быть только эмоциональным. Восприятие музыки идет через эмоции, но эмоцией оно не кончается. В музыке мы через эмоцию познаем мир. Музыка есть эмоциональное познание” [4, с. 23].

Особенность музыкального мышления человека проявляется в процессе художественного осмысления музыкального произведения. Данный процесс воплощается, как минимум, на трех характерных уровнях: 1) на уровне личной оценки музыкального явления; 2) на уровне соотношения личностного поля музыкальных интересов с собственной мировоззренческой структурой и структурами других людей (групп); 3) на уровне взаимодействия личности с социальными институтами, способными регулировать характер отношения индивида к тому или иному музыкальному явлению.

Анализ педагогической литературы показывает, что многие социальные и музыкальные педагоги осознавали и использовали принципиальную значимость воздействия музыки на со-

циализацию личности. Так, В.А. Сухомлинский в своей работе “Сердце отдаю детям” говорил о том, что культура воспитательного процесса в школе во многом определяется тем, насколько насыщена школьная жизнь музыкой [5]. На основе своего многолетнего опыта он подробно аргументировал и использовал специфику музыкального искусства в качестве средства коррекции человеческого поведения. В своей педагогической деятельности Сухомлинский опирался на музыку, как на наиболее эффективное средство привлечения ребенка к добру, красоте и иным общечеловеческим (и государственным) ценностям.

Вместе с тем, главное, на что должна быть направлена коммуникация (внутренняя и внешняя) человека с музыкой – это формирование осмысленного, эмоционального (личностно переживаемого) отношения к звукам и звуковым формам, интонациям; формирование ощущения взаимосвязи музыкального с окружающим миром (отсюда следует ощущение сопричастности человека ко всему существующему); а также апробация и актуализация человеком умения выражать соответствующими средствами настроения, чувства, переживания и др.

Таким образом, рассмотрение общих философских, психологических и социокультурных аспектов влияния музыки на личность показывает, что то воздействие, которое музыка оказывает на молодежь, с точки зрения социальных наук, может характеризоваться как социализирующее.

В предыдущем параграфе было определено, что социализация – это важнейшая функциональная особенность музыки как части общемолодежной культуры, которая наиболее показательно демонстрирует взаимосвязь искусства и общества. Тем не менее, данное положение нуждается в более детальном раскрытии и теоретическом обосновании, ввиду принципиальной сложности и неоднозначности рассматриваемого вопроса.

Одним из первых, кто коснулся рассмотрения проблемы социализации личности является Э. Дюркгейм. В работах ученого вопросы социализации непосредственно связывались с основами его концепции, в особенности с принципом социологизма, который противопоставлялся им “индивидуализму”, утверждался приоритет общественного над индивидуальным, а само общество рассматривалось как многогранный “социальный факт”, “способный оказывать на индивида внешнее давление ... и имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений” [6, с. 317, 354]. В процессе своего развития человек усваивает нормы и правила поведения, традиции, язык, устоявшуюся социокультурную систему и пр., созданные обществом в процессе общественной практики. Освоение существующих социальных ценностей, психологических механизмов, этических норм и составляет, по мысли Э. Дюркгейма, суть процесса социализации, который осуществляется посредством воспитания.

Особый интерес вызывают исследования Ж. Пиаже, представителя швейцарской философско-психологической школы, который делал акцент на развитии когнитивных, познавательных структур индивида, которые формируются и перестраиваются в зависимости от опыта и социального взаимодействия. В своей работе “Происхождение интеллекта у детей” Ж. Пиаже, раскрывая сущность процесса социализации, отмечал, что человеческое существо с момента рождения погружено в социальную среду, которая не просто физически воздействует на личность, но “непрестанно трансформирует самую его структуру, ибо... не только принуждает его к принятию фактов, но и предоставляет ему вполне установившиеся системы знаков, изменяющие мышление индивида, предлагает ему новые ценности и возлагает на него бесконечный ряд обязанностей” [7, с. 210]. Пиаже приходит к выводу: социальная жизнь трансформирует интеллект через воздействие на него языка (знаки), содержания взаимодействий субъекта с объектами (интеллектуальные ценности) и правил, предписанных мышлению (коллективные логические и дологические нормы) [7, с. 177].

В свою очередь, Г.М. Андреева определяет социализацию как двусторонний процесс: с одной стороны – это усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальный и культурный контексты; с другой – процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду [8].

Таким образом, основываясь на субъект-субъектном подходе, социализацию в целом можно рассматривать как развитие человека в процессе усвоения и воспроизводства им культуры, что происходит во взаимодействии человека со стихийными, относительно направляемыми и целенаправленно создаваемыми условиями на всех возрастных этапах и на протяжении всей жизни [9].

Как следствие, музыка оказывает социализирующее воздействие на человека не только в процессе непосредственного восприятия музыкального содержания (формы, тональности, текстовой составляющей и др.), но и вследствие дальнейшего воспроизводства этим человеком музыкального продукта. Иными словами, можно сказать, что молодежь, воссоздавая в творческих практиках (музыкальной самодетельности, сочинительстве и тп.) музыку, реконструирует ее, актуализируя аксиологическое ядро согласно требованиям времени. Таким образом можно в общих чертах представить логику взаимодействия музыкальной культуры и молодежи.

Согласно А.В. Мудрику, сущность социализации состоит в сочетании механизмов социального приспособления и обособления человека в условиях конкретного общества.

Приспособление – процесс и результат взаимодействия субъекта и социокультурной среды. Приспособление предполагает соотнесение требований и ожиданий социальной среды по отношению к личности с его жизненными установками и поведением. С другой стороны, оно предполагает согласование стремлений личности с ее возможностями и с реальностью социальной среды.

Музыка в данном контексте выступает в качестве составной части социокультурной среды, в которой живет человек и с которой он соотносит свои личностные характеристики и интенции. Как результат, музыка приспособляется к потребностям молодежи, а молодежь, вследствие потребления музыкального продукта, перенимает транслируемые музыкой культурные образцы, адаптируясь (приспосабливаясь) к ней. Однако, как известно, свойства отдельных элементов системы не всегда равнозначны их сумме. Так, музыка, как элемент социокультурной среды общества, обладает иной степенью изменчивости и динамичности относительно всей системы, а ценностное содержание музыкального продукта не может однозначно характеризовать все общество. Тем не менее, то типическое и тенденциозное, что обнаруживается при анализе музыкальных предпочтений конкретных групп населения (скажем, молодежи), способно помочь в описании их специфических черт и обозначить динамику развития.

Обособление – процесс индивидуализации и автономизации человека в обществе. Результат этого процесса – потребность личности иметь собственные жизненные взгляды и наличие таковых (ценностная автономия); потребность иметь собственные эмоциональные связи, выбираемые независимо от окружающих (эмоциональная автономия); способность решать жизненные проблемы, мешающие личностному самоопределению, самореализации и самоутверждению (поведенческая автономия).

Музыка в данном контексте является одним из способов молодежной индивидуализации и самоидентификации. Посредством аксиологической трансляции, музыка способна в определенной степени влиять на формирование у молодого человека собственных убеждений и взглядов на окружающую действительность. Благодаря создаваемой музыкальным материалом специфической эмоциональной реальности, отличной от повседневной, человеку удастся обособиться от обыденности и испытать таким образом индивидуально уникальный чувственный опыт. Ко всему прочему, конструируемая при восприятии музыки эмоциональная среда является способом эскапизма, механизм которого помогает достигнуть поведенческой автономии. Скажем, в контексте неформальных молодежных объединений, субкультурная музыка создает ту эмоциональную реальность, в которой ее член социализируется, самореализуется, а также утверждает собственную жизненную позицию.

Из сказанного можно заключить, что в самом процессе социализации заложен имманентный конфликт между мерой приспособления молодого человека к музыкальной среде того общества, в котором он живет, и степенью обособления от массовой музыкальной культуры. Другими словами, социализация предполагает диалектическую взаимосвязь приспособления и обособления.

Помимо механизмов социализации – приспособления и обособления – особенность данного процесса характеризуется определенным набором факторов. Факторы, или условия, социализации можно условно разделить на четыре взаимозависимые группы.

1) мегафакторы – космос, планета, мир, которые в той или иной степени напрямую, но чаще всего опосредованно через другие группы факторов, влияют на социализацию личности.

2) макрофакторы – страна, этнос, общество, государство, которые влияют на социализацию всех живущих в определенных государственных (национальных) границах.

3) мезофакторы – условия социализации больших групп людей, выделяемых по различным показателям: по типу места жительства (регион, село, город, поселок); по принадлежности к тем или иным социальным группам (субкультуры, контркультуры, неформальные молодежные объединения и т. п.).

4) микрофакторы – к ним относятся факторы, непосредственно влияющие на личность (семья, соседство, группы сверстников, воспитательные организации, религиозные организации, различные общественные, государственные и частные организации).

Чтобы определить место и роль музыки как составной части базовой культуры общества в вышеназванных группах социализации, необходимо обозначить, что в данном контексте культуру следует понимать не только как процесс и результат человеческой жизнедеятельности, но и как духовный компонент и условие всякой деятельности в целом. Это означает, что культура “вездесуща”, но вместе с тем в каждом конкретном виде деятельности она представляет лишь ее собственно духовную сторону – во всем разнообразии социально значимых проявлений.

По мнению французского ученого А.А. Моля, человек усваивает культуру из социального окружения, которое отчасти воспитывает ее в нем, отчасти же его ею “пропитывает” [10, с. 48]. Иными словами, социальное окружение (семья, сверстники, референтная группа, школьный класс, студенческая группа, субкультура и т. п.) отчасти воспитывает в человеке музыкальную культуру, а отчасти “пропитывает” личность ею с помощью средств коммуникации (межиндивидуальной, межгрупповой и массовой). Так проявляются два измерения культуры: объем и плотность.

Помимо факторов социализации, также необходимо обозначить ее основные механизмы: традиционный, институциональный, стилизованный и межличностный.

Традиционный (стихийный) механизм социализации представляет собой усвоение человеком норм, шаблонов поведения, стереотипов, которые характерны для его семьи и ближайшего окружения. Традиции, обычаи, привычки, поведенческие стереотипы, распространенные в конкретных регионах, этноконфессиональных и социальных границах, регулирующие поведение конкретных людей, также включают в себя как просоциальные, так и асоциальные (антисоциальные) элементы. Их усвоение происходит, как правило, на неосознанном уровне с помощью запечатления (импринтинга), некритического восприятия устоявшихся стереотипов, подражания и др.

По мнению И.С. Кона, традиционный механизм социализации высокоэффективен в передаче унаследованных от прошлого ценностей и норм прежде всего потому, что он тесно связан с относительно неизменным способом ведения хозяйства, экологическими условиями и социальной структурой [11, с. 19]. Кроме того, эффективность традиционного механизма проявляется в том, что те или иные элементы личностного опыта, усвоенные еще в детстве, но впоследствии вытесненные из-за изменившихся условий жизни (например, переезд из села в мегаполис), могут обнаружиться в поведении человека при очередном изменении жизненных условий или на последующих возрастных этапах.

В данном контексте музыка может рассматриваться как один из способов трансляции традиционных ценностей того общества, в котором она функционирует. Скажем, народные музыкальные жанры (фолк, этническая музыка и др.) в совокупности своей содержат в своем семантико-языковом ядре характерные для данного этноса (нации, народа) черты. Так, восточнославянская фольклорная музыка отчетливо отличается от испанской как по своей форме (размер, темп, тональность), так и аксиологически, поскольку подобная музыка напрямую происходит из традиций, верований, культовых практик и менталитета народа.

Институциональный механизм социализации функционирует в процессе взаимодействия человека с различными институтами и организациями, существующими как для оказания непосредственного социализирующего воздействия (музыкальные школы и колледжи, кружки, концертные учреждения), так и для опосредованного влияния через иные функции (дискотеки, ночные клубы). В процессе взаимодействия личности с различными социальными институтами происходит постепенное накопление им одобряемого социокультурного опыта, а также опыта имитации социально одобряемого поведения.

Здесь следует учитывать, что средства массовой коммуникации как социальный институт (печать, кино, телевидение, интернет) влияют на социализацию молодежи не только с помощью

трансляции определенной информации (визуальной, музыкальной, эмоциональной и т. п.), но и через демонстрацию образцов поведения героев книг, кинофильмов, телепередач, музыкальных клипов в определенных жизненных ситуациях. Как отметил в XVIII в. французский балетмейстер Ж.Ж. Новер, степень данного влияния велика постольку, поскольку страсти, испытываемые героями, отличаются большей силой и определенностью, нежели страсти людей обыкновенных, им легче и подражать [12, с. 61].

Люди в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями склонны соотносить себя с теми или иными кумирами, воспринимая при этом свойственные им образцы поведения и жизненный стиль. Таким образом, институциональный механизм социализации в контексте функционирования музыки может обеспечивать как развитие и расширение музыкальных предпочтений молодежи, так и в определенной степени снижать общий уровень музыкальной культуры. Данное обстоятельство зависит, в первую очередь, от общегосударственной политики развития национальной и индивидуальной культуры человека, а во вторую, от интенций, убеждений и интересов самого человека. Так, становится очевидной взаимосвязь между музыкальной культурой общества, функционированием музыки в данном обществе и отношением этого общества к музыке как таковой.

Наиболее отчетливо проследить социализирующее воздействие музыки на молодежь становится возможным, если рассмотреть стилизованный механизм социализации, который чаще всего действует в рамках определенной субкультуры. Как описывалось ранее, под субкультурой в общем виде понимается комплекс морально-психологических черт и поведенческих их проявлений, который в целом создает определенный стиль жизни и мышления той или иной группы населения. Но субкультура влияет на социализацию человека настолько, насколько являющиеся ее носителями члены данной группы референтны (значимы) для него. Иными словами, если молодой человек причисляет себя к какой-либо субкультуре, и, что не менее важно, субкультура принимает (признает) его, то степень влияния внутригрупповых ценностей, стиля жизни, шаблонов поведения и различных субкультурных практик неформального сообщества будет значительной для этого человека. В связи с этим необходимо подчеркнуть принципиальную значимость музыки и различного рода творческой деятельности в функционировании молодежных субкультур, поскольку, как отмечалось ранее, музыка в субкультурной среде является не только аксиологическим ядром неформального сообщества, но и одним из основных каналов коммуникации.

Таким образом, музыка и деятельность, связанная с ней, в определенной степени поддерживает и воссоздает то ценностное наполнение субкультуры, в рамках которого и происходит стилевая социализация молодого человека. Однако подобное наполнение не ограничивается исключительно музыкальным элементом. Помимо этого необходимо отметить влияние как внешней среды (общественные и культурные условия вне группы, экономические факторы и др.), так и внутренней среды (специфика внутренней коммуникации, субкультурные традиции и мода, характер самой субкультуры). Так, влияние внутренней среды на социализацию молодежи осуществляется через механизм межличностной социализации.

Межличностный механизм социализации функционирует в процессе взаимодействия человека со значимыми для него кругом лиц (референтной и(или) субкультурной группой). В его основе лежит психологический механизм идентификации. Значимыми лицами могут быть члены семьи, любой уважаемый взрослый, друзья (сверстники) и др. Однако следует отметить, что общение со значимыми лицами в группах и в организациях (субкультурах) может оказывать на человека влияние не идентичное тому, какое оказывает на него сама группа или организация. Это объясняется сложностью и неоднозначностью процессов межличностной и внутригрупповой коммуникации. Поэтому целесообразно выделять межличностный механизм социализации как специфический.

Таким образом, вышеназванные механизмы социализации не осуществляются в обществе самостоятельно или по каким-то этапам. У различных половозрастных и социокультурных групп, у конкретных людей соотношение роли механизмов социализации различно. Так, в условиях села или поселения городского типа, а также в семьях в городах с невысоким уровнем образования большую роль может играть традиционный механизм. В урбанистических условиях особенно явно действуют институциональный и стилизованный механизмы.

Те или иные механизмы играют различную роль в сферах социализации. Так, если речь идет о сфере досуга (посещение музыкальных концертов, домашнее прослушивание музыки), то ведущим чаще всего является стилизованный механизм, а стиль жизни нередко формируется с помощью как традиционного, так и стилизованного механизмов. По этой причине социализацию следует рассматривать комплексно и во взаимодействии всех ее элементов [13, с. 4].

По мнению А.В. Мудрика, наиболее эффективное влияние на человека как объект социализации оказывают те организации и контактные группы, с которыми он взаимодействует на протяжении жизни. Социализация в них в той или иной мере включает в себя все или большую часть содержательных аспектов, которые специфически реализуются, преломляясь и трансформируясь в зависимости от функций и характера организаций и групп. Некоторые из них – криминальные и тоталитарные (квазикультовые и экстремистские) весьма эффективно влияют на своих членов в десоциализирующем направлении.

Поскольку общество представляет собой совокупность различных социальных, этнических, конфессиональных и иных слоев и групп, постольку конкретный человек становится объектом социализации в тех из них, в которые он входит [8, с. 9–10].

Заключение

В контексте вышесказанного, следует отметить, что в отечественном и зарубежном научном дискурсе неоднократно обращалось внимание на возросшую роль музыки в процессе молодежной социализации. Актуальность исследования данного вопроса подтверждается рядом социально значимых функций музыкального искусства в целом: воспитательная, коммуникативная, познавательная, эстетическая и др. При этом социализирующая функция специфична тем, что она является объединяющей (связующей), участвующей во всех остальных процессах функционирования музыки и существующей потому, что интегрирует в себе все остальные функции, обеспечивая их взаимодействие. Другими словами, процесс социализации в молодежной среде структурно дополняется личной и групповой рефлексией при восприятии музыкального материала акторами общественного взаимодействия в различных социальных контекстах и практиках.

Как отмечалось выше, транслирование из музыкального ядра соответствующих ценностей, норм, образцов поведения и идеалов, а также усвоение и репродукция молодыми людьми данной аксиологической системы, является существенной частью общего процесса социализации. Формируемое таким образом человеческое мироощущение и мировоззрение в определенной степени способно регулировать молодежное поведение, определять их стиль жизни, а также уточнять социокультурные координаты положения личности (группы) в обществе. Безусловно, в этом процессе необходимо учитывать комплексное воздействие музыки на человека, ее широкую включенность во всевозможные сферы деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Лосев, А. Ф.* Основы философии музыки / А. Ф. Лосев // Философия. Мифология. Культура. – Москва : Политиздат, 1991. – 525 с.
2. *Гостдинер, А. Л.* Музыкальная психология / А. Л. Гостдинер. – Москва : МИП “НВ Магистр”, 1993. – 190 с.
3. *Римский-Корсаков, Н. А.* Музыкальные статьи и заметки / Н. А. Римский-Корсаков. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1911. – 223 с.
4. *Теплов, Б. М.* Психология музыкальных способностей / Б. М. Теплов. – Москва : Наука, 2003. – 384 с.
5. *Сухомлинский, В. А.* Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – К. : Радянська школа, 1974. – 288 с.
6. *Дюркгейм, Э.* Метод социологии / Э. Дюркгейм // Западно-европейская социология XIX – начала XX: тексты / под ред. В. И. Добренкова. – Москва : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. – 520 с.
7. *Пиаже, Ж.* Происхождение интеллекта у детей / Ж. Пиаже // Избранные психологические труды. Психология интеллекта у детей. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. – Москва : Просвещение, 1969. – 660 с.
8. *Мудрик, А. В.* Человек в процессе социализации: три ипостаси / А. В. Мудрик // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2009. – Вып. 3(14). – С. 7–16.
9. *Мудрик, А. В.* Социализация и “смутное время” / А. В. Мудрик. – Москва : Наука, 1991. – 80 с.
10. *Моль, А. А.* Социодинамика культуры / А. А. Моль // пер. с фр., вступ. ст., ред. и примеч. Б. В. Бирюкова, Р. Х. Зарипова и С. Н. Плотнокова. – Москва : Издательство “Прогресс”, 1973. – 407 с.

11. **Кон, И. С.** Психология ранней юности / И. С. Кон. – Москва : Просвещение, 1989. – 256 с.
12. **Новеpp, Ж.-Ж.** Письма о танце / Ж.-Ж. Новеpp // пер. А. А. Гвоздевой, примеч. и статья И. И. Соллертинского. – Л. : Academia, 1927. – 316 с.
13. **Giddings, F. P.** The theory of socialisation / F. P. Giddings. – N.Y. : The Macmillan company, 1897. – 72 p.

Поступила в редакцию 11.06.2018 г.

Контакты: perfatum@mail.ru (Шевко Роман Владимирович)

Shevko R. MUSIC AS THE ELEMENT OF YOUTH SOCIALIZATION.

The article considers music and musical practices as an element of youth socialization in the modern society. The aim of the research is to reveal the role of music as a socializing component of society. The introduction indicates the relevance of studying the influence of music on the nature of socialization and interaction of people in the youth environment. The functional property of music as a socializing element of society is determined in the main part of the article. Its essential characteristics and the specificity of the embodiment are represented. In the conclusion the significance of music as a factor of socialization is summed up, its unifying role for all other functions is defined.

Keywords: music, musical culture, youth, socialization, mass culture, subculture.

УДК 303.2

ДИНАМИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

В. А. Мартинович

доктор теологии, кандидат социологических наук
Минская духовная академия

Статья посвящена разрешению проблемы количественного анализа динамики общественной реакции на феномен новых религиозных движений в диахронической перспективе. Процесс идентификации НРД, лежащий в основании любых форм общественной реакции на феномен НРД, представляется в качестве важного объекта анализа заявленной темы. Проводится различие между динамикой освещения темы НРД в СМИ и динамикой их идентификации в СМИ. Предлагаются, операционализируются и апробируются в рамках пилотажного исследования основные параметры анализа динамики идентификации НРД, характеризующие: а) объем внимания общества к феномену НРД; б) избирательную направленность внимания на отдельные типы НРД; в) устойчивость внимания к конкретным типам НРД; г) специфику распределения акцентов внимания к НРД. Рассматривается возможность применения означенных параметров к анализу процесса идентификации НРД в иных институтах общества.

Ключевые слова: новые религиозные движения, печатные СМИ, идентификация новых религиозных движений, отношение общества к новым религиозным движениям

Введение

В массиве отечественных и зарубежных исследований темы “новые религиозные движения (далее – НРД) и общество” наблюдается серьезный перекося в расстановке акцентов. Большинство исследователей анализируют сами НРД и их отношение к социуму [1; 2], либо их место и роль в системе общественной системе [3; 4]. При этом подвижная и изменчивая специфика реакций различных институтов общества на феномен НРД, за редкими исключениями [5; 6], остается без внимания. Отношение общества к НРД в диахронической перспективе изучается еще реже, и является прерогативой историков [7] и представителей т. н. “исторической социологии” [8]. В тех случаях, когда оно все же становится предметом специального внимания социологов [9], исследователи прибегают исключительно к качественным методам анализа. Причина такой методологической селективности состоит в том, что в то время как НРД поддаются измерению, реакция на них еще не была сведена к ряду измеримых в контексте диахронической перспективы количественных характеристик. Регулярного мониторинга общественного мнения по означенной тематике не проводилось. Результаты разовых опросов населения в разных странах мира несопоставимы друг с другом и не позволяют сделать вывод о динамике отношения общества к НРД для конкретной территории.

В настоящей статье на примере анализа печатных СМИ предпринята попытка преодоления проблемы невозможности количественного анализа динамики общественной реакции на феномен НРД в диахронической перспективе. С этой целью были выделены, квантифицированы и апробированы в пилотажном исследовании основные параметры динамики идентификации НРД – процесса, лежащего в основании любых форм общественной реакции на феномен НРД. Статья может претендовать лишь на общее введение в означенную проблематику.

Основная часть

Предполагаемая генеральная совокупность НРД

До настоящего времени большинство исследователей исходило из допущения о существовании линейной причинно-следственной взаимосвязи между действиями НРД и реакцией на них со стороны общества. Не редко на основании анализа общественной реакции на феномен НРД делались выводы о состоянии самих НРД. Под влиянием этого подхода сформировался целый ряд стереотипов о процессах, протекающих в конфессиональном пространстве общества.

Так, например, широко распространено представление о том, что в 1990-е гг. на постсоветском пространстве действовало намного больше НРД, чем в 2000-х. После распада СССР появилось большое количество НРД, оставивших яркий след чередой скандалов и конфликтов. Не менее широко распространено представление о том, что феномен НРД в целом формируется в 1970-е гг. на Западе. В обоих случаях выводы об НРД делаются на основании анализа бурной общественной реакции на их работу, выражающейся в массиве литературы, репортажей во всех типах СМИ, публичных обсуждений темы сект.

Однако анализ оригинальных материалов и документов, порожденных НРД в процессе работы, позволяет прийти к несколько иным выводам. Так, в 1990-е гг. в странах бывшего СССР действительно появляется много новых НРД, но в 2000-е и 2010-е гг. их действовало не столько раз больше, просто общество реагировало на них спокойнее, чем раньше. В результате создалась иллюзия их широкого распространения в 1990-е гг. и последующего постепенного исчезновения. Однако процессы возникновения отечественных и миграции иностранных НРД не прекращались все это время. К группам 1990-х, большая часть из которых никуда не исчезла, добавились новые НРД, но вокруг них никаких масштабных обсуждений и дискуссий в обществе не возникало. Аналогичным образом выглядит ситуация с 1970-ми гг., когда на Западе формируется количество НРД, вполне сопоставимое как с предшествующим, так и с последующим периодами. Чрезвычайно бурная общественная реакция на работу НРД была воспринята исследователями как характерный признак их особо активного роста и распространения.

Таким образом, методологически обоснованное временное “вынесение за скобки” общественной реакции на НРД и анализ самих НРД, безотносительно того, кто и что о них говорит, думает и пишет, показывает, что взаимосвязь между их деятельностью и реакцией на них имеет не линейный, но гораздо более сложный и комплексный характер. Вне всякого сомнения, общественная реакция на НРД также является источником информации о процессах, протекающих в их среде. Однако повышение уровня надежности получаемых результатов предполагает, во-первых, уточнение методологии анализа этой реакции, прежде всего в направлении квантификации ее основных параметров; и, во-вторых, опору на предполагаемую генеральную совокупность НРД, включающую в себя количественные данные о специфике конфессионального пространства страны, полученные в процессе анализа материалов самих НРД.

При этом специфика распределения данных в предполагаемой генеральной совокупности НРД должна быть известна до начала изучения общественной реакции на НРД. Исследование общественного мнения о феномене НРД должно предваряться более сложным и трудоемким анализом специфики конфессионального пространства страны, либо опорой на результаты такого анализа, проведенного другими учеными. Автором ранее была проанализирована предполагаемая генеральная совокупность НРД Республики Беларусь, обновленные данные по которой ежегодно публикуются в открытом доступе [10, с. 83–128]. Она указывает на реальные масштабы распространения феномена НРД, позволяет прояснить, какое количество НРД, несмотря на активную работу в обществе, не замечается и не идентифицируются в качестве таковых в общественном дискурсе, а также упрощает выявление специфики селективного внимания общества к различным группам и типам НРД. Анализ общественных реакций на НРД приобретает особое значение и смысл, если есть возможность сделать поправку на предполагаемую генеральную совокупность НРД.

Процесс идентификации НРД

Процесс идентификации НРД является начальной стадией осмысленной реакции общества на дифференциацию религиозного пространства любой страны мира. Идентификация НРД включает в себя установление полного совпадения характеристик той или иной религиозной организации с одной из разновидностей НРД. В каждом акте идентификации выделяются следующие ключевые элементы:

- а) субъект процесса идентификации (в настоящей статье – печатные СМИ, но в качестве субъекта могут выступать любые институты общества);
- б) критерии отнесения группы к НРД (основания, по которым журналисты и редакторы принимают решение об идентификации конкретной организации в качестве НРД);

в) материалы о какой-либо организации, сообществе или явлении (источники информации по НРД, подпадающие под те или иные критерии отнесения к НРД, начиная от их собственных материалов и заканчивая свидетельствами очевидцев, данными интервью журналистов со специалистами и т. д.).

Субъект данного процесса, под влиянием собственных специфических целей и задач формирует, либо заимствует критерии отнесения религиозных групп к числу НРД, и с опорой на имеющиеся в его наличии материалы идентифицирует конкретную религиозную организацию в качестве НРД. Основным следствием означенного процесса является разделение всех НРД на две группы:

а) *идентифицированные НРД* – религиозные организации, отнесенные к числу НРД и ставшие объектом особого внимания, отношения и реакции со стороны населения и различных институтов общества;

б) *неидентифицированные НРД* – религиозные организации, отличающиеся от идентифицированных НРД только отсутствием общественного внимания к ним как к НРД.

В границах проблематики отношения общества к феномену НРД может существовать большое количество разных подходов и уровней анализа. Однако их должно предварять исследование процесса идентификации НРД – базовой процедуры, стоящей у истоков всех без исключения последующих вариантов отношения к НРД, реакции на НРД, и любого знания об НРД в обществе. Прежде чем нейтрально, позитивно или негативно высказываться или писать о конкретной религиозной группе как об НРД, приписывать ей какие-то характеристики, качества и свойства, как-то реагировать на ее работу, та или иная религиозная организация должна быть идентифицирована в качестве НРД. Анализ процесса идентификации НРД не отменяет и не заменяет собой необходимости исследования большого количества тем и вопросов, связанных с реакцией общества на НРД, но лишь предваряет их. Он обладает большим эвристическим потенциалом, задает новый ракурс исследования темы, делает второстепенными дискуссии вокруг:

а) корректности используемой любым субъектом идентификации в отношении НРД терминологии (при такой постановке вопроса нейтральный термин «новая религия» значим в той же самой степени, что и негативно перегруженный термин «деструктивная секта». При этом не важно, какой конкретно из 280 вариантов альтернативных терминов [10, с. 79–81], синонимов «НРД», будет использован в процессе идентификации);

б) обоснованности осуществления печатным СМИ того или иного акта идентификации НРД (последствия от каждого такого акта значимы вне зависимости от степени его корректности);

в) содержания информации, публикуемой в печатных СМИ о НРД (придуманные и искаженные журналистами истории из жизни НРД столь же второстепенны, как точная, проверенная и обоснованная информация).

Иначе говоря, при анализе статической картины идентификации НРД печатными СМИ важно не кто, что, с опорой на какие термины пишет о НРД, но кого относят к НРД, или перечень религиозных организаций, маркируемых в качестве НРД, в сравнении с перечнем НРД, не относимых печатными СМИ к НРД. При этом, чем большее количество параметров характеризует предполагаемую генеральную совокупность НРД, тем большее количество вариантов анализа полученных результатов открывается. Так, если известно распределение всех идентифицированных и неидентифицированных НРД по типу структуры и содержания, то можно сделать выводы о приоритетах общественной реакции на конкретные типы нетрадиционной религиозности и т. д. Статическое измерение или образ НРД, формируемый печатными СМИ на макроуровне, а также направления и степень его отклонения от действительной картины распределения НРД в конфессиональном пространстве уже были ранее описаны автором [11].

Динамика процесса идентификации НРД еще не подвергалась анализу, хотя именно она является одним из основных индикаторов изменения отношения к НРД в общественном дискурсе. Следует различать между: а) динамикой освещения темы НРД в СМИ, и, б) динамикой идентификации НРД в СМИ.

Динамика освещения темы НРД в СМИ является общим параметром, фиксирующим изменение уровня внимания печатных СМИ к проблематике нетрадиционных религий. Ее анализ основывается на учете изменений количества и объема статей, посвященных НРД в разных ти-

пах печатных СМИ для заданного периода времени. В качестве основной единицы измерения выступает отдельная статья.

Динамика идентификации НРД в СМИ отражает специфику изменений во внимании СМИ к конкретным организациям и типам НРД. В качестве основной единицы измерения выступает одна группа, отнесенная в одной статье к числу НРД. Анализ этой динамики основывается на исследовании количественных и качественных изменений в перечнях идентифицированных в качестве НРД религиозных групп в сравниваемые периоды времени.

Идентифицированные НРД

В процессе работы над заявленной темой было проведено пилотажное исследование, основная цель которого состояла в проверке обоснованности выделенных автором параметров динамики идентификации НРД в печатных СМИ и проверке соответствующего методического инструментария для их фиксации. Методом доступной выборки автором было собрано 140 антисектантских статей, опубликованных на протяжении трех лет (1993 (58 статей), 1995 (31 ст.) и 1997 (51 ст.)) в 40 газетах Республики Беларусь. Информация о генеральной совокупности статей в печатных СМИ Беларуси по теме НРД отсутствует. Специфика целей пилотажа предопределила как свободный выбор хронологических рамок, так и метод формирования выборки, позволяющий на этом этапе сэкономить время. В выборку не включались статьи из журналов и религиозных СМИ, интернет-изданий, а также светских газет, специализирующихся на религиозной тематике.

Анализ статей производился методом стандартизированного опроса текста, технология которого была разработана Центром социологических и политических исследований БГУ под руководством Д.Г. Ротмана [12]. Релевантный для данного исследования вопрос из бланка опроса текста, формулировался следующим образом: какие конкретно религиозные организации в тексте статьи идентифицируются в качестве НРД? Прочие вопросы были направлены на проверку ряда иных авторских теорий и концепций, выходящих за рамки темы идентификации НРД в печатных СМИ. Полученные результаты подтверждают обоснованность выделения автором четырех параметров анализа количественных и качественных изменений в перечнях идентифицированных НРД в печатных СМИ. К их числу относятся:

- а) количество идентифицированных НРД;
- б) диапазон вариативности идентифицированных НРД;
- в) рекурсивность процесса идентификации НРД;
- г) частотность упоминания идентифицированных НРД.

1. Количество – общее число групп, идентифицированных в качестве НРД в разные периоды времени. Динамика количества идентифицированных НРД является основным параметром, фиксирующим изменения в объеме внимания, уделяемого разными институтами общества проблематике НРД в заданный период времени. В случае с печатными СМИ данные пилотажа показали, что в 1993, 1995 и 1997 гг. ими было идентифицировано 34, 39 и 36 НРД. Это не высокий показатель, особенно на фоне того, что только в 1993 г. на территории Беларуси появилось как минимум 43 новых НРД, а их общее количество в стране к 1997 г. исчислялось не менее чем 300 наименованиями [10, с. 459]. Таким образом, документально подтвержденное увеличение количества НРД в Беларуси не сопровождалось ростом масштабов их идентификации. Эти данные можно проинтерпретировать как постепенное отвлечение внимания СМИ от проблематики НРД, начавшееся с середины 1990-х гг. и развивавшееся вопреки реальным процессам в системе нетрадиционной религиозности. Они же могут свидетельствовать о существовании какой-то границы насыщения общественного внимания темой НРД, которая может варьироваться на уровне 30-40 групп при любых колебаниях в среде самих НРД. Корректную интерпретацию можно будет дать после анализа динамики идентификации НРД для более длительного периода времени. При сопоставлении с предполагаемой генеральной совокупностью НРД этот параметр позволяет выявить динамику соотношения идентифицированных и неидентифицированных НРД, наглядно показывает избирательность общественного внимания к теме НРД, подтверждает наблюдения автора о том, что:

– во-первых, в общественном дискурсе обсуждается лишь малая часть всех реально действующих в обществе НРД, а сам феномен нетрадиционной религиозности в основной массе своих форм и проявлений находится в тени;

– во-вторых, печатные СМИ не чувствительны к изменениям в количестве НРД и точно реагируют только на работу тех из них, которые активно обращают на себя внимание в негативном смысле.

Неидентифицированные НРД не остаются без внимания прессы: многие из них активно рекламируют себя в СМИ. Однако их рекламные материалы не сопровождаются актом идентификации НРД, и эти группы не становятся предметом особого обсуждения. Автор встречался с рекламой в СМИ нескольких сотен НРД, которые в разных форматах и с разной частотой пытались привлечь к себе внимание населения. Большая часть из них не идентифицировалась в антисектантских материалах в качестве НРД. Особый интерес представляли случаи, когда реклама и критический материал с идентификацией в качестве НРД одной и той же группы не просто публиковались в одних изданиях, но порой в одном номере на одной и той же странице. Читателям предоставлялась возможность последовать рекламному призыву группы, либо осторожно отнестись к ней прочитав критику. Исследование соотношения рекламы и критики НРД в печатных СМИ в статической и динамической перспективах представляет большой интерес, но выходит за рамки настоящей статьи.

Сравнение количества идентифицированных НРД (объем внимания), с динамикой освещения темы НРД в СМИ (уровень внимания) также показало отсутствие прямо пропорциональной зависимости между ними: увеличение числа статей, посвященных НРД, не влечет за собой автоматически увеличения количества идентифицированных в них НРД (обратное также верно). Так, например, в 1993 г. на 58 статей приходилось 34 НРД, а в 1995 на 31 статью – 39 НРД.

2. Диапазон вариативности – распределение структурных и содержательных характеристик идентифицированных НРД для конкретного периода времени. Динамика диапазона вариативности является основным параметром, фиксирующим избирательную направленность внимания на конкретные типы НРД разных институтов общества. НРД неоднородны по своему составу и на территории каждой страны мира в своей совокупности образуют уникальную конфигурацию. Печатные СМИ, под влиянием целого ряда факторов избирательно выделяют и идентифицируют среди всего множества действующих НРД, какую-то их часть. Также и иные институты общества обращают внимание на какой-то конкретный набор НРД, который в чем-то отличается, а в чем-то и совпадает с перечнем НРД, идентифицированных иными институтами общества в тот же период времени. В данном случае важно только то, что никакой из этих наборов и перечней НРД не образует собой идеальной выборки из предполагаемой генеральной совокупности НРД. Все они в свою очередь неоднородны и представляют собой уникальную и меняющуюся с течением времени конфигурацию НРД. Установление того факта, что обсуждаемые в общественном дискурсе НРД не являются уменьшенной моделью всей совокупности действующих в конкретной стране НРД осуществляется путем сравнения базовых содержательных и структурных характеристик идентифицированных НРД с предполагаемой генеральной совокупностью НРД.

При анализе диапазона вариативности информация о присутствии в перечне любого конкретного НРД самого по себе не представляет ценности на фоне данных о распределении всей массы идентифицированных НРД по типам их структуры и содержания. Отдельные НРД интересны лишь как составная часть того или иного типа НРД, диапазон распределения составляющих которого и представляет наибольший интерес. На основании данных по диапазону вариативности можно делать выводы о специфике внимания печатных СМИ к одним типам НРД при одновременном забвении других, а также о постепенной смене акцентов общественного внимания к феномену НРД в процессе исторического развития. Так, например, в 1993 г. из 34 НРД 22 относились к высокоструктурированным сектам и культам, 4 к менее структурированным клиентурным культам, 7 к слабоструктурированным аудиторным культам и 1 к сектоподобным группам. По содержанию представлено всего 9 из 17 основных типов НРД. Сравнение даже этих предварительных результатов с предполагаемой генеральной совокупностью НРД Беларуси позволяет выявить акценты во внимании к НРД СМИ и констатировать факт существенного искажения реального соотношения НРД. Так, например, высокоструктурированные НРД распространены в обществе в меньшей степени, чем средне- и слабоструктурированные клиентурные и аудиторные культы. В рамках пилотажа детальный анализ выявленных искажений второстепенен. В рамках основного исследования искажение реального соотношения можно будет

представить в количественных показателях для всех 17 типов НРД по структуре и 6 типов по содержанию, т. е. для 102 типов НРД.

3. Рекурсивность – повторная идентификация одних и тех же НРД на протяжении двух и более периодов времени. Динамика рекурсивности является основным параметром, фиксирующим устойчивость внимания различных институтов общества к конкретным типам и группам НРД. Пилотажное исследование показало, что динамика идентификации НРД отличается достаточно высоким уровнем рекурсивности. Для 1993, 1995 и 1997 гг. он составил от 58,8%, 64,1% и 61,1% соответственно. Углубленный анализ перечней НРД в данном контексте позволяет разделить их на следующие группы:

а) *“Ядро”* – НРД, присутствующие в перечнях за все годы мониторинга. Характеристики НРД, входящих в настоящую группу, оказывают основополагающее влияние на формирование доминирующих в общественном дискурсе представлений о нетрадиционной религиозности в целом и НРД в частности. Анализ более длительных периодов мог бы показать, что даже НРД из этой группы, несмотря на длительное пребывание в фокусе общественного внимания, рано или поздно уходят на второй план, а их место занимают другие НРД. Так, например, в статьях 1993 г. отсутствует идентификация уже активно действовавшей в то время в России и Беларуси организации Аум Синрикэ. Она появится только в 1995 г., но с тех пор неизменно будет упоминаться в печатных СМИ как один из наиболее ярких примеров НРД. По данным пилотажного исследования группы ядра составляют 19% от общего количества идентифицированных за 3 года НРД.

б) *“Полупериферия”* – НРД, появляющиеся в перечнях на протяжении от двух до пяти лет (верхняя планка должна уточняться в исследованиях, охватывающих более длительные периоды). В эту группу входят как организации, вокруг которых в общественном дискурсе ведутся дискуссии относительно возможности и правильности их идентификации в качестве НРД, так и НРД, дававшие яркий повод для обсуждений в СМИ с относительно кратковременным шлейфом из упоминаний в печати на протяжении нескольких лет. Они дополняют ядро местной спецификой, детализируют образ НРД, обеспечивают в нем какое-то разнообразие. По данным пилотажа группы полупериферии составляют 20%.

в) *“Периферия”* – НРД, упоминающиеся однократно в тот или иной период времени. НРД этой группы практически ничем не отличаются по своим типологическим характеристикам от НРД ядра и полупериферии, что самими печатными СМИ, не всегда осознается и артикулируется. Однако они упоминаются на страницах СМИ в связи с конкретными случаями и ситуациями локального значения. Они не становятся предметом широкомасштабных дискуссий, очень плохо запоминаются обывателями и не оказывают существенного влияния на формирование образа НРД. Тем не менее, они исполняют достаточно важную функцию “фона”, на котором разворачивается обсуждение запоминающихся и узнаваемых населением НРД. Периферия составляет 61% от общего числа идентифицированных НРД.

Анализ соотношения всех трех групп для каждого года в отдельности выявил их более уравновешенное соотношение друг с другом и доминирование ядра над полупериферией. Так, в 1993 г. ядро составляло 38%, полупериферия 21%, а периферия 41%. В 1995 г. ядро – 33%, полупериферия – 31% и периферия – 36%. В 1997 г. показатели были на уровне 36%, 25% и 39%. Анализ изменений в типологических особенностях НРД, входящих в ядро и полупериферию является ключом к пониманию изменений в общественных представлениях о феномене нетрадиционной религиозности в целом и НРД в частности. В рамках пилотажа такой анализ не проводился, но при наличии данных о предполагаемой генеральной совокупности НРД он не представляет собой сколько-нибудь сложной операции.

4. Частотность – количество идентификаций одного и того же НРД в разных статьях в рамках одного периода времени. Динамика частотности является основным параметром, фиксирующим распределение акцентов внимания к идентифицированным НРД со стороны различных институтов общества. Одно НРД может до нескольких десятков раз упоминаться в границах одной статьи, однако в настоящем параметре учитывается количество упоминаний одной и той же группы в разных материалах, при том, что для каждой статьи засчитывается только одно упоминание. Такой подход основывается на том, что в настоящем исследовании изучается не влияние материалов об НРД в СМИ на общество, но специфика распределения их внимания к разным группам и типам НРД. Иначе говоря, общее количество раз, когда журналисты, не

сговариваясь друг с другом и никак не координируя свои действия, во-первых, из многообразия тем выбирают проблематику нетрадиционной религиозности; и, во-вторых, среди огромного массива реально действующих групп избирательно принимают решение упомянуть одно или несколько конкретных НРД. Объяснение означенной селективности внимания журналистов для конкретного региона и периода времени неизменно должно отталкиваться от анализа конкретных ее результатов, инструменты и параметры фиксации которых и предлагаются в настоящей статье. Анализ частотности позволяет зафиксировать как индивидуальную динамику упоминаний в прессе конкретного НРД, так и детализировать выводы о степени внимания к каждому типу НРД в динамической перспективе.

Анализ частотности идентификаций НРД показал, что не всякое обращение к теме НРД в печатных СМИ сопровождается процессом идентификации НРД: определенное количество статей, полностью посвященных сектантству, не упоминает по названию ни одного НРД. Они представляют собой теоретические размышления журналистов о феномене нетрадиционной религиозности и его влиянии на человека и общество. В некоторых случаях они содержат подробное описание группы без указания ее наименования, то есть, без формального акта идентификации и привязки массива излагаемых сведений к конкретной организации. Это делает организацию узнаваемой для узкого круга специалистов и ее членов, но не для широкой общественности. Так, 13% статей 1993 г., 19,4% статей 1995 г. и 43,1% статей 1997 г. имели общетеоретический характер. При этом увеличение количества статей без идентификации сопровождалось увеличением среднего числа идентифицированных НРД на 1 статью от общего числа материалов, вовлеченных в процесс идентификации. В результате, увеличение общетеоретических статей по НРД не оказало существенно-го влияния на общее количество идентифицированных групп, в сравнении с иными годами.

Анализ частотности идентификаций НРД в контексте рекурсивности дал, в общем и целом, предсказуемый результат. В то время как НРД входящие в ядро практически всегда доминируют по частотности упоминаний над НРД полупериферии и периферии, последние две группы рекурсивности могут меняться друг с другом по частотности упоминаний, входящих в них НРД. При этом на уровне отдельных НРД вхождение в ядро не всегда является гарантом их более частых упоминаний, чем некоторых групп полупериферии и даже периферии. Так, например, группа периферии Ветвь Давида упоминалась в 1993 г. четыре раза, в то время как 9 групп ядра за этот же год от одного до трех раз каждая.

Заключение

Данные по динамике освещения темы НРД и динамике идентификации НРД в ее четырех основных параметрах (количество, диапазон вариативности, рекурсивность и частотность идентификации НРД) вполне могут быть адаптированы для иных институтов общества. Получение результатов по специфике динамики идентификации для всех основных институтов общества, в той или иной степени вовлеченных в рефлексию над НРД и реакцию на их деятельность является основным этапом на пути к целостному представлению изменений в отношении общества к НРД в диахронической перспективе. Анализ предложенных автором параметров для печатных СМИ с поправкой на тип издания, регион его распространения, тираж, специализацию, форму собственности и т. д. может выявить дополнительные факторы, влияющие на формирование специфики общественного внимания к феномену НРД. Как показало пилотажное исследование, все предложенные в настоящей статье параметры общественного внимания к теме НРД операционализируемы и доступны для измерения и проверки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Балагушкин, Е. Г.* Мистицизм в современной России / Е. Г. Балагушкин. – М. : Либроком, 2013.
2. *Кантеров, И.* Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ) / И. Кантеров. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007.
3. *New Religious Movements: A Perspective for Understanding Society* / Ed. Eileen Barker. – New York & Toronto : The Edwin Mellen Press, 1982.
4. *Robbins, T.* New Religious Movements and the Social System. Integration, Disintegration, or Transformation / T. Robbins, D. Anthony // *The Annual Review of the Social Sciences of Religion*. – 1978. – Vol. 2. – P. 1–28.
5. *Beckford, J. A.* Cult Controversies. The Societal Response to the New Religious Movements / J. A. Beckford. – London, New York : Tavistock Publ., 1985.

6. **Zaidman-Dvir, N.** The Response of Israeli Society to New Religious Movements: ISKCON and Teshuvah / N. Zaidman-Dvir, S. Sharot // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1992. – Vol. 31:3. – P. 279–295.
7. **Jenkins, P.** Mystics and Messiahs. Cults and New Religions in American History / P. Jenkins. – Oxford : Oxford University Press, 2000.
8. **Sharpe, J. A.** Witches and Persecuting Societies / J. A. Sharpe // Journal of Historical Sociology. – 1990. – Vol. 3. – P. 75–86.
9. **Hall J. R.** Apocalypse Observed: Religious Movements and Violence in North America, Europe and Japan / J. R. Hall, P. D. Schuyler, S. Trinh. London and New York : Routledge, 2000.
10. **Мартинович, В. А.** Сектантство: возникновение и миграция : материалы к изучению нетрадиционной религиозности / В. А. Мартинович. – М. : Издательский дом “Познание”, 2018. – Т. 1.
11. **Мартинович, В. А.** Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси / В. А. Мартинович // Журнал БГУ. Социология. – 2017. – № 4. – С. 56–65.
12. **Ротман, Д. Г.** Новые подходы к сбору и анализу информации (из опыта полевых исследований) / Д. Г. Ротман // Социологические исследования. – 2015. – № 5. С.145–149.

Поступила в редакцию 21.11.2018 г.

Контакты: nrmsect@yandex.ru (Мартинович Владимир Александрович)

Martinovich V. DYNAMICS OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IDENTIFICATION IN PRINT MEDIA.

The article is devoted to the problem of quantitative analysis of the dynamics of social reaction to the phenomenon of new religious movements in the diachronic perspective. The identification process of the NRMs, which lies at the base of any form of social reaction to the NRMs phenomenon, is presented as the most important object of analysis of the declared topic. A distinction is made between the dynamics of coverage of the topic of NRMs in print media and the dynamics of their identification in print media. The main parameters of the analysis of the dynamics of identification of NRMs are proposed, operationalized and tested in the pilot study. The parameters are: a) the amount of public attention to the NRMs phenomenon; b) the selective focus of attention on certain types of NRMs; c) the stability of attention to specific types of NRMs; and, d) the specifics of the distribution of attention accents. The possibility of applying these parameters to the analysis of the identification process of NRMs in other institutions of society is considered.

Keywords: new religious movements, print media, identification of new religious movements, society's attitude to new religious movements.

УДК 341.018

САНКЦИЯ ПРОКУРОРА И КОМПЕТЕНЦИИ СУДА О ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ – ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Л. Ф. Лазутина

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры правовых дисциплин
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

В статье рассматривается необходимость сохранения за прокуратурой компетенций дачи санкции на заключения под стражу, порядок нормативного регулирования и реализации указанных полномочий, возможности принятия подобного решения судом, вносятся предложения по совершенствованию УПК Республики Беларусь.

Ключевые слова: санкция, заключение под стражу как мера пресечения; роль и полномочия прокурора при избрании меры пресечения, решения суда.

Введение

Конституция Республики Беларусь, нормы международного права закрепляют основополагающие права и свободы человека и гражданина, при этом констатируется, что при наличии определенных оснований может возникнуть правовая необходимость их ограничения. Так, Конвенция от 4 ноября 1950 г. о защите прав человека и основных свобод гарантирует каждому человеку права на свободу и личную неприкосновенность, определяя условие, возможность, и критерии необходимости их ограничения. Эти правила фундаментальны и общепризнаны во всех европейских странах.

В 1976 г. Республика Беларусь заключила международное соглашение и на ее территории действует Международный пакт о гражданских и политических правах, где в п. 3 ст. 9 закреплено: “Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на его освобождение” [1].

Основная часть

САНКЦИЯ [от лат. *sanctio* (*sanctionis*) нерушимый закон, строжайшее постановление] Юрид. утверждение чего-либо, высшей инстанцией, разрешение [2].

В настоящее время УПК ст. 6 предлагает определения санкция прокурора как – письменное решение прокурора или его заместителя о проведении процессуальных действий в случаях, предусмотренных законодательством.

Санкция является одной из форм прокурорского надзора за производством следственных действий, которые в определенной мере затрагивают права и законные интересы граждан.

В уголовном процессе прокурор санкционирует достаточно широкий и значимый перечень процессуальных и следственных действий.

Санкционирование заключения под стражу принадлежит Генеральному прокурору Республики Беларусь, прокурорам областей, городов, районов, приравненным к ним прокурорам и их заместителям.

Пожалуй, самым уголовно и общественно-социально значимым процессуальным действием можно назвать санкционирование прокурором меры пресечения в виде заключения под стражу.

Заключение под стражу предусматривает принудительное ограничение свободы, при котором лицо может находиться на определенный срок предварительного расследования и

судебного разбирательства по уголовному делу в соответствующих местах, установленных законом, и естественно, что такое ограничение ведет хотя и временно к лишению прав и свобод человека.

Данная мера пресечения, санкционированная прокурором, может быть избрана лишь при условии, что другие, не могут обеспечить необходимое и должное поведение субъекта, предусмотренные статьей 117 УПК.

Вместе с тем, как показывает практика, промедление, затягивание решения вопроса о применении меры пресечения заключения под стражу к лицам, совершившим тяжкие, особо тяжкие преступления, приводит к совершению новых преступлений. Безусловно, заключение под стражу – мера, обеспечивающая реальное пресечение противоправных действий (подозреваемого) обвиняемого. Однако из утверждения, что закон всеобщ, каждый случай индивидуален, при решении вопроса о даче санкции на заключение под стражу прокурор или его заместитель обязаны должным образом, не формально, лично ознакомиться с материалами уголовного дела и принять для себя решение в целесообразности именно такой меры пресечения. Уже на этом этапе всесторонне оценить объективность и достаточность собранных доказательств, при необходимости лично допросить подозреваемого или обвиняемого, а несовершеннолетних – во всех случаях.

Цель допроса – проверить с использованием и применением определенных способов, приемов и методов доводы обвиняемого о невиновности, выяснить, нет ли у него жалоб на действия или бездействия органов уголовного преследования, не нарушены ли права на защиту и т. д.

По своей юридической природе меры пресечения существенно отличаются от уголовного наказания, но для гражданина, впервые привлекаемого к уголовной ответственности и как ему представляется, уже уголовное наказание.

Значимой, необходимой гарантией законности и обоснованности избрания самой жесткой меры пресечения-заключения под стражу естественно и неоспоримо является судебный контроль. В случае установления нарушений уголовно процессуального законодательства, судья вправе отменить избранную меру и освободить обвиняемого из-под стражи, о чем выносит мотивированное постановление.

Так, в отдельных странах запада (США, Англия, ФРГ, Франция) мера государственного принуждения (арест) осуществляются судьей. Но здесь следует учитывать, что их законодательство допускает следственные действия *следственным судьей*. В Российской Федерации (далее – РФ) такая возможность на различных уровнях обсуждается. Белорусский законодатель наличие данного института в реалии никогда и не рассматривал, да оно как представляется и не требуется, и не является актуальным во всяком случае на современном этапе.

Но, например, в Узбекистане принят и действует Указ Президента Республики Узбекистан “О передаче судам права выдачи санкции на заключение под стражу” от 8 августа 2005 г. Такое положение действует еще в более чем 100 странах.

Следует отметить, что в РФ решение вопроса об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого в качестве меры пресечения содержание под стражей, окончательно принимает суд, учитывая при этом нормы Уголовного кодекса, личностные характеристики, (возраст, место жительства, нахождения, трудоустройство, семейную составляющую, судимость). Практически данные обстоятельства учитываются и в белорусском законодательстве.

Сегодня высказывается мнение о передаче суду полномочия прокурора по санкционированию ряда процессуальных, следственных действий, так как именно эти ограничения существенно затрагивают конституционные права граждан и являются общественно-социально значимыми для всего общества.

В последние годы все чаще среди юристов, в частности отдельных адвокатов, просто граждан, чьи знакомые, родственники, коллеги по работе являлись подозреваемыми, обвиняемыми по уголовным делам, слышится позиция о передаче функции решения вопроса о применении меры пресечения заключения под стражу однозначно только суду. Такая позиция, точка зрения, не является новой, более того иногда навязывается из вне. Например, ОБСЕ Бюро по демократическим институтам и правам человека в Отчет Мониторинг судебных процессов в Республике Беларусь (март – июль 2011 г) рекомендовал внести поправки в положения УПК, например:

а) решения в первой инстанции о досудебном заключении под стражу принимали бы судьи, а не прокуроры;

б) решения о заключении под стражу базировались на обоснованном подозрении о том, что данное лицо совершило преступление, и на индивидуальной оценке возможности того, что данный задержанный может скрыться от правосудия, уничтожить доказательства, повлиять на свидетелей или повторно нарушить закон. Следует, чтобы решение о заключении того или иного лица под стражу содержало конкретное разъяснение оснований для таких выводов;

в) исключить положения, по которым допускается заключение под стражу лишь на основании тяжести обвинения [3].

По данным рекомендациям и мнениям многих других был сделан и вывод о том, что суд независим, не связан ведомственными интересами и не несет ответственности за раскрываемость преступлений. Суд в большей мере будет учитывать законные интересы граждан, чем прокурор при даче санкции.

Однако данная позиция противоречит основному закону Республики Беларусь, где статья 112 Конституции закрепляет положение – правосудие в Республике Беларусь осуществляется судами [4]. Следовательно, избрание судом меры пресечения в отдельных случаях, по уголовным делам, при производстве предварительного расследования, не соответствует предназначению судебной функции.

Вместе с тем следует отметить, что на сегодняшний день с учетом вышеизложенного в национальном уголовно процессуальном законодательстве произошли некоторые изменения. Например, в определенной мере пункт, касающийся избрания меры пресечения заключения под стражу по основаниям одной лишь тяжести совершенного преступления скорректирован, уточнена в УПК статья 126 ч. 1 Законом от 15.01.2015 г., где закреплены конкретные категории преступлений – преступления против мира и безопасности, государства, человечества, связанные с посягательством на жизнь, здоровье, военные преступления [5].

По поводу *конкретных разъяснений* позволю себе не согласиться исходя из следующего: если все детально разъяснять в постановлении, то это может способствовать преждевременному раскрытию значимой для следствия информации стороне защиты (до момента ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования). Также в практической деятельности дача санкции прокурором как обязательный этап предшествует тщательной проверке соответствия мотива избрания меры пресечения заключения под стражу. Позиция следователя изложена в соответствующим постановлении и исходя исключительно из действительно имеющихся материалов уголовного дела.

В Российской Федерации применение меры пресечения в виде заключения под стражу осуществляется на основании судебного решения. При этом приказ Генерального прокурора РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 п. 1.6. констатирует обязанность обеспечения обязательного участия прокурора в судебном заседании при рассмотрении судом поступившего ходатайства. При даче заключения, аргументации заявленного ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, и о продлении сроков содержания под стражей обозначена необходимость прокурора строго соблюдать требования статей 97, 100, 106-109 УПК РФ – о сроке, установленном в законодательстве уголовного судопроизводства, с учетом тяжести совершенного преступления, личностных характеристик подозреваемого или обвиняемого, возрастных данных, состояния здоровья, семейного положения, места нахождения, жительства, трудовой занятости и других обстоятельств.

В последующем прокурор, составляет письменное мотивированное заключение об обоснованности заявленного ходатайства об избрании меры пресечения заключения под стражу и согласовывает с соответствующим руководителем либо его заместителем. Кроме того, при даче санкции он должен учитывать перечень тяжелых заболеваний, препятствующих избранию данной меры, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 14.01.2011 № 3, а также то обстоятельство что, уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет [6]. В порядке статьи 108 УПК РФ к таким заболеваниям в частности отнесены некоторые инфекционные и паразитарные болезни, болезни нервной системы, системы кровообращения, органов дыхания, мочеполовой системы, травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин, внешние причины заболеваемости и смертности [7].

В национальном законодательстве может применяться заключение под стражу в качестве меры пресечения лишь к обвиняемому, совершившему преступление, за которое законом пред-

усмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, за совершения тяжкого, особо тяжкого преступления, по мотивам одной лишь тяжести с учетом изменений за отдельные виды преступлений.

В последнее время и в РФ приходят к пониманию того, что именно прокурор, а не суд с учетом современных реалий, должен принимать решение о даче санкции, в частности на арест обвиняемых. Так 19 апреля 2018 г. разработан законопроект о необходимости дачи санкции прокурора на арест обвиняемых. По мнению адвоката адвокатской палаты Московской области, управляющий партнер АБ «Авекс Юст» Игоря Бушманова, данная практика защитит права граждан будет более действенной [8].

Полагает, что в настоящее время Российские судьи не вникают в доказательства, проявляют формализм при принятии решения об избрании меры пресечения-заключения под стражу, а это влечет систематические нарушения прав граждан, особенно права на защиту. Данная нагрузка на суд по избранию и продлению мер пресечения носит, изначально обвинительный характер, не соответствует назначению уголовного судопроизводства и негативно отражается на общем уголовно-правовом климате и имидже государства. Глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Андрей Клишас согласен с такой позицией, констатируя, что данное новшество безусловно, повысит роль прокуратуры в более качественном расследовании уголовных дел [8].

С данными аргументами можно согласиться и в сжатом концентрированном виде обосновать.

Прокурор осуществляет надзор за предварительным расследованием, следовательно, изначально вникает в суть подозрения или обвинения более детально, внимательно и ответственно. Соответственно, принять правильное решение о применении или отказе меры пресечения заключения под стражу в досудебном производстве суду, намного сложнее. Кроме того, именно прокуратура как государственный, надзирающий орган, соответствующий прокурор, несет ответственность за последствия предварительного расследования, особенно в случае вынесения судом оправдательного приговора, как с моральной, так и профессиональной точки зрения. Поэтому, оставаясь при мнении сохранения за прокуратурой полномочий дачи санкции при применении меры пресечения на заключения под стражу, а суду – контроль, вместе с тем, предлагаю некоторое изменение.

Так, статью 34 УПК, п.14 после констатации содержания текста *установленных настоящей Кодексом* дополнить следующей фразой “отменять и изменять вышеуказанные постановления”. Предложенное изменение в большей степени позволит прокуратуре реализовать поставленные задачи и принципы, предусмотренные в статьях 4-5 Закона о прокуратуре.

Заключение

Важная и значимая роль в обеспечении и соблюдении верховенства закона при даче санкции при применении меры пресечения в виде заключения под стражу принадлежит прокурорам, по поступившим жалобам на их применения – суду. Принятие прокурором подобного решения во всех случаях не должно быть предвзятым, носить обвинительного уклона, но при этом объективным, социально ориентированным, судебный контроль по поступившим жалобам исключительно справедливым. Прокурор всегда должен чтить и поддерживать высокий уровень не только профессиональной, но и общей культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) Вступил в силу для Республики Беларусь 23 марта 1976 года. Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540295/#ixzz5X7bQ3SRT>. – Дата доступа: 20.11.2018.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.encyclopedia.ru/cat/online/detail/38296/>. – Дата доступа: 20.11.2018.
3. “ОБСЕ Бюро по демократическим институтам и правам человека Отчет Мониторинг судебных процессов в Республике Беларусь (март–июль 2011 ...)” Ефрона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hrwatch-by.org/sites/default/files/84874_0.pdf. – Дата доступа: 20.11.2018.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018. – 62 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 16.07.1999 г., № 295-З : с изм. и доп. Принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. Одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [Электронный ресурс] : Приказ от 28 декабря 2016 г. № 826 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений [Электронный ресурс] : (утв. постановлением Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3) С изменениями и дополнениями от 4 сентября 2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. **Бушманов, И.** [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.vzsar.ru/news/2018/04/19/razrabotan-zakonoproekt-o-sankcii-prokynora-na-arest-obvinyayemyh.html>. – Дата доступа: 20.11.2018.

Поступила в редакцию 26.11.2018 г.

Контакты: lazutina59@bk.ru (Лазутина Людмила Федоровна)

Lazutina L. PROSECUTOR'S SANCTION AND COURT COMPETENCES IN THE APPLICATION OF PREVENTIVE PUNISHMENT – CUSTODIAL PLACEMENT: NATIONAL AND INTERNATIONAL EXPERIENCE.

The article discusses the need to preserve the competence of the prosecutor's office to give sanctions for detention, normative regulation and exercise of these powers, the possibility of making such a decision by the court. Suggestions for improving the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus are made.

Keywords: sanction, imprisonment as a preventive measure, prosecutor's role and powers in selecting preventive measures, court decision.

УДК 346.5

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. В. Пантелеева

кандидат юридических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена правовому регулированию предпринимательской деятельности, тенденциям к дополнению и изменению законодательства в этой сфере, основополагающим принципам, которые структурируют такую деятельность и стимулируют физических лиц к новому формату ее осуществления. В исследовании рассмотрены отдельные принципы, несущие существенное значение для повышения потенциала субъектов хозяйствования в расширении сфер бизнеса и повышения его эффективности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, принципы, субъекты хозяйствования, государственная регистрация, заявительный и уведомительный принципы.

Введение

Актуальность темы заключается в том, что одним из значимых направлений развития экономики Республики Беларусь является обеспечение занятости населения, в том числе посредством самозанятости. В этой связи отдельные аспекты исследования касаются реализации мероприятий подпрограммы 1 “Содействие занятости населения” Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016-2020 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2016 г., № 73, в том числе в целях повышения занятости наиболее уязвимых слоев населения, а также содействия безработным в организации предпринимательской деятельности. Должному развитию данного направления способствуют Декрет Президента Республики Беларусь “О развитии предпринимательства” от 23 ноября 2017 г., № 7 (далее – Декрет 7), Указ Президента Республики Беларусь “Об осуществлении физическими лицами ремесленной деятельности” от 9 октября 2017 г., № 364, Указ Президента Республики Беларусь “О регулировании деятельности физических лиц” от 19 сентября 2017 г., № 337 и иные нормативные правовые акты.

В частности, Указ Президента Республики Беларусь “О регулировании деятельности физических лиц” от 19 сентября 2017 г., № 337 определяет перечень видов деятельности, занятие которыми должно стимулировать деловую активность, создание условий для самозанятости граждан и максимального вовлечения трудоспособного населения в экономическую деятельность.

Актуальность темы заключается также в том, что одной из целей Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. Преобразование нашего мира в области устойчивого развития на период до 2030 г. является Цель 8 “Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех”. Для достижения данной цели принято решение содействовать созданию достойных рабочих мест, предпринимательству, творчеству и инновационной деятельности, поощрять официальное признание и развитие микро-, малых и средних предприятий, в том числе посредством предоставления им доступа к финансовым услугам. К 2030 г. обеспечить полную и производительную занятость и достойную работу для всех женщин и мужчин, в том числе молодых людей и инвалидов, и равную оплату за труд равной ценности.

Основная часть

С учетом вышеназванных тенденций Декрет 7 содержит принципы, которые должны способствовать развитию предпринимательской инициативы и стимулированию к самозанятости. Рассмотрим некоторые из них:

1) принцип сочетания заявительного принципа государственной регистрации субъектов хозяйствования и уведомительного порядка начала осуществления отдельных видов экономической деятельности.

Заявительный принцип государственной регистрации был введен Декретом Президента Республики Беларусь “О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования” от 16.01.2009, № 1 (далее – Декрет 1). Это был в некотором смысле реформаторский момент по упрощению государственной регистрации субъектов хозяйствования. До этого периода документы, поданные на государственную регистрацию рассматривались в течение 30 рабочих дней, затем с учетом изменений законодательства о государственной регистрации, месячный срок постепенно сокращался, пока в 2019 г. на смену ему пришел не просто до минимума сокращенный срок рассмотрения документов соискателей государственной регистрации а новый принцип государственной регистрации – заявительный. По новому принципиальный подход меняет и укоряет данную административную процедуру, выстраивает по иному работу регистрирующих органов и должностных лиц и делает государственную регистрацию более доступной. В целом заявительный принцип основывается на собственном волеизъявлении соискателя – регистрации. Ускоренная и, некоторым образом, упрощенная процедура стимулирует соискателя к проявлению инициативы по осуществлению предпринимательской деятельности; сам механизм реализации заявительного принципа сводится к проведению государственной регистрации в максимально сжатые сроки – в день подачи заявления. При этом изначально считалось, что акт государственной регистрации должен совершаться не позднее дня, следующего за днем подачи документов (таков на сегодняшний день механизм работы уведомительного принципа), но в настоящее время п. 2.1 Декрета 1 представляет заявительный принцип следующим образом: “государственная регистрация субъектов хозяйствования осуществляется на основании заявительного принципа в день подачи документов, необходимых для ее проведения”.

Так, в рамках уведомительного порядка, предусмотренного Декретом № 7 субъект хозяйствования, намеревающийся осуществлять вид экономической деятельности, включенный в перечень, уведомляет об этом местный исполнительный и распорядительный орган посредством подачи письменного документа через службу “одно окно” или направления его заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении либо с использованием единого портала электронных услуг. При этом заявительный и уведомительный принципы отвечают принципу минимизации вмешательства государственных органов, их должностных лиц в предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Что в свою очередь, сочетается с усилением механизмов саморегулирования бизнеса и его ответственности за безопасную работу перед обществом.

В перечень видов деятельности, осуществляемых в порядке уведомления, включены бытовые, туристические услуги, деятельность в сфере торговли и общественного питания, перевозок пассажиров и багажа (в нерегулярном сообщении) и иные популярные виды деятельности. Представляется, что это должны быть такие виды деятельности, которые не несут явную и гипотетическую угрозу безопасности жизнедеятельности при их недобросовестном выполнении. Следует отметить, что рассматриваемый порядок не означает вседозволенность субъекта или бесконтрольность таких видов деятельности. В этой связи уведомительный принцип должен сочетаться с презумпцией добросовестности и, по меньшей мере, субъект хозяйствования должен знать и соблюдать все обязательные требования пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологические требования и иные обязательные требования к осуществлению выбранного вида деятельности.

Представляется таким образом, что сочетание заявительного принципа и уведомительного порядка в значительной степени расширило возможность субъектов хозяйственной деятельности по осуществлению соответствующих ее видов. Указание о том, что субъект хозяйствования может осуществлять свою деятельность по факту уведомления независимо от размещения информации о нем говорит о высокой степени доверия к субъекту, его предполагаемой зрелости

как самостоятельного звена хозяйственного оборота и осознания им всей ответственности за осуществление такой деятельности на началах свободного волеизъявления и экономической свободы в целом.

В целях реализации на практике указанного порядка Советом Министров Республики Беларусь принято постановление от 22.02.2018 № 143 “Об уведомительном порядке начала осуществления отдельных видов экономической деятельности”, которым утверждено Положение о порядке направления и учета уведомлений о начале осуществления видов экономической деятельности.

Данное Положение определяет, что уведомительный порядок не отменяет государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В уведомлении указывается информация о соответствии субъекта хозяйствования, его работников, осуществляемой им деятельности, а также предназначенных для использования в процессе ее осуществления земельных участков, капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, оборудования, транспортных средств и иных объектов требованиям, предусмотренных законодательством.

До начала фактического выполнения работ (оказания услуг), осуществления торговли, общественного питания субъект хозяйствования направляет уведомление посредством подачи в службу «одно окно», либо заказным почтовым отправлением с уведомлением о получении, либо в виде электронного документа, подписанного электронной цифровой подписью субъекта хозяйствования, с использованием единого портала электронных услуг.

Уведомление должно быть составлено субъектом хозяйствования по установленной форме отдельно по каждому виду экономической деятельности, включенному в перечень.

В уведомлении, помимо реквизитов, должно быть указано подтверждение соответствия субъекта хозяйствования, его работников, осуществляемой им деятельности, а также предназначенных для использования в процессе осуществления деятельности земельных участков, капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, оборудования, транспортных средств и иных объектов требованиям, предусмотренным законодательством. Если такое подтверждение не представлено, это является основанием для отказа в осуществлении заявляемого вида деятельности. Причем подтверждением не обязательно является специальное разрешение или лицензия, это может быть документ, подтверждающий соответствующую квалификацию физического лица. Уведомление подписывается руководителем юридического лица либо индивидуальным предпринимателем.

Особое значение при определении момента возникновения права субъекта хозяйствования осуществлять определенный вид деятельности при формулировке “со дня, следующего за днем направления уведомления...”, имеет точная дата подачи заявления и ее соотношение с датой подтверждения получения уведомления. Днем направления субъектом хозяйствования уведомления считается:

- посредством подачи письменного уведомления через службу “одно окно” – дата регистрации уведомления в службе “одно окно”;
- при направлении заказным почтовым отправлением с уведомлением о получении – дата, указанная на квитанции о приеме почтового отправления;
- при направлении в виде электронного документа – дата регистрации уведомления в системе электронного документооборота уполномоченного органа;
- уведомления, поступившие в нерабочий день (нерабочее время), регистрируются не позднее чем в первый следующий за ним рабочий день.

Далее, со дня, следующего за днем направления уведомления, субъект хозяйствования вправе начать осуществление заявленного в уведомлении вида экономической деятельности независимо от включения информации об этом субъекте, его деятельности и принадлежащих ему объектах в регистры, реестры, базы и банки данных, информационные системы и иные информационные ресурсы, осуществления иных административных процедур.

Сопутствующие Декрету 7 такие нормативные правовые акты, как Указ Президента Республики Беларусь “Об осуществлении физическими лицами ремесленной деятельности” от 9 октября 2017 г., № 364 и Указ Президента Республики Беларусь “О регулировании деятельности физических лиц” от 19 сентября 2017 г., № 337 также являются подтверждением тому, что ряд

видов деятельности может осуществляться не то что на основании либерального уведомительного порядка, а вообще без государственной регистрации. Появляется некий субъект гражданского оборота (субъект скорее гражданского права) который может осуществлять определенные виды деятельности на регулярной основе, но при этом он, не будучи ни индивидуальным предпринимателем, ни ремесленником, уплачивает единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц в порядке и сроки, установленные главой 35 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК). Согласно статье 292 НК плательщиками единого налога с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц признаются индивидуальные предприниматели, а также физические лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность. Порядок налогообложения в данном случае приравнивает физических лиц, осуществляющих определенные виды деятельности к индивидуальным предпринимателям. Однако деятельность, схожая с предпринимательской, но регламентированная отдельным нормативным правовым актом (Указом Президента Республики Беларусь “О регулировании деятельности физических лиц” от 19 сентября 2017 года, № 337) как стимулирующая деловую активность, создание условий для самозанятости граждан и максимального вовлечения трудоспособного населения в экономическую деятельность предоставляет право физическому лицу осуществлять ее без государственной регистрации. Представляется в этой связи, что грань между предпринимательской и подобной деятельностью физических лиц довольно узкая. Деятельность физических лиц не должна превышать определенные объемы производства и спектр потребительского рынка и иных экономических факторов, так как высока вероятность осуществления деятельности, обладающей всеми признаками предпринимательской без надлежащей государственной регистрации и уведомления. Здесь, как и в случае с антимонопольным регулированием, должен проводиться постоянный мониторинг (государственный контроль) на предмет добросовестности и разумности осуществления такого формата деятельности. При очевидных факторах злоупотреблений со стороны физического лица необходимо применять санкции как за осуществление незаконной предпринимательской деятельности, предусмотренные административным и уголовным законодательством.

2) принцип необходимости получения специального разрешения (лицензии) только для осуществления экономической деятельности, потенциально сопряженной с угрозами причинения вреда государственным или общественным интересам, окружающей среде, жизни, здоровью, правам и законным интересам граждан. С этим принципом согласуется п. 1 Положения “О лицензировании отдельных видов деятельности”, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г., № 410, где сказано, что к лицензируемым относятся виды деятельности, осуществление которых может создать угрозу нанесения ущерба национальной безопасности, общественного порядка, защиты прав и свобод, нравственности, здоровья населения и охраны окружающей среды и регулирование которых не может быть обеспечено иными методами, кроме как лицензированием.

Лицензирование отдельных видов хозяйственной деятельности осуществляется на данный момент на основании Положения “О лицензировании отдельных видов деятельности”, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1.09.2010 г., № 450, согласно п. 2 которого лицензирование – это комплекс реализуемых государством мер, связанных с выдачей лицензии, контролем за соблюдением лицензиатом при осуществлении лицензируемых видов деятельности соответствующих лицензионных требований и условий. Полагаем в этой связи, что специальному контролю, как и в процессе обязательной сертификации, должны подвергаться не все виды деятельности, а лишь те, которые при их ненадлежащем осуществлении могут нанести ущерб и вред жизни и здоровью человека, а также безопасности его жизнедеятельности. Затраты временных и денежных ресурсов на процесс лицензирования должны быть оправданы положительным эффектом, направленным на высокое качество оказываемых услуг, выполняемых работ и произведенной продукции. В ином случае это усложняет саму организацию предпринимательской деятельности и положительный эффект от ее осуществления. В этой связи ориентация лицензирования на виды деятельности, которые можно отнести к потенциально опасным является довольно актуальной, те же виды деятельности, которые не требуют выполнения условий на уровне лицензирования и повышенного мониторинга, могут осуществляться без специального разрешения.

3) принцип приоритетной направленности работы контролирующих (надзорных) органов на профилактику правонарушений, а не исключительно на привлечение к ответственности за совершенные субъектами хозяйствования нарушения. Преступления против осуществления экономической деятельности – это следствие, которое не устраняет причины их совершения. По данным официального сайта Министерства внутренних дел Республики Беларусь в республике в январе-сентябре 2018 г. зарегистрировано 1 370 преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Что на 22,5% меньше, чем в январе-сентябре 2017 г., из них 18 преступлений – особо тяжкие. За 2016 год совершено 2815 экономических преступлений, из них 20 особо тяжких. Что касается преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, совершенных в 2015 г., то зафиксировано 2894 эпизодов, из них 15 особо тяжких, а в 2014 году – 2521, а особо тяжких – 4, что на 14,8% меньше, чем в 2015 г. Исходя из статистических данных, можно сказать, что пик преступной деятельности во временном промежутке 2013–2016 г. г. в сфере экономических отношений был зафиксирован в 2015 г. В 2018 г. количество подобных преступлений в сравнительной степени существенно снизилось, что в том числе свидетельствует о воздействии новых методов правового регулирования, также осознание персональной ответственности субъектом хозяйствования возникает с повышением уровня его самостоятельности при выработке соответствующих решений или совершении определенных действий. Так, следует согласиться с тем, что в процессе осуществления предпринимательской деятельности субъекты хозяйствования рискуют нарушить действующие нормативные правовые акты, ненормативные документы, разъяснения и инструкции. Это связано, как правило, с их многочисленностью и постоянными изменениями и дополнениями. Для того чтобы соблюсти нормы законодательства, своевременно исправить допущенные ошибки, разобраться в видах и размерах ответственности за совершенные правонарушения (преступления), аналитическая редакция АПС “Бизнес-инфо” предлагает подборку материалов, включающую рекомендации ведущих специалистов, аналитические статьи, справочную информацию, комментарии законодательства, материалы проверок, проводимых контролируемыми органами, а также судебную практику, которая регулярно обновляется.

Для искоренения проблемы в ее основании необходимо продолжать работу над рядом мер, направленных на устранение провоцирующих факторов, и здесь немаловажную роль играют государственные программы по поддержке среднего и малого бизнеса, профессиональная компетенция контролирующих должностных лиц, доступность и ясность административных процедур, система налогообложения, приемлемая для “обеих сторон”, ориентированная на вид деятельности и объемы оборота.

4) принцип персонализации ответственности руководителя за надлежащую организацию деятельности субъекта хозяйствования, исключаящую причинение вреда государственным или общественным интересам, окружающей среде, жизни, здоровью, правам и законным интересам граждан.

Непринятие руководителем юридического лица необходимых мер по надлежащей организации деятельности этого юридического лица в соответствии с установленными законодательством требованиями, повлекшее причинение вреда государственным или общественным интересам, окружающей среде, жизни, здоровью, правам и законным интересам граждан, если в этом деянии нет состава иного административного правонарушения или состава преступления, влечет наложение штрафа в размере от десяти до двухсот базовых величин.

Право составлять протоколы об административном правонарушении предоставлено должностным лицам (в пределах их компетенции), перечисленным в статье 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г., № 194-З (далее по тексту – КоАП), а рассматривать дела – районному (городскому) суду.

Пример из судебной практики: экономическим судом рассмотрено дело об административном правонарушении в отношении директора ЧТУП “О” по ч. 4 ст. 12.17 КоАП, поступившее из М-й таможни. Как следует из материалов дела, в ноябре 2017 года в районе поселка К. (Российская Федерация, Смоленская область) сотрудниками мобильной группы Смоленской таможни при досмотре грузового тягача с полуприцепом под управлением водителя ЧТУП О. выявлен

факт перемещения 22 тонн свежих томатов без наличия товаросопроводительных документов. Как следовало из пояснения водителя, товар, страной происхождения которого является Польша, был загружен в Минской области без товаросопроводительных документов. Неизвестные люди координировали въезд транспортного средства на территорию Российской Федерации и должны были выдать пакет документов на товар.

В ходе проведения проверки М-й таможней было установлено, что директор ЧТУП О. поручила все вопросы, связанные с данной перевозкой, брату своего мужа, полагала, что перевозится товар белорусского происхождения, не знает, кто являлся грузоотправителем товара. В отношении директора предприятия Могилевской таможней был составлен протокол об административном правонарушении по ч. 4 ст. 12.17 КоАП.

В судебное заседание директор ЧТУП О. не явилась, ходатайствовала о рассмотрении дела в ее отсутствие в связи с признанием вины.

При определении размера административного взыскания судом приняты во внимание обстоятельства совершения правонарушения (по вине директора субъектом хозяйствования не были соблюдены правила транспортировки грузов), а также смягчающие вину обстоятельства: признание вины, раскаяние, наличие на иждивении двоих несовершеннолетних детей.

По результатам рассмотрения дела на руководителя предприятия судом наложено административное взыскание в виде штрафа в размере 10 базовых величин, что составляет 245 белорусских рублей [1].

В этой связи следует отметить, что согласно КоАП составлять протоколы об административном правонарушении имеют право должностные лица ряда органов, организаций, инспекций, а также иные лица, перечень которых не конкретизирован. Проблемным моментом в данном вопросе является содержание указания: “надлежащая организация деятельности” субъекта хозяйствования и то, какие меры должен был принять руководитель для добросовестного управления. В формате принципа это положение несет общую нагрузку. Но в качестве конкретного правового регулирования этот принцип требует соответствующей интерпретации и разъяснения. В частности, руководитель предприятия должен четко осознавать меру и основания своей ответственности [2]. Поскольку термин “надлежащая организация деятельности” требует уточнения, его контекст можно представить как деятельность руководителя, отвечающая положениям действующих нормативных правовых актов, локальных правовых актов, условиям договоров, разъяснениям, указаниям инструкций, требования нормативно-технической документации и т. д.

Представляется в этой связи совершенно актуальным положение, которое вносит существенные изменения в основания ответственности руководителя в случае банкротства субъекта хозяйствования. Например, согласно п. 5.6 Декрета 7, собственник имущества юридического лица, признанного экономически несостоятельным (банкротом), его учредители (участники) или иные лица, в том числе руководитель юридического лица, имеющие право давать обязательные для этого юридического лица указания либо возможность иным образом определять его действия, несут субсидиарную ответственность при недостаточности имущества юридического лица только в случае, если экономическая несостоятельность (банкротство) юридического лица была вызвана виновными (умышленными) действиями таких лиц. Это положение меняет ситуацию в целом, так как анализ судебной практики по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) свидетельствует об общепринятой практике обращения антикризисных управляющих с иском в экономический суд о привлечении руководителя (учредителей) банкрота к субсидиарной ответственности по непогашенным долгам, на которые не хватило имущества должника перед кредиторами без наличия прямого умысла директора по доведению субъекта до состояния устойчивой неплатежеспособности. Само состояние банкротства субъекта давало косвенное основание привлекать такого руководителя к субсидиарной ответственности. Но нельзя исключать тот факт, что довольно часто неплатежеспособность должника наступает по объективным причинам, напрямую не зависящим от директора, собственника либо учредителей. Указание п. 5.6 Декрета 7 полностью отвечает теории гражданского права в том, что гражданско-правовая ответственность возникает в связи с правонарушением, т. е., как правило, виновное действие или бездействие субъекта, противоречащее установленному правопорядку (противоправное) и (или) нарушающее субъективные права других участников гражданских правоот-

ношений. Привлечение к гражданско-правовой ответственности без наличия вины в сфере хозяйственно-правовых отношений и осуществления функций управления хозяйственной деятельностью субъекта представляется несколько безосновательным и необъективным. Рассматриваемая ответственность является имущественной, и она не должна возлагаться на субъекта (физическое лицо), ухудшая его материальное благосостояния без достаточных оснований и состава правонарушения в целом.

Заключение

Директива Президента Республики Беларусь № 4, от 31 декабря 2010 г. “О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь” положила начало либерализации предпринимательской деятельности. Положениями Декрета 7 эта тенденция продолжилась и укрепилась. Принятие иных нормативных правовых актов будет осуществлено с учетом намеченных направлений по самозанятости в сфере предпринимательской деятельности, что в свою очередь будет способствовать активизации деловой инициативы белорусских предпринимателей и привлечению инвестиций в Республику Беларусь.

На основе проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

- следует отметить, что предоставленные субъектам хозяйствования свободы и более доступный подход к осуществлению отдельных видов деятельности не означает вседозволенность субъекта или бесконтрольность таких видов деятельности. В этой связи уведомительный принцип должен сочетаться с презумпцией добросовестности и, по меньшей мере, субъект хозяйствования должен знать и соблюдать все обязательные требования пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологические требования и иные обязательные требования к осуществлению выбранного вида деятельности.

- целесообразно дополнить список заявленных принципов положением о недопустимости недобросовестной конкуренции и осуществления монополистической деятельности субъектами хозяйствования;

- симбиоз заявительного принципа государственной регистрации и уведомительного порядка осуществления предпринимательской деятельности значительно расширил границы для субъектов гражданского оборота по занятию более широким спектром деятельности. Сюда же можно отнести возможность физических лиц осуществлять конкретные виды деятельности, схожие с предпринимательскими без государственной регистрации. Однако в данном случае принцип самостоятельности должен реализовываться в сочетании с порядком государственного реагирования вследствие обнаружения злоупотреблений предоставленным правом и правонарушений в сфере экономической деятельности.

- проблемным моментом относительно принципа персонализации ответственности руководителя за надлежащую организацию деятельности субъекта хозяйствования является содержание указания: “надлежащая организация деятельности” субъекта хозяйствования и то, какие меры должен был принять руководитель для добросовестного управления. Поскольку термин “надлежащая организация деятельности” требует уточнения, его контекст можно представить как “деятельность руководителя, отвечающая положениям действующих нормативных правовых актов, локальных правовых актов, условиям договоров, разъяснениям, указаниям инструкций и т. д.”.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Верховный суд Республики Беларусь : Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://court.gov.by>. – Дата доступа: 13.01.2019.
2. Любая проверка чревата крупным штрафом. Бизнес просит разъяснить норму декрета № 7. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics>. – Дата доступа: 13.12.2019.

Поступила в редакцию 16.01.2019 г.

Контакты: natalivik@tut.by (Пантелеева Наталья Викторовна)

Panteleyeva N. PRINCIPLES OF BUSINESS ACTIVITIES DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS.

The article is devoted to the legal regulation of entrepreneurial activity, the tendencies to supplement and change legislation in this area, the fundamental principles that structure such activity and encourage individuals to adopt a new format for its implementation. The study examines certain principles essential for increasing the potential of business entities in expanding business areas and increasing its efficiency.

Keywords: business activity, principles, business entities, state registration, declarative and notification principles.

УДК 343.918

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТИ ЛИЦА, ВПЕРВЫЕ ЗАКЛЮЧЕННОГО ПОД СТРАЖУ

Г. С. Соркин

кандидат юридических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В данной статье сосредоточено внимание на тех социальных условиях, в которых оказываются лица, впервые заключенные под стражу и которые, по нашему мнению, влияют на специфику дальнейшего формирования их личности и специфику их дальнейшего противоправного поведения, включая совершение ими преступлений и иных правонарушений как в учреждениях уголовно-исполнительной системы, так и в условиях свободы. Данная проблема исследуется как важный элемент борьбы с пенитенциарной и постпенитенциарной преступностью.

Ключевые слова: заключенный под стражу, следственный изолятор, личность лица, впервые заключенного под стражу, адаптация к условиям содержания под стражей.

Введение

Пребывание лица, заключенного под стражу впервые (далее заключенного) в следственном изоляторе (далее СИЗО) предполагает не только изменение его правового положения, но и как следствие имеет резкую перемену условий жизни. Это влечет за собой существенные личностные изменения, связанные с трансформацией жизненных установок, ценностных ориентаций, убеждений. Все эти изменения предопределяют приспособление индивида к новым правилам и условиям жизни [1, с. 219].

Теоретическую и практическую значимость для организации работы с заключенными в СИЗО представляет то, что они в зависимости от специфики идеалов, убеждений, “подструктур направленности личности, определяющих предпочтение сфер жизнедеятельности и линию поведения” [2, с. 3], находят в тюремной жизни определенные положительные моменты и воспринимают тюрьму “как дом родной” [3, с. 124–125].

Основная часть

Оказавшись в новой обстановке, заключенные свое поведение ориентируют на ближайшее социальное окружение, в роли которого выступает внутрикамерная группа.

Вхождение заключенного в новую систему внутригрупповых отношений и приспособление к ним в условиях изоляции – очень сложный процесс, специфичность которого связана, во-первых, с принудительным помещением индивида в среду антисоциальных лиц одного с ним пола и возраста, во-вторых, также принудительным, но уже со стороны этих лиц, приобщением к образцам поведения и ценностям их среды, в-третьих, в удовлетворении потребностей посредством тотальной регламентации поведения.

Заключенные, ранее не ограниченные в возможности передвижения и общения, попав в СИЗО, находятся в запираемом помещении среди других лиц и лишаются возможности уединиться, сосредоточиться, задуматься о себе, своей жизни, перспективах [4, с. 4]. Это способствует росту внутреннего напряжения, беспокойства и недоверия к окружающим, что, в свою очередь, ведет к снижению самооценки, усилению психологической незащищенности, в результате чего формируется почва для конфликтов.

Находясь в условиях изоляции, заключенные подвержены влиянию криминальной субкультуры, которая является препятствием эффективного функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы, поскольку ориентирована на противодействие целям этих учреждений. Обычаи и традиции, составляющие основу этого феномена и выступающие антиподами норм права, значительно ограничивают возможности администрации СИЗО [5, с. 41].

Учитывая условия содержания в СИЗО, нельзя не признать целесообразность норм, принятых во внутрикамерных группах, представляющих правила поведения заключенных в быту. Но

все же реально существующая в учреждениях уголовно-исполнительной системы криминальная субкультура устанавливает свою систему ценностных ориентаций, выполняющих роль внутренних регуляторов поведения лиц, изолированных от общества. Она позволяет вырабатывать отношение этих лиц к окружающим и самим себе, они начинают осознавать свою индивидуальность, обособленность, отличность от всех остальных граждан. Подобное представление о себе и окружающей среде находит свое проявление не только в их поведении, но и оказывает влияние на сознание человека, способствуя формированию антисоциального мировоззрения [6, с. 77].

Усвоение канонов криминальной субкультуры в СИЗО приводит к дальнейшему разрушению личности и совершению рецидивных преступлений. По данным В.М. Анисимкова, более половины всех преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы, тем или иным образом связаны с соблюдением антиобщественных норм и традиций [7, с. 24].

Приобщение заключенных к тюремной субкультуре, являющейся основной детерминантой совершения преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы, происходит именно в СИЗО и выступает следствием неправильной организации приема лица в учреждение, недостаточности проведенной с ним воспитательной работы, незанятости свободного времени, в совокупности составляющих управленческое содержание деятельности по противодействию правонарушениям [8, с. 24].

Лица, содержащиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, делятся на неформальные группы: особо устойчиво привилегированные; устойчиво привилегированные; неустойчиво привилегированные; устойчиво непривилегированные.

Отказ заключенных от следования нормам тюремной жизни не исключает присутствия у них повышенного интереса к их усвоению и овладению диктуемыми ими способами поведения, что создает почву для существования и распространения преступных норм и традиций, а также их возрождения при ослаблении контроля за спецконтингентом со стороны работников СИЗО.

Живучесть норм тюремной субкультуры объясняется и тем, что, следуя им, заключенные удовлетворяют потребности в общении, признании, самоутверждении в их среде, получении эмоциональной разрядки, новизне, активной деятельности, что администрация СИЗО часто бывает не в состоянии им обеспечить.

На наш взгляд, заслуживает внимания и антиобщественное, разрушительное влияние одних заключенных на других. Попав в СИЗО, заключенные думают не о предстоящем суде и уголовной ответственности, больше всего они боятся тех, с кем предстоит находиться в одной камере [4, 15]. Следует отметить, что эти страхи не совсем беспочвенны, поскольку всегда находятся лица, изгнанные из своей среды, причем всегда в оскорбительной форме [9, с. 51].

Еще, не будучи осужденными, содержащиеся в СИЗО начинают интересоваться условиями отбывания наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Не получая объективной информации, они некритически подходят к сведениям, поступающим от случайных источников, а это ведет к распространению всевозможных домыслов, слухов и формированию искаженных представлений о предстоящей жизни в исправительных учреждениях, что непосредственно отражается на их поведении в СИЗО.

Элемент такого поведения есть стремление заключенных завоевать авторитет у сокамерников и занять более высокое место во внутригрупповой иерархии.

Мотив сохранения или повышения статуса, возникающий в условиях действия норм тюремной субкультуры, становится доминирующим в структуре мотивов, определяющих направленность поведения заключенных во взаимодействии со средой. Доминирующий мотив реализуется в деятельности при возникновении конкретной ситуации (возникающей спонтанно для данного субъекта или в результате его целенаправленных действий), открывающей реальные возможности повышения статуса или угрожающей его снижением. Появление труднопреодолимого препятствия в реализации потребности повысить свой статус вызывает у личности состояние фрустрации, которое наиболее отчетливо выражено у заключенных, занимающих нижнюю ступеньку иерархической лестницы.

Анализ нарушений режима заключенными в СИЗО показал, что мотивом многих из них является сохранение или повышение социально-психологического статуса. Попытки отдельных лиц удовлетворить свои потребности в общественном признании, самоутверждении нередко наталкиваются на противодействие со стороны других, чьи интересы при этом затрагиваются.

В результате возникают конфликты, при разрешении которых заключенные могут пойти на нарушение установленных режимных требований, а иногда и на преступление. Наиболее отчетливо это проявляется в драках и притеснениях сокамерников.

В основе нарушений, совершаемых заключенными из чувства солидарности, лежат потребности в признании и самоутверждении. В этом случае поведение личности направлено на упреждение возникновения конфликта с микросредой. Из-за этого многие нарушения режима носят групповой характер, а в случае нарушения режимных требований одним лицом остальные заключенные, как правило, занимают позицию сочувствующего нарушителю, в результате чего всякое нарушение носит характер социально одобряемого поступка.

Ряд правонарушений направлен на упреждение возникновения конфликта со средой осужденных в исправительных учреждениях. Имея некоторые искаженные сведения о взаимоотношениях осужденных в колонии, заключенные перед отправкой туда стараются расширить круг знакомств, особенно с лицами, авторитетными в преступной среде, получить побольше взысканий, сделать татуировку, предполагая, что это поможет им увереннее чувствовать себя в будущем.

В немалой степени волнует заключенных и встреча с администрацией СИЗО. С момента задержания лицо испытывает негативные чувства по отношению к сотрудникам правоохранительных органов, поскольку полагает, что вся их работа будет ориентирована на привлечение его к уголовной ответственности за как можно большее количество преступлений и для достижения этих целей будут создаваться невыносимые условия жизни [10, с. 202]. Подобная позиция подталкивает заключенных, содержащихся в СИЗО, на контакт с негативно настроенной по отношению к администрации группой лиц, консолидируясь с которыми, они еще больше отдаляются от контактов с сотрудниками учреждения [11, с. 4].

Вынужденная изоляция от привычного круга общения заставляет заключенных подменять близких людей. Нередко этот вакуум заполняют антисоциально настроенные личности. Вместо общепринятых норм общения и правил человеческого общежития ими усваиваются нормы поведения преступников, поскольку многие из них понимают, что на достаточно длительное время им предстоит общение с содержащимися в СИЗО и отбывающими наказание в исправительных учреждениях.

С учетом названных обстоятельств администрации СИЗО необходимо помогать заключенным адаптироваться к новой сфере жизнедеятельности, приспособиться к условиям содержания в относительной изоляции от общества.

Угасание большинства нервно-психических процессов у заключенных в СИЗО происходит в первые месяцы нахождения в нем. Практика свидетельствует, что неустойчивое поведение, непредсказуемые вспышки агрессии и аутоагрессии на первых порах вызваны “психическим параличом” [12, с. 206]. Заключенный, впервые оказавшись в СИЗО, как бы оцепеневает, погружаясь в ожидание решения о его судьбе. Частой становится жестокость к окружающим, вызывающаяся в совершении противоправных деяний, в том числе и преступлений.

Заключение

Таким образом, социальная среда СИЗО создает адаптивную ситуацию, попадая в которую заключенный поставлен перед необходимостью преодолевать многочисленные трудности психологического характера, поиска своего места среди спецконтингента, установления контактов с администрацией учреждения.

Суммируя вышесказанное, мы приходим к закономерному выводу, что социальная среда СИЗО напрямую влияет на специфику совершения правонарушений лиц, оказавшихся в нем. Вызванная этим проблема адаптации заключенных, содержащихся в СИЗО, к соответствующим условиям является весьма актуальной, особенно в условиях гуманизации, демократизации и педагогизации уголовно-исполнительной политики.

Хотелось бы отметить, что по степени адаптированности различают полную и неполную адаптацию. Полная адаптация характеризуется бесконфликтностью отношений между личностью и средой. Неполная адаптация означает, что поведение личности, ее взгляды, установки, привычки еще не полностью соответствуют условиям адаптивной среды.

Неполную адаптацию следует отличать от формальной, когда личность сознательно отказывается от изменения собственных стереотипов в расчете на то, что со временем ей удастся вер-

наться в прежнюю среду или изменить новую среду в соответствии с собственными взглядами и привычками. Так, полная адаптация заключенного к обстановке СИЗО связана с выполнением ее правил и обычаев, почти всегда негативных. С одной стороны, это отражается на результативности мероприятий по противодействию противоправных установок в СИЗО, которые вступают в противоборство с влиянием противоположного действия на личность со стороны микросреды. С другой стороны, чем успешнее и глубже пройдет адаптация лица к условиям СИЗО, тем труднее будет процесс его реадaptации к условиям свободы. Таким образом, для более эффективного протекания процессов воспитания, исправления и ресоциализации заключенных наиболее выгодны их неполная и формальная адаптация к условиям СИЗО [13, с. 29–30].

“Многообразие социальных связей человека составляет, пожалуй, главную трудность при выборе методов воспитания, воздействия на поведение, формирование нравственных качеств и моральных взглядов людей” [14, с. 263]. Именно поэтому адаптация заключенного в СИЗО должна носить целенаправленный, планомерный, комплексный характер. Важно, чтобы в каждом СИЗО сложилась стройная система организации профилактического воздействия на вновь прибывших лиц, чтобы в полной мере и достаточно эффективно устранялись причины, порождающие отступления от требований закона.

Конечно, адаптация лиц, содержащихся в СИЗО, протекает по-разному в зависимости от их возраста, наличия социального опыта, степени нравственной запущенности и других особенностей личности. Тем не менее, “этот процесс подчиняется определенным закономерностям, поддающимся научному изучению” [15, с. 4]. Изучение этих закономерностей позволит управлять процессом адаптации несовершеннолетних в СИЗО.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Тюгаева, Н. А.** Понятие адаптации личности осужденного к условиям отбывания наказания в ИТК / Н. А. Тюгаева // Личность преступника: криминологический и исправительно-трудовой аспекты : тр. / РВИШ МВД СССР. – Рязань, 1977. – Вып. 6. – С. 219.
2. **Щербаков, Г. В.** Мотивационная сфера осужденных молодежного возраста и ее влияние на адаптацию в исправительном учреждении : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Г. В. Щербаков. – Рязань, 2002. – 199 л.
3. **Олешкевич, В.** Несовершеннолетние: тюрьма и воля / В. Олешкевич, Ю. Александров // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. – М., 2000. – С. 124–125.
4. **Антонян, Ю. М.** Что же такое лишение свободы? / Ю. М. Антонян // Личность преступника и исполнение уголовных наказаний : сб. науч. тр. / ВНИИ МВД Рос. Федерации. – М., 1991. – С. 4.
5. **Ямалетдинова, Н. В.** Адаптация несовершеннолетних обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах, в механизме предупреждения преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Ямалетдинова. – Рязань, 2006. – 241 с.
6. **Мокрецов, А. И.** Психология личных взаимоотношений осужденных в ИТУ / А. И. Мокрецов // Социологические и социально-правовые проблемы отбывания наказания. – М., 1982. – С. 77.
7. **Анисимов, Е. В.** Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е. В. Анисимов. – М. : Новое лит. обозрение, 1999. – 719 с.
8. **Игнатенко, В. И.** Предупреждение антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений среди осужденных в ВТК : учеб. пособие / В. И. Игнатенко. – Рязань, 1992. – 85 с.
9. **Шахманов, Р. А.** Предупреждение самоубийств среди осужденных к лишению свободы (правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р. А. Шахманов. – Рязань, 2001. – 218 л.
10. **Ушатиков, А. И.** Основы пенитенциарной психологии / А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак. – Рязань : Акад. права и упр. ФСИН России, 2001. – 536 с.
11. **Южанин, В. Е.** Методические рекомендации по работе с вновь прибывшими осужденными в исправительные учреждения / В. Е. Южанин. – Рязань : РИПЭ, 1996. – 36 с.
12. **Холыст, Б.** Криминология: основные проблемы / Б. Холыст ; пер. с пол. В. М. Когана ; ред. и предисл. Н. А. Стручкова. – М. : Юрид. лит., 1980. – 263 с.
13. **Михайличенко, А. В.** Организационно-тактические основы деятельности оперативных аппаратов по обеспечению исполнения наказания в местах лишения свободы : учеб. пособие / А. В. Михайличенко, В. П. Хомколов. – Домодедово : ВИПК МВД СССР, 1991. – 55 с.
14. **Дубинин, Н. П.** Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. – М. : Политиздат, 1982. – 304 с.

15. Адаптация осужденных к среде ИТУ : учеб. пособие / под ред. В. И. Селиванова. – Рязань : Изд-во РВШ МВД СССР, 1981. – 94 с.

Поступила в редакцию 14.01.2019 г.

Контакты: sorking1980@mail.ru (Соркин Геннадий Семенович)

Sorkin G. CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF THE PERSONS FOR THE FIRST TIME TAKING INTO CUSTODY.

The article focuses on social conditions in which people who are taken into custody for the first time find themselves and which, in the author's opinion, influence the specifics of further shaping of the personalities and of their further unlawful behavior, including committing crimes and other offences in penal institutions and after their release. This problem is investigated as an important element in the fight against penitentiary and post-penitentiary crime.

Keywords: prisoner in custody, detention facility, the identity of the person taken into custody for the first time, adaptation to detention conditions.

УДК 342.9(476)

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Л. Д. Иванчикова

аспирант

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

В статье анализируются отдельные теоретические проблемные вопросы применения административных взысканий к несовершеннолетним в Республике Беларусь. Обоснованы теоретические положения, раскрывающие сущность и содержание административной ответственности несовершеннолетних, а также отдельных административных взысканий, применяемых к данной категории лиц. На этой основе обоснована целесообразность совершенствования административного законодательства, устанавливающего административную ответственность несовершеннолетних.

Ключевые слова: административная ответственность несовершеннолетних, административные взыскания, применяемые к несовершеннолетним, предупреждение, штраф.

Введение

В Республике Беларусь около 1,6 млн несовершеннолетних. При этом по данным соответствующих исследований в нашем государстве за последние десятилетия почти в 2 раза увеличилось количество правонарушений 14–15-летних подростков, а 16–17-летних на 50%. Среди молодежи довольно широко распространены наркомания, хулиганство, пьянство, так, каждый третий молодой человек в республике злоупотребляет спиртными напитками.

В нашей стране действует одна воспитательная колония (в Бобруйске лимит – 300 чел.), одна спецшкола в Могилеве (лимит – 140 чел.); два спецучилища – в Могилеве (90 чел.) и в Кричеве (80 чел.), в Петрикове (50 чел.) – для девочек, и, принимая во внимание наметившиеся тенденции, они не пустуют.

Все это детерминирует необходимость переосмысления и переоценки отдельных правовых инструментов, с помощью которых государственные органы решают поставленные перед ними задачи в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних, а также определить сегодняшнее их влияние на социальное развитие в будущем.

Принимая во внимание, что большая часть правовых средств воздействия на несовершеннолетних закреплена в административном законодательстве, то не вызывает сомнения, что теория и практика реализации института административной ответственности обязательно должна быть подвергнута ревизии учеными-административистами.

Основная часть

В юридической литературе под административной ответственностью несовершеннолетних понимается применение к последним обременительных последствий материального или морального характера. Административная ответственность, как и любой иной вид административного принуждения, выражается в государственном принудительном воздействии на лицо. Мерой административной ответственности является административное взыскание. Административные взыскания находятся в системе административно-правовых средств принуждения, реализуемых в отношении несовершеннолетних. “Меры административной ответственности являются разновидностью мер административного принуждения” [1, с. 133].

В КоАП предусмотрены следующие виды административных взысканий: предупреждение, штраф, исправительные работы, административный арест, лишение специального права, лишение права заниматься определенной деятельностью, конфискация, депортация, взыскание стоимости предмета административного правонарушения.

В соответствии со ст. 4.6 КоАП Республики Беларусь на несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет не может налагаться административное взыскание в виде административного ареста, а на несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет не могут налагаться также административные взыскания в виде штрафа (за исключением случаев, когда они имеют свой заработок, стипендию и (или) иной собственный доход) или исправительных работ.

На несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет может налагаться административное взыскание в виде предупреждения независимо от того, предусмотрено ли оно в санкции статьи особенной части КоАП.

Исследуя меры административной ответственности, применяемые к несовершеннолетним, необходимо отметить, что в КоАП закреплён термин “административное взыскание”, а в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях – “административное наказание”, и оба они определяются как мера административной ответственности. В комментарии к указанному Кодексу отмечается, что замена термина “взыскание” на термин “наказание” обосновывается тем обстоятельством, что любое наказание содержит в себе определённые лишения и ограничения для правонарушителя, привлекаемого к ответственности. Значит, при этом наличествует “карательная составляющая, то есть наказание” [2, с. 5].

Нельзя оставить без внимания замечание А.А. Крамника о том, что, “как бы подобные меры не именовались, суть их состоит в каре, наказании за совершенное деяние. По содержанию административное взыскание – это кара” [1, с. 151]. В свою очередь, в словарях русского языка суть (сущность) определяется как “единство существенных признаков (свойств) явления” [3, с. 781], а “составляющее сущность чего-нибудь есть его содержание” [3, с. 743].

Следует учитывать, что не всякое принуждение со стороны государства к лишениям и ограничениям является карой. Например, переживание несовершеннолетним лицом тягот, лишений и ограничений при проверке сотрудниками правоохранительных органов его возраста и при уплате им административного штрафа существенно отличаются. В некоторой степени на данное обстоятельство указывает и В.П. Шиенок в статье, касающейся концептуальных вопросов административной ответственности юридических лиц. “Наложение любого административного взыскания ухудшает общее финансово-экономическое положение предприятия, что соответственно ведет к ухудшению материального положения его работников, вплоть до потери ими источников существования в случае прекращения деятельности юридического лица, в зависимости от принятых мер по обеспечению административного процесса деятельность юридических лиц может быть приостановлена до вынесения решения по делу” [4, с. 68], что не улучшает материальное положение его работников.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лишения и ограничения определённого характера присутствуют во всех выделенных ранее классификационных группах административно-правовых средств принуждения, но их сущность различна в каждом из видов. Совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет, явление от других сходных и придающих ему определённую сущность, есть не что иное, как качество.

Из вышеизложенного следует, что принудительное воздействие, оказываемое при реализации в отношении несовершеннолетних административно-правовых средств воздействия, входящих в группу административных взысканий, качественно отличается от воздействия, оказываемого при реализации иных видов административно-правовых средств воздействия. Иными словами, кара в административном взыскании является его качеством, отличающим его (взыскание) от иных видов административно-правовых средств принуждения.

Кара присутствует в каждом административном взыскании и она не является его сущностью, а является лишь существенным признаком, являющимся его качеством. Сущность административного взыскания выражается в качественно отличающемся от иных видов административно-правовых средств принуждения принудительном воздействии на личность несовершеннолетнего.

К проблеме определения перечня специфических черт административных взысканий обращались многие авторы. Мы попытаемся привести в настоящей работе наиболее существенные признаки административных взысканий, применяемых к несовершеннолетним. Отличие административных взысканий, применяемых к несовершеннолетним, от иных видов административно-правовых средств принуждения, на наш взгляд, состоит в следующем.

1. “Административные взыскания – один из видов карательных санкций. Применение административного взыскания как меры административной ответственности за совершенное правонарушение влечет для правонарушителя ряд последствий, связанных для него с определенными ограничениями и лишениями, которые качественно отличаются от лишений и ограничений при применении мер из иных групп мер административного принуждения” [5, с. 426].

2. Административное взыскание по своему качеству – карательная санкция, являющаяся своеобразной реакцией, возмездием государства за нарушения должного поведения несовершеннолетнего.

3. “Предназначение рассматриваемых санкций определяется необходимостью оказать определенное воздействие на несовершеннолетнего, в поведении которого имеются определенные отклонения от норм. Именно в административных взысканиях находит отражение основной признак юридической ответственности – государственное осуждение несовершеннолетнего, виновного в совершении правонарушения” [2, с. 12].

4. Реализуется предназначение административных взысканий в процессе специальной, урегулированной процессуальным законом деятельности уполномоченных органов по разбирательству и разрешению дел об административных правонарушениях (административной ювенальной юрисдикции).

5. Для административных взысканий, в отличие от уголовных наказаний, которые вправе применять только суд, характерна множественность органов, их налагающих. Это обусловлено большим разнообразием охраняемых административно-правовыми нормами сфер общественных отношений в государстве; многогранностью, сложностью, специфичностью и динамичностью данных сфер (особенно сферы общественного порядка и общественной безопасности); потребностями как можно в быстрой реакции государства в лице соответствующих органов на административные правонарушения в различных сферах.

Принимая во внимание вышесказанное, определение административного взыскания, применяемого к несовершеннолетним, можно сформулировать следующим образом. Административное взыскание, применяемое к несовершеннолетним, – это установленное санкцией правовой нормы карательное административно-правовое средство коррекционного воздействия на несовершеннолетнее лицо за совершенное им административное правонарушение, применяемое уполномоченными на то государственными органами.

В рамках настоящей работы ограничимся рассмотрением теоретических и практических проблем, связанных с возможностью применения отдельных административных взысканий к несовершеннолетним.

Предупреждение. “Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1926 г. “Об издании местными исполкомами и городскими Советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке” предупреждение было закреплено в качестве санкции за правонарушения” [5, с. 433].

В ст. 6.4 КоАП предупреждение определено как мера административного взыскания, состоящая в письменном предостережении физического лица о недопустимости противоправного поведения. Однако, по справедливому утверждению А.Н. Крамника, “такое определение весьма неудачно” [1, с. 153]. Например, в ст. 3.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предупреждение определено как “мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица” [6]. В этом случае можно согласиться с А.Н. Крамником в том, что “данное определение значительно ближе к сущности рассматриваемой меры административной ответственности. Тем не менее, и оно не раскрывает содержания предупреждения” [1 с. 154]. Предупреждение выносится несовершеннолетнему только в письменной форме. Иных форм выражения предупреждения, о которых упоминается в научной литературе, не существует.

Не отрицая морального воздействия предупреждения на несовершеннолетнего правонарушителя, следует отметить, что содержание его состоит: во-первых, в официальном указании виновному уполномоченным лицом, что его деяние образует состав конкретного административного правонарушения; во-вторых, в отрицательной оценке (неодобрении) государством этого деяния, влекущей для него последствия не только морального, но и правового характера.

Именно в отрицательной государственной оценке правонарушения и заключается признак административной кары предупреждения как средства административной ответственности. Представляется, что именно эти два очень важных момента не нашли отражения в предлагаемом А.Н. Крамником определении предупреждения как вида административного взыскания. Данный автор полагает, что определение должно быть примерно следующим: «Предупреждение – это административное взыскание, выражающееся в письменном закреплении в вынесенном постановлении о наложении административного взыскания слова “предупредить”, воздействующего на виновное лицо морально» [1, с. 154].

Применение данного административного взыскания, как указывалось выше, влечет наступление и отрицательных правовых последствий для несовершеннолетнего нарушителя – административной наказанности. «При совершении им другого нарушения факт применения к нему предупреждения должен быть учтен. Фиксирование предупреждений помогает вести учет правонарушений и позволяет при неоднократности их совершения применить к виновному более строгое административное взыскание» [5, с. 434].

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенное, представляется обоснованным определить предупреждение, применяемое к несовершеннолетним, как вид административного взыскания следующим образом.

Предупреждение, применяемое к несовершеннолетним – это установленное санкцией правовой нормы средство привлечения к административной ответственности морального характера, выражающееся в письменном закреплении в официальном документе факта отрицательной оценки (неодобрения) государством деяния несовершеннолетнего лица с целью его воспитания в духе соблюдения законов, предупреждения совершения других правонарушений.

Штраф. Штраф представляет собой средство привлечения к административной ответственности денежного характера (ст. 6.5 КоАП), которая может выражаться в базовой величине, установленной законодательством на день вынесения постановления о наложении административного взыскания; процентном либо кратном отношении к стоимости предмета совершенного административного правонарушения; процентном либо кратном отношении к сумме ущерба, сделки либо дохода, полученному в результате сделки.

«Административный штраф занимает особое место в юрисдикционной деятельности ОВД. Он предусмотрен в качестве санкции применительно ко всем видам административных правонарушений, за совершение которых должностные лица имеют право налагать административные взыскания» [5, с. 434]. Особый объект воздействия (материальные интересы несовершеннолетнего, являющиеся наиболее уязвимыми), возможность быстрого применения и большая гибкость воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя в соответствии с характером совершенного правонарушения обусловили довольно широкое распространение штрафа в административной практике.

Если принять во внимание то, что особенностью штрафа является материальное воздействие на несовершеннолетнего правонарушителя посредством принудительного лишения определенной суммы денежных средств, то необходимо еще раз обратить внимание на требование ст. 44 Конституции, согласно которой «принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда» [7]. На это обстоятельство обратили внимание исследователи принуждения и в Российской Федерации [5, с. 434].

В первом случае это может быть ситуация, когда государство в целях удовлетворения общественных интересов, в отдельных случаях может потребовать сноса жилого дома гражданина. Взамен сносимого дома государство обязуется предоставить в собственность квартиру в многоквартирном жилом доме, перенести либо построить другой дом в другой равноценной местности.

Таким образом, принудительное изъятие имущества у несовершеннолетнего не допускается, кроме вышеуказанного (установленного законом) случая либо не иначе как по решению суда. Если принять во внимание, что согласно ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь деньги признаются разновидностью имущества, то получается, что в первом предусмотренном Конституцией случае принудительного изъятия имущества деньги не могут выступать

в качестве такового, а во втором (при принудительном изъятии по решению суда) – бесспорно, могут. К тому же, в соответствии с Конституцией принудительно лишить несовершеннолетнего определенной суммы денег можно только по решению суда. Однако данный вывод ставит под сомнение возможность принудительного внесудебного изъятия денег, по крайней мере, у несовершеннолетних лиц, т. е. путем применения административного штрафа.

В литературе выражена точка зрения о том, что “признание невозможности назначения штрафа во внесудебном порядке фактически означало бы крах всей внесудебной системы административной юрисдикции” [8, с. 147]. При поиске вариантов выхода из данной в высшей степени непростой ситуации в литературе можно выделить на первый взгляд “два возможных варианта: 1) не считать деньги имуществом, т. е. объектом гражданских прав; 2) передать правомочие применять административный штраф только судьям” [9, с. 60].

Изложенное свидетельствует, что у ученых-административистов нет единого мнения по решению обозначенной проблемы. В свою очередь, представляется, что для выхода из сложившейся ситуации целесообразно: во-первых, норму ст. 44 Конституции сформулировать следующим образом: “Принудительное отчуждение (в том числе изъятие) имущества допускается не иначе как по решению суда, если иное не предусмотрено законом”, либо изложить данную мысль в научно-практическом комментарии к данной статье; во-вторых, перераспределить полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы: административной ответственности несовершеннолетних присущи специфические, конкретизированные нами выше, признаки; мерой административной ответственности несовершеннолетних является административное взыскание; административное взыскание, применяемое к несовершеннолетним, – это установленное санкцией правовой нормы карательное административно-правовое средство коррекционного воздействия на несовершеннолетнего лица за совершенное им административное правонарушение, применяемое уполномоченными на то государственными органами; кара в административном взыскании, применяемом к несовершеннолетним, не является целью его применения, кара в административном взыскании представляет собой существенный признак, качественно отличающий взыскание от иных административно-правовых средств принуждения; предупреждение, применяемое к несовершеннолетним – это установленное санкцией правовой нормы средство привлечения к административной ответственности морального характера, выражающееся в письменном закреплении в официальном документе факта отрицательной оценки (неодобрения) государством деяния несовершеннолетнего лица с целью его воспитания в духе соблюдения законов, предупреждения совершения других правонарушений; требует нового научного осмысления проблема применения штрафов к несовершеннолетним правонарушителям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Крамник, А. Н.** Административно-правовое принуждение / А. Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2005. – 208 с.
2. Кодексы об административных правонарушениях Российской Федерации и Республики Беларусь: сравнительный анализ : учеб. пособие / под общ. ред. И. Ш. Киясханова. – Брянск ; М. : Моск. ун-т МВД России, 2005. – 350 с.
3. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 939 с.
4. **Шиенок, В. П.** Административная ответственность юридических лиц / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 68–73.
5. **Каплунов, А. И.** Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: системно-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / А. И. Каплунов. – М., 2005. – 498 л.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195 : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 07.02.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс”. – М., 2018.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2005. – 62 с.

8. **Россинский, Б. В.** Административные суды и производство по делам об административных правонарушениях / Б. В. Россинский // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 4 апр. 2003 г. / Моск. ун-т МВД России ; под ред. В. Я. Кикотя. – М., 2003. – С. 147.
9. **Сорокин, В. Д.** Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / В. Д. Сорокин // Юрид. мысль. – 2002. – № 4. – С. 3–85.

Поступила в редакцию 15.11.2018 г.

Контакты 7576802@mail.ru (Иванчикова Людмила Дмитриевна)

Ivanchikova L. ESSENCE AND CONTENT OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF MINORS.

The article analyzes certain theoretical issues of the application of administrative penalties to minors in the Republic of Belarus. The theoretical grounds revealing the essence and content of the administrative responsibility of minors, as well as individual administrative penalties applied to this category of persons are substantiated. On this basis, the expediency of improving the administrative legislation establishing the administrative responsibility of minors is justified.

Keywords: administrative liability of minors, administrative penalties applicable to minors, warning, penalty charge.

УДК 341.95

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. Н. Ховратова

старший преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования имущественных отношений, складывающиеся между супругами в Республике Беларусь. Основное внимание уделено анализу законного режима супружеского имущества и соотношение его с режим брачного договора.

Ключевые слова: имущественные отношения супругов, брачный договор, общая совместная собственность супругов, законный режим имущества супругов.

Введение

Семья не может исполнять свои многочисленные функции и потребности без расходования определенных средств, поэтому с регистрацией заключения брака закон связывает возникновение не только личных неимущественных, но и имущественных отношений.

Необходимость исследования вопросов правового регулирования имущественных отношений супругов является актуальным как в период действия самого брака, так и после его прекращения. Это обусловлено тем, что остается имущество, которое является предметом для дискуссий и взаимных претензий.

Основная часть

Основанием возникновения имущественных отношений у супругов является регистрация брака, заключенного в государственных органах, регистрирующих акты гражданского состояния. Брак – это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на основе условий, предусмотренных статьей 12 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. (далее – КоБС), нацеленный на создание новой ячейки общества и образующий взаимные условия мирного сосуществования в качестве супружеской пары [1].

Законодатель сравнительно больше внимания уделяет имущественным правам и обязанностям супругов, чем личным неимущественным, которые направлены на создание условий для саморазвития каждого из них и строятся на взаимном уважении. Дело в том, что имущественные отношения занимают лидирующую позицию в жизни супругов, так как семья не может существовать без расходования определенных средств и на них легче воздействовать с помощью закона. Кроме этого, в определенности имущественных отношений заинтересованы не только сами супруги, но и их наследники или кредиторы. В.И. Пенкрат указывает, что лишь некоторая часть имущественных отношений лежит за пределами правового регулирования – это соглашения супругов, заключаемые в повседневной жизни о том, кто платит за квартиру, платит за продукты и другое [2, с. 54].

Имущественные отношения между супругами могут быть поделены на две группы:

1. Отношения по поводу супружеской собственности (имущество, которое нажито во время брака).

2. Отношения по поводу взаимного содержания (алиментные обязательства).

Правовое регулирование отношений по поводу имущества в белорусской семье было подвергнуто как со стороны гражданского, так и со стороны семейного законодательства. Следует обратить внимание, что к совместной собственности супругов могут быть применимы все общие нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее – ГК) о собственности в целом и о совместной собственности в частности. Семейное законодательство

о супружеской собственности не может противоречить гражданскому, потому что оно детализирует и дополняет положения ГК, а также устанавливает определенные исключения из общих правил, предусмотренных гражданским законодательством, связанные со спецификой семейных отношений. Как справедливо отметила М.В. Антокольская, соотношение гражданских и семейных норм о праве собственности супругов можно считать наиболее яркой иллюстрацией того, что семейное и гражданское законодательство можно рассматривать в качестве общих и специальных норм [3, с. 142].

Согласно статьи 23 КоБС имущество, нажитое супругами в период брака, независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем внесены денежные средства, является их общей совместной собственностью. Супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения этим имуществом, если иное не предусмотрено Брачным договором [1]. Данная статья не определяет примерного перечня того, что относим к понятию “общее имущество супругов”. В то же время в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.06.2000 г. № 5 “О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака” (далее – постановление № 5) закреплено, что общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу, является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст.ст. 214, 219, 220, 221 ГК может быть объектом права собственности граждан независимо от того, на кого из супругов оно было приобретено или на кого внесены денежные средства, если Брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества [4, п. 20].

По действующему семейному законодательству предусмотрено два режима имущества супругов:

- законный (супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения, и его раздел осуществляется на основании ст. 23-28 КоБС);

- договорной (имущественные права и обязанности супругов в период брака и на случай его расторжения определяются соглашением сторон на основании ст. 13 КоБС) [2].

Впервые договорной режим имущества супругов законодатель закрепил в 1999 г., а значит то, что изменил императивный порядок в регулировании имущественных отношений между супругами и предоставил возможность самим решать, как они будут определять свои имущественные правоотношения.

Ценность брачного договора заключается в том, что каждая супружеская пара свободна в своем выборе заключить брачный договор или воздержаться от его заключения. Если супруги не сочли нужным заключить брачный договор, то в этом случае их имущественные отношения регулируются нормами, которые устанавливают законный режим имущества супругов.

Как отмечает С.М. Ананич в научно-практическом комментарии к статье 13 КоБС, брачный договор – это соглашение супругов или лиц, вступающих в брак, определяющее имущественные и (или) личные неимущественные права и обязанности супругов в период брака и (или) в случае его расторжения [5, с. 59].

В Республике Беларусь институт брачного договора дал возможность супругам самим устанавливать правовой режим владения, пользования и распоряжения общим имуществом. Если рассматривать нотариальную практику, то супруги не спешили заключать брачный договор после официального заключения брака, поэтому в целях обеспечения более эффективного правового регулирования данного института в КоБС были внесены 7 января 2012 г. изменения и дополнения.

Следует обратиться к анализу части 1 статьи 13, где обозначено, что брачный договор заключается в целях повышения культуры брачных и семейных отношений и ответственности одного супруга перед другим, определения прав и обязанностей супругов в браке и (или) после его расторжения лица, вступающие в брак, и супруги в любое время. Следует обратить внимание, что субъектами Брачного договора являются: супруги и лица, желающие вступить в брак. Поэтому согласно части 5 статьи 13-1 КоБС Брачный договор, заключенный между лицами, не состоящими в браке, вступает в силу со дня регистрации заключения брака органами, регистрирующими акты гражданского состояния, а следовательно если лица, заключившие Брачный договор, не вступят в брак, то Брачный договор также не вступит в силу и не будет порождать для сторон взаимные права и обязанности [1].

Исходя из толкования содержания части 8 статьи 13-1 КоБС разрешено несовершеннолетним лицам, вступающим в брак, заключать Брачный договор с согласия своих родителей, попечителей, за исключением случаев приобретения несовершеннолетними дееспособности в полном объеме [1].

Брачный договор нельзя заключать по доверенности, так как семейные отношения носят личный характер и их нельзя передать другому человеку.

Также в законодательстве определен порядок регистрации брачного договора главой 10 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23.10.2006 № 63 (далее – Инструкция о порядке совершения нотариальных действий) и составляется письменно в трех экземплярах, один из которых остается в делах нотариуса, два других выдаются сторонам договора. Нотариус обязан указывать в брачном договоре, заключается он между супругами либо между лицами, вступающими в брак, так как имеет значение вступление договора в силу (для одних – со дня нотариального удостоверения, а для других – со дня регистрации заключения брака органами, регистрирующими акты гражданского состояния). Кроме этого, несоблюдение нотариальной формы Брачного договора в соответствии со статьей 166 ГК влечет его недействительность [6]. Односторонний отказ от исполнения Брачного договора не допускается.

В Республике Беларусь заключение брачного договора, согласно постановлению № 5, не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав, также не должен содержать условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства [4, п. 11]. В то же время из буквального толкования содержания части 2 статьи 13 КоБС, определяющей, что брачный договор не должен нарушать права и законные интересы других лиц [1]. Например, брачный договор не может содержать условий, ограничивающих свободу супругов в выборе профессии или уменьшающих установленный законом размер алиментов на несовершеннолетних детей.

Обратимся к анализу статьи 13 КоБС. Законодатель в п. 6 предоставляет право лицам по соглашению сторон вносить изменения либо расторгать брачный договор. Обязательным условием при этом является то, что указанным договором установлены права и обязанности бывших супругов после прекращения их брака. В соответствии с п. 7 брачный договор прекращается с момента прекращения брака, но если предусматривает права и обязанности бывших супругов после прекращения брака, тогда действует до их исполнения.

Имущественные правоотношения супругов относят к отношениям, возникающим из брака. При нормальном течении семейной жизни супруги ведь не слишком задумываются о своих имущественных правах, так как строят совместный быт, пользуются имуществом друг друга, не акцентируя внимание, кому он юридически принадлежит. Когда супруги начинают конфликтовать между собой и решают расторгнуть свой брак, тогда и встает вопрос о совместно нажитом имуществе. Как свидетельствует статистика в нашей стране, да и в других государствах-участниках СНГ, более всего распространен законный режим, так как сегодня большинство населения все-таки брачный договор не заключает.

Совместная собственность по-прежнему отвечает интересам большинства семей. Законный режим в основном базируется на нормах статьи 23 КоБС, где учтен опыт многолетней судебной практики, и констатирует положение о том. Что супруги имеют равные права на имущество, приобретенное в браке за счет общих средств семьи. В частности даже сегодня доходы большей части женщин по-прежнему ниже доходов их мужей, ведь женщины вынуждены сочетать профессиональную карьеру с воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства.

Средства, за счет которых и возникает общая совместная собственность супругов, – это доходы от трудовой, предпринимательской или иной законной деятельности супругов. По мнению М.В. Антокольской, существует презумпция того, что все имущество, приобретенное в течение брака, относится к общей собственности. Из этой презумпции вытекают два вывода. Во-первых, лицо, требующее отнесения имущества, приобретенного в течение брака, к категории общего, не должно представлять никаких доказательств. Лицо, которое настаивает на исключении такого имущества из общности, напротив, должно предоставлять доказательства. Во-вторых, все виды имущества, приобретенного в течение брака, считаются общими независимо от того, включен

законом тот или иной объект в перечень общего имущества или нет. Для того чтобы исключить тот или иной вид имущества, наоборот, необходимо прямое указание закона на то, что данная категория имущества является, раздельной собственностью одного из супругов [4, с. 144].

В ч. 2 статьи 23 КоБС направлена на защиту интересов того из супругов, который не получал доходов в период брака из-за того, что по совместному решению обоих супругов вел домашнее хозяйство и воспитывал детей. Однако в законе перечень причин, которые признаются уважительными для неполучения дохода одним из супругов, является открытым, например, к таким обстоятельствам можно отнести болезнь или учебу супруга, невозможность найти работу и др.

Как было сказано ранее, КоБС не определяет содержание понятия “совместная собственность”, но исходя из признаков, характерных для всех видов совместной собственности в соответствии с п. 2 ст. 246 ГК совместная собственность является бездолевой (не предполагает выделения в ней долей собственников). Таким образом, если супруги захотят выделить долю каждого в общем имуществе, то это влечет прекращение совместной собственности.

Анализ ч. 3 статьи 26 показывает, что имущество каждого из супругов может быть признано их общей совместной собственностью, если будет признано, что в период брака были произведены вложения, которые значительно увеличили стоимость этого имущества, например капитальный ремонт, если иное не было предусмотрено брачным договором.

Следует отметить, что помимо совместного имущества супругам может принадлежать имущество, которое составляет собственность каждого из них: имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак; имущество, полученное супругом в период брака в порядке наследования; имущество, полученное супругом в период брака по договору дарения; вещи индивидуального пользования супругов, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя они и были приобретены в период брака за счет общих средств супругов, но признаются имуществом того супруга, который ими пользовался. Некоторые моменты этой правовой нормы требуют разъяснения, например, что для семьи является предмет роскоши: для одних норковая шуба может быть обычным предметом обихода, а для других – предметом роскоши.

Вещи профессиональных занятий, например музыкальные инструменты или компьютер, которые могут быть используемые одним из супругов и приобретенные в период брака за счет общих средств, не признаются имуществом каждого из них. Это связано с тем, что на их приобретение часто затрачиваются значительные семейные средства, и отнесение их к раздельному имуществу могло бы существенно нарушить интересы другого супруга. Поэтому согласно статье 25 КоБС суд в случае раздела имущества суд может присудить эти вещи профессиональных занятий, приобретенные в период брака, тому из супругов, в чьем пользовании они находились.

И наконец, согласно статье 27 КоБС супруги могут вступать между собой во все не запрещенные законодательством Республики Беларусь имущественные сделки, но относительно имущества, которое является собственностью каждого из них.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что под имущественными отношениями супругов следует понимать отношения, которые регулируются нормами семейного права по поводу имущества супругов и взаимному содержанию.

В случае раздела имущества, которое является общей совместной собственностью супругов, их доли признаются равными, если иное не предусмотрено брачным договором. Брачный договор является документом, который призван урегулировать имущественные, так и личные неимущественные отношения между супругами, а также права и обязанности супругов в отношении их детей. Его заключение является правом, а не обязанностью лиц, вступающих в брак или живущих в браке (супругов). Главная особенность брачного договора – это недопустимость ухудшения положения супругов или других лиц в части прав и гарантий, предусмотренных законодательством о браке и семье.

Исходя из анализа гражданского, семейного законодательства и судебной практики важно установить сущность субъектного состава брачного договора, чтобы не привело к заключению договоров с некорректными условиями. Таким образом, представляется целесообразным рассматривать осуществление имущественных прав одним из супругов через обеспечение интересов другого супруга.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр., Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. **Пенкрат, В. И.** Семейное право Беларуси : учеб. пособие / В. И. Пенкрат ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования “Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь”. – 2-е изд., испр. и пересмотр. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 235 с.
3. **Антокольская, М. В.** Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 326 с.
4. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 22 июня 2000 г., № 5 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 30.03.2017 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / С. М. Ананич [и др.] ; под ред. В. Г. Тихини, В. Г. Голованова, С. М. Ананич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 680 с.
6. Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий [Электронный ресурс] : постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь, 23 окт. 2006 г., № 63 : в ред. постановления Министерства юстиции Респ. Беларусь от 07.04.2017 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Поступила в редакцию 15.01.2019 г.

Контакты: +375 29 317-17-77 (Ховратова Светлана Николаевна)

Hovratova S. CHARACTERISTICS OF LEGAL REGULATION OF PROPERTY RELATIONS BETWEEN SPOUSES IN THE REPUBLIC OF BELARUS.

The article considers relevant questions of legal regulation of property relations between spouses in the Republic of Belarus. The main focus is on the analysis of legal regime of spouses' property and its ratio with the marriage contract regime.

Keywords: property relations between spouses, marriage contract, joint property of spouses, legal regime of marital property.

УДК 342.571

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПЕРЕЧНЯ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ПОЛНОМОЧИЙ (конституционно-правовой анализ)

В. В. Гончаров

кандидат юридических наук, исполнительный директор

Юридической консалтинговой корпорации “Ассоциация независимых правозащитников”
(г. Краснодар, Россия)

Настоящая статья посвящена исследованию некоторых проблем, связанных с определением перечня субъектов общественного контроля в Российской Федерации и их полномочий. В статье приводится авторское определение понятия общественного контроля в России. Автор отмечает, что в процессе организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации возникают многочисленные проблемы, которые препятствуют его эффективному функционированию. Наиболее важными из них являются проблемы определения пределов общественного контроля, в частности, полноты наполнения содержания данного вида деятельности (в том числе, перечня субъектов общественного контроля в Российской Федерации и их полномочий). Автор анализирует перечень субъектов общественного контроля в Российской Федерации и их полномочий, обосновывает необходимость внесения ряда изменений в действующее законодательство Российской Федерации, регулирующие вопросы общественного контроля. Данные изменения позволят усовершенствовать законодательную базу общественного контроля, превратив его в действенный инструмент по искоренению причин и условий, способствующих нарушению прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Ключевые слова: проблемы; субъекты; общественный контроль; Российская Федерация; полномочия; народовластие; участие граждан в государственном управлении; конституционно-правовой; перечень.

Введение

Настоящая статья посвящена исследованию проблем, возникающих с определением перечня субъектов общественного контроля в Российской Федерации и их полномочий. Цель исследования: выявить основные проблемы, связанные с определением перечня субъектов общественного контроля в Российской Федерации и их полномочий, обосновав пути их разрешения, для того, чтобы обеспечить оптимальную организацию и функционирование данного института гражданского общества.

Задачи исследования: 1) дать определение общественного контроля в Российской Федерации; 2) обосновать, что наиболее важными проблемами, возникающими в процессе организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации, являются проблемы определения пределов общественного контроля, в частности, полноты наполнения содержания данного вида деятельности (в том числе, субъектов общественного контроля и их полномочий); 3) дать анализ субъектам общественного контроля в Российской Федерации, обосновав их оптимальный перечень; 4) дать анализ пределам полномочий субъектов общественного контроля в Российской Федерации, обосновав их оптимальный перечень; 5) обосновать изменения и дополнения в действующее законодательство, которые необходимо принять для разрешения проблем, возникающих с определением перечня субъектов общественного контроля в Российской Федерации и их полномочий.

Основная часть

Представляется, что под общественным контролем в Российской Федерации следует понимать совокупность облеченных в правовую форму принципов, норм и общественных институтов, представляющих собой объединения граждан, массовая и добровольная деятельность кото-

© Гончаров В. В., 2019

рых направлена на осуществление контроля за формированием и функционированием органов государственной власти и местного самоуправления, а также за деятельностью уполномоченных юридических и физических лиц, которые наделены действующим законодательством определенным набором властных полномочий, осуществляемых ими самостоятельно, либо совместно с органами государственной власти и местного самоуправления, либо от их имени и (или) по их поручению, в целях обеспечения реализации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, формирования и функционирования органов публичной власти в соответствии с действующим законодательством и недопущения присвоения власти или ее узурпации отдельными органами власти и их должностными лицами.

В процессе организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации возникают многочисленные проблемы, которые препятствуют эффективному функционированию данного института гражданского общества, без разрешения которых невозможна реализация конституционных принципов народовластия и участия общественности в управлении государственными делами.

Одной из вышеуказанных проблем является определение пределов общественного контроля, под которыми стоит понимать: 1) пространственные и временные границы его организации и осуществления; 2) идеал, грани к которым необходимо стремиться при его реализации; 3) максимальный охват и мыслимую полноту его содержания; 4) крайнюю и высшую ступень реализации данного вида деятельности с позиций ее легальности и легитимности.

Важную роль в определении пределов общественного контроля играет установление исчерпывающего перечня его субъектов. Ряд авторов справедливо заявляют о необходимости включения в перечень субъектов общественного контроля непосредственно народа: «Первичным субъектом контроля над осуществлением государственной власти является народ, который может осуществлять контроль как непосредственно (через институты прямой демократии и различные формы участия институтов гражданского общества в общественно-политической жизни), так и опосредованно (через представительные органы публичной власти)” [1, с. 21].

Действительно, включение народа, являющегося единственным источником власти в стране и носителем государственного суверенитета, в перечень субъектов общественного контроля позволит, с одной стороны, существенно повысить правовой статус и значимость всей системы субъектов общественного контроля в стране, а с другой – радикально изменить их полномочия с информационных, рекомендательных, совещательных на реальные, позволяющие осуществлять предупреждение, профилактику и пресечение нарушений прав, свобод и законных интересов как граждан Российской Федерации, так и их многочисленных объединений.

В ряде стран СНГ, например, в Республике Казахстан, в перечень субъектов общественного контроля включены физические лица – граждане Республики Казахстан (согласно части 3 статьи 17 Закона Республики Казахстан от 02.11.2015 № 383-V “Об общественных советах)” [2].

Кроме того, дискуссионным является и вопрос участия в деятельности субъектов общественного контроля иностранных граждан и лиц без гражданства. Так, согласно 3 и ряду иных статей Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ “Об основах общественного контроля в Российской Федерации” право участвовать в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, предоставлено только для граждан Российской Федерации [3]. Однако в качестве одной из целей общественного контроля в России в статье 5 данного Федерального закона выступает обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, согласно статье 22 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 каждому человеку независимо от его гражданской принадлежности гарантируется право на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов [4]. Следовательно, ограничение прав иностранных граждан и лиц без гражданства на участие в мероприятиях общественного контроля лишает их возможности отстаивать свои права, предусмотренные национальным и международным законодательством.

В связи с этим в ряде стран, например, в Республике Казахстан делаются попытки закрепления права иностранных граждан и лиц без гражданства участвовать в осуществлении общественного контроля в качестве полноправных субъектов на территории страны. Так, в части 2

статьи 10 проекта Закона Республики Казахстан “Об общественном контроле в Республике Казахстан” предусматривается, что иностранцы и лица без гражданства вправе выступать субъектами общественного контроля, пользоваться соответствующими правами, а также нести обязанности, установленные для граждан, если иное не предусмотрено Конституцией, законами и ратифицированными международными договорами [5].

Хотя часть 2 статьи 9 вышеназванного Федерального закона и закрепляет возможность создания в соответствии с законодательством Российской Федерации иных организационных структур общественного контроля, однако, на практике основная масса субъектов общественного контроля представлена либо общественными палатами федерального, регионального и муниципального уровня, либо создаваемыми ими структурами. По мнению ряда авторов, это существенно обедняет разнообразие субъектов общественного контроля, особенно на региональном и местном уровне [6; 7, с. 13–16; 8, с. 71–77].

Кроме того, из смысла части 2 статьи 9 вытекает, что создание организационных структур общественного контроля, кроме перечисленных в вышеназванном Федеральном законе, может осуществляться исключительно нормативно-правовыми актами федерального уровня. Однако представляется, что данное ограничение полномочий регионального и муниципального законодательства необоснованно и противоречит части 1 статьи 2 данного Федерального закона, согласно которой осуществление общественного контроля регулируется настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами.

В связи с этим представляется необходимым изложить часть 2 статьи 9 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ “Об основах общественного контроля в Российской Федерации” в следующей редакции:

“2. Для осуществления общественного контроля в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами, могут создаваться:

- 1) общественные наблюдательные комиссии;
- 2) общественные инспекции;
- 3) группы общественного контроля;
- 4) иные организационные структуры общественного контроля”.

Представляется, что перечень субъектов общественного контроля возможно дополнить профессиональными союзами, так как, во-первых, основной целью деятельности которых является обеспечение и защита трудовых прав граждан Российской Федерации, во-вторых, они являются самой массовой и распространенной разновидностью общественных организаций в стране, в-третьих, система правового регулирования их деятельности представляет собой широко отлаженный десятилетиями механизм. Как справедливо отмечает И.А. Мурзанов, “анализ законодательства о профессиональных союзах показывает наличие формального закрепления их права осуществлять общественный контроль. Положения Закона об общественном контроле содержат закрытый перечень субъектов общественного контроля, в который не входят профсоюзы ... данное противоречие требует законодательного разрешения” [9, с. 52].

Придание профессиональным союзам статуса субъекта общественного контроля позволит им осуществлять в полной мере такие важные формы общественного контроля, как общественные проверки, общественный мониторинг и общественную экспертизу. При этом профсоюзы смогут оперативно осуществлять контроль за многочисленными подзаконными актами, регулирующими трудовые права граждан Российской Федерации. Кроме того, в значительной части органов государственной власти и муниципальных образованиях отсутствуют профсоюзные первичные организации. Придание им реальных полномочий по контролю соблюдения трудовых прав, в том числе и в отношении государственных и муниципальных служащих, с одной стороны, поднимет авторитет и правовой статус профсоюзов в глазах данных категорий работников, а с другой стороны, позволит им осуществлять постоянный общественный контроль в органах публичной власти. В связи с этим представляется необходимым внести изменения в Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях

деятельности” [10], закрепив за профсоюзами статус субъекта общественного контроля, детально регламентировав их полномочия в данной сфере.

Значительной проблемой в установлении пределов общественного контроля является определение оптимального набора их полномочий.

Хотя перечень прав субъектов общественного контроля, закрепленный в части 1 статьи 10 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ “Об основах общественного контроля в Российской Федерации”, носит открытый характер и может быть дополнен законодательством Российской Федерации, но по мнению ряда авторов, действующее законодательство должно уйти от тенденции детального регулирования полномочий субъектов общественного контроля, так как это сковывает развитие данного института гражданского общества.

Так, М.С. Хачатрян справедливо отмечает, “в связи с этим, считаем, что правовое регулирование общественного контроля не должно быть детальным, как в случае с государственным контролем, поскольку это может ограничить инициативу гражданского общества. Законодательство не должно подробно регулировать деятельность гражданского общества, поэтому, на наш взгляд, необходимо при принятии нормативных правовых актов, регулирующих деятельность гражданского общества по осуществлению общественного контроля, по возможности минимизировать ограничительные и закрытые нормы, предоставляя возможность развиваться новым формам общественного контроля, не предусмотренным законодательством [11, с. 24–30].

Подобное расширение полномочий позволит превратить институт общественного контроля не только в реальный механизм обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов граждан страны, а также их объединений, но и гарантировать реализацию конституционных принципов народовластия и участия граждан в управлении государственными делами.

Однако следует отметить, что уже закрепленный в действующем законодательстве за субъектами общественного контроля набор полномочий не в полной мере может быть реализован в связи с отсутствием его детализации в иных нормативно-правовых актах. Так, предусмотренное пунктом 7 части 1 статьи 10 вышеназванного Федерального закона право субъектов общественного контроля обращаться в суд в защиту прав неопределенного круга лиц, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций в случаях, предусмотренных федеральными законами, не подкреплено ни Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, ни другими законами, которые должны установить случаи, когда возможна реализация данного права.

Таким образом, определение оптимального набора полномочий субъектов общественного контроля в Российской Федерации предполагает решение двух вопросов. С одной стороны, перечень полномочий субъектов общественного контроля должен обеспечивать полноценную реализацию целей и задач общественного контроля, закрепленных в действующем законодательстве страны. С другой стороны, осуществление данных полномочий должно быть детализировано в иных нормативно-правовых актах на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

В связи с этим, представляется необходимым, во-первых, расширить полномочия субъектов общественного контроля, дополнив их правами по предупреждению, профилактике и пресечению нарушений прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации, во-вторых, провести мониторинг действующего законодательства на предмет внесения в него изменений и дополнений в части обеспечения реализации полномочий субъектов общественного контроля. Данный мониторинг должен быть организован и проводиться Общественной палатой Российской Федерации при информационно-правовой поддержке Правительства Российской Федерации в лице министерства юстиции страны.

Заключение

Данные изменения позволяют усовершенствовать законодательную базу общественного контроля, превратив его в действенный инструмент по искоренению причин и условий, способствующих нарушению прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Косинов, С. А.** Народ как первичный субъект осуществления контроля над публичной властью / С. А. Косинов // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2014. – № 9(99). – С. 21.

2. Об общественных советах: Закон Республики Казахстан от 02.11.2015 № 383-V [Электронный источник]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=36800092#pos=3;-252 (дата обращения: 07.12.2018).
3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Российская газета. – 23.07.2014. – № 6435 (163).
4. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol (дата обращения: 07.12.2018).
5. Проект Закона Республики Казахстан “Об общественном контроле в Республике Казахстан” [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://medialaw.asia/posts/10-07-2013/73245.html> (дата обращения: 07.12.2018).
6. **Арутюнян, Р. Э.** Конституционно-правовой статус институтов общественного контроля при органах государственной власти субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2011. – 22 с.
7. **Гриб, В. В.** Актуальные проблемы нормативного закрепления системы субъектов общественного контроля в Российской Федерации / В. В. Греб // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 1. – С. 13–16.
8. **Горнев, Р. В.** Общественные объединения как субъект общественного контроля на муниципальном уровне / Р. В. Горнев / В сборнике: Гласность и открытость местного самоуправления: актуальные теоретические и практические вопросы. – 2015. – С. 71–77.
9. **Мурзанов, И. А.** Профессиональные союзы как субъекты общественного контроля / И. А. Мурзанов // Закон и право. – 2016. – № 5. – С. 52.
10. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9015224> (дата обращения: 07.12.2018).
11. **Хачатрян, М. С.** Пределы правового регулирования общественного контроля / М. С. Хачатрян // Юридические исследования. – 2017. – № 9. – С. 24–30.

Поступила в редакцию 11.12.2018 г.

Контакты: piirgergo2009@mail.ru (Гончаров Виталий Викторович)

Goncharov V. ON SOME PROBLEMS OF DETERMINING THE LIST OF PUBLIC CONTROL SUBJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR POWERS (the constitutional legal analysis).

The article is devoted to the study of some problems associated with the definition of the list of subjects of public control in the Russian Federation and their powers. The article presents the author's definition of the concept of public control in Russia. The author notes that in the process of organization and implementation of public control in the Russian Federation there are many problems that hinder its effective functioning. The most important of them are the problems of determining the limits of public control, in particular, the completeness of the content of this type of activity (including the list of subjects of public control in the Russian Federation and their powers). The author analyzes the list of subjects of public control in the Russian Federation and their powers, justifies the need for a number of changes in the current legislation of the Russian Federation regulating the issues of public control. These changes will improve the legal framework of public control, turning it into an effective tool to eliminate the causes and conditions that contribute to the violation of human and civil rights and freedoms, rights and legitimate interests of public associations and other non-governmental non-profit organizations.

Keywords: problems, subjects, public control, the Russian Federation, powers, democracy, participation of citizens in public administration, constitutional and legal, list.